

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2013

№ 2(4)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«Вопросы лексикографии»

Т.А. Демешкина (Томск) – председатель
О.И. Блинова (Томск) – зам. председателя
Д.А. Катунин (Томск) – отв. секретарь
Н.Д. Голев (Кемерово)
А.Д. Жакупова (Кокчетав)
Е.В. Иванцова (Томск)
В.М. Мокиенко (Санкт-Петербург)
О.В. Фельде (Красноярск)
Л.И. Шелепова (Барнаул)
Е.А. Юрина (Томск)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Иванцова Е.В. Лексикографическое представление речи индивида: тип словаря и его реализация в словарной практике	5
Самогик Л.Г. Словари внелитературной лексики как разновидность авторских словарей (проблемы и решения)	19

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Влавацкая М.В. «User's needs» как требования к составлению англо-русского учебного комбинаторного словаря	32
Галуза О.Ю. Диалектная лексикография Приамурья: становление и современное состояние	41
Голев Н.Д. Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации	48
Нефедова Е.А. «Архангельский областной словарь»: традиции и новаторство	65

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Мокиенко В.М. Социолекты в зеркале лексикографии	76
---	----

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

Лукьянова Н.А. Новосибирская лексикографическая школа: история, теория, практика	94
---	----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	115
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	116

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Ivantsova Ye.V. Lexicographical representation of an individual's speech: type of dictionary and its use in dictionary practice.....	5
Samotik L.G. Dictionaries of extraliterary vocabulary as a type of author's dictionaries (problems and solutions).....	19

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Vlavatskaya M.V. "User's needs" as a requirement to compiling the English-Russian Combinatory Dictionary for Learners	32
Galuzha O.Yu. Dialect lexicography of the Amur Region: formation and present condition.....	41
Golev N.D. The Dictionary of the Common Interpretation of Russian Words: the conception and the experience of its implementing	48
Nefedova Ye.A. Arkhangelsk Regional Dictionary: traditions and innovation	65

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Mokienko V.M. Sociolects in the mirror of lexicography	76
---	----

ACTIVITY OF CENTRES FOR LEXICOGRAPHY

Lukianova N.A. Novosibirsk Lexicography School: history, theory, practice	94
--	----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	115
--	-----

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	116
---	-----

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 81'374

Е.В. Иванцова

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕЧИ ИНДИВИДА: ТИП СЛОВАРЯ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В СЛОВАРНОЙ ПРАКТИКЕ

Статья посвящена характеристике словарей, отражающих речь конкретных языковых личностей. Рассматриваются проблемы наименования данного класса словарных трудов, выделения их главных типологических свойств и разграничения параметрических признаков, которые составляют специфику идиолектных словарей либо являются общими для всех видов лексикографической продукции. Классифицируются разновидности словарей, представляющих результаты речевой деятельности конкретного носителя языка, и прогнозируется развитие словаростроения в этой сфере.

Ключевые слова: типология словарей, идиолектный словарь, авторский словарь, словарь языка писателя, языковая личность, идиолект.

Лингвистические словари в наши дни все более укрепляют своей позиции как один из наиболее эффективных инструментов познания языка и культуры. Словарный бум, захвативший все области современной лингвистики, не оставил в стороне и лингвоперсоналогию. Лексикографический метод начинает не только служить целям создания уникальной базы источников изучения речи реальных индивидов во всем ее многообразии, но и одновременно становится одним из объективных методов изучения языковой личности [1. С. 116].

Число словарей, в той или иной форме репрезентирующих «человека говорящего», неуклонно растет. В связи с появлением новых проектов и словарных трудов осмысливаются их информативные возможности и видоизменяются уже существующие классификации. Бурное развитие данной области словаростроения ставит перед теорией лексикографии новые, пока не решенные проблемы. В числе центральных – вопрос о номинации типа словаря, отражающего индивидуальную речь, его сущностных признаках, месте в общей типологии словарных изданий и разновидностях внутри данного

типа – как уже получивших воплощение в словарной практике, так и возможных.

1. И в теоретическом, и в практическом плане значима **проблема обозначения рассматриваемого словарного типа**. Для его названия в настоящее время используется ряд терминологических словосочетаний: «словарь языка писателя», «писательский словарь», «словарь писателя», «словарь одного автора», «авторский словарь», «словарь идиостиля», «идиолектный словарь», «словарь идиолекта», «словарь личности», «словарь языковой личности». Не все из перечисленных терминов имеют дефиниции, одни из них являются дублетными, другие находятся в отношениях гипонимии, статус некоторых пока не определен.

Исторически сложилось так, что создание словарей речевой практики отдельных индивидов начиналось с лексикографирования художественных произведений известных писателей; преобладают издания такого рода и до сих пор. Для их наименования закономерно утвердился термин «словари языка писателей», являющийся наиболее распространенным. Реже используются более ранние синонимы «словарь писателя» и «писательский словарь», восходящие к работам Л.В. Щербы и Б.А. Ларина.

В трактовке термина «словари языка писателя» разными исследователями нет существенных расхождений: отмечается, что они «содержат описание лингвокультурного феномена – образца личного владения языком» [2. С. 309], «представляют собой комплексный тип словарей, в которых содержатся и объясняются слова, употребляющиеся в сочинениях определённого автора» [3. С. 172–173].

Расширение круга объектов лексикографического описания привело к появлению словарей, демонстрирующих языковые особенности не только создателей художественных текстов, но и политиков, философов, публицистов, ученых. Вероятно, именно эти обстоятельства вызвали к жизни новый термин – «авторские словари», введенный Л.Л. Шестаковой на рубеже XX–XXI вв.¹

Отличительным признаком авторских словарей, по мысли исследователя, является принадлежность материала отдельной творческой личности [5. С. 47]. При этом предлагается узкая и широкая трактов-

---

¹ Еще в 70-е гг. XX в. В.П. Тимофеевым использовался близкий термин «словарь одного автора» [4].

ка авторских словарей. В узком смысле авторские словари – то же, что словари языка писателя; в широком – словари, описывающие язык авторов и художественных и нехудожественных текстов [Там же. С. 42].

Вместе с тем и данный термин не отвечает требованиям полного охвата словарных трудов, опирающихся на дискурс отдельных личностей. Поскольку под автором обычно подразумевают создателя письменного текста, имеющего какую-либо культурную ценность¹, за пределами «авторской лексикографии» остались словари рядовых носителей языка, число которых в последние десятилетия значительно выросло. На сегодняшний день эта группа фиксирует только речь индивидов, владеющих диалектной формой национального языка, но весьма актуально лексикографирование дискурса рядовых носителей литературного языка, составляющих основную часть современного общества.

В названиях ряда изданий («Диалектный словарь личности» В.П. Тимофеева (Шадринск, 1971); «Словарь диалектной личности» В.Д. Лютиковой (Тюмень, 2000); «Экспрессивный словарь диалектной личности» Е.А. Нефедовой (М., 2001) их тип обозначен как «словарь личности». Метонимический перенос в терминологии нежелателен и, очевидно, не имеет перспектив для закрепления. Скорее всего, данное наименование будет вытеснено «словарем языковой личности» так же, как раннее обозначение «словарь писателя» трансформировалось в наши дни в «словарь языка писателя». Однако термин «языковая личность» находится еще в стадии становления, понимается неоднозначно – для обозначения и конкретного, и обобщенного носителя языка, а потому название «словарь языковой личности» только начинает внедряться в лексикографическую теорию и практику. Первый опыт «Полного словаря диалектной языковой личности» в 4 томах (Томск, 2006–2012) осуществлен учеными Томской лингвистической школы.

Думается, что оптимальным для обозначения типа словаря, отражающего речь индивида, может быть наименование «идиолектный словарь». Во-первых, оно является наиболее широким, охватывая все случаи представления индивидуального дискурса или его эле-

---

¹ «Автор – создатель литературного или иного художественного произведения, научного труда, проекта, изобретения и т.п.» [6. С. 23].

ментов в словарной форме. Во-вторых, оно отвечает терминологическим требованиям краткости, системности (находясь в мотивационных связях с терминами «идиолект», «диалект» и «идиостиль») и прозрачности внутренней формы. Наконец, этот тип словаря уже достаточно давно утвердился в классификации диалектных словарей [7. С. 126; 8. С. 150] и в последнее десятилетие вошел в общую типологию русских лингвистических словарей [9]¹; словосочетание «идиолектный словарь» в единичных случаях используется в названиях словарей («Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила» Е.В. Иванцовой). Термин «идиолектный словарь» многозначен, как и его мотивирующий «идиолект», но это обстоятельство можно считать одновременно и недостатком и достоинством. Идиолект понимается как 1) носящая системный характер совокупность всех речевых средств индивида и 2) только специфические речевые особенности данного носителя языка [11. С. 171]. Между данными значениями нет такого резкого различия, как в термине «языковая личность», и оба они так или иначе ориентируют потенциального читателя на проявление в словаре черт индивидуальной речи.

Что касается «словаря идиостиля», теоретически его можно было бы считать разновидностью идиолектных. Однако, на наш взгляд, в любом словаре отдельного индивида проявляются (пусть с разной степенью эксплицитности) его индивидуальные предпочтения при выборе средств из общенародного языка. Поскольку идиостиль – это «индивидуально устанавливаемая языковой личностью система отношений к разнообразным способам автопрезентации *средствами идиолекта*» [12. С. 40; разрядка моя. – Е.И.], введение терминообозначения «словарь идиостиля» кажется избыточным.

2. Главным типологическим признаком идиолектного словаря является наличие специфического объекта описания – результатов речевой деятельности конкретного носителя языка. Именно на этом основании данный тип словарей противопоставляется всем иным, тогда как по другим основаниям он может с ними совпадать. Развитие словарного дела требует уточнения места идиолектных словарей в сфере лексикографических трудов и отграничения данного типа от смежных. Вопрос этот не теряет своей актуально-

---

¹ Близкое к нему обозначение «словарь идиолекта» [10] в известных нам классификациях словарей отсутствует.

сти, поскольку даже в работах последнего времени рассматриваемые словарные издания описываются неточно или не вполне последовательно. Идиолектные словари либо сводятся к писательской лексикографии (даже в том случае, когда фиксируют письменную речь не являющихся писателями личностей), либо включаются в класс словарей индивидуальной речи частично (прочие попадают в другие классы), либо смешиваются с неидиолектными.

Так, в работах по теории лексикографии в состав словарей языка писателей входят «Фразеологический словарь языка В.И. Ленина» и «Словарь языка В.И. Ленина» [3. С. 179; 13. С. 195]; «Словарь крылатых выражений Пушкина» рассматривается в составе фразеологических [13. С. 117–119], а «Диалектный словарь личности» В.П. Тимофеева – в составе диалектных словарей [3. С. 255; 13. С. 235]; «Словарь языка Александра Лебедея» Л.Г. Самотик и «Словарь языка Агафьи Лыковой» Г.А. Толстовой расцениваются как примыкающие к авторской лексикографии [1. С. 117]. К словарям языка писателей или идиолектным словарям, наряду с собственно идиолектными, отнесены «Словарь поэтических образов» Н.В. Павлович, «Первый палиндромический словарь современного русского языка» О.Б. Масленникова, «Поэт и слово: опыт словаря», «Самовитое слово: словарь русской поэзии XX века», «Словарь эпитетов русского литературного языка» К.С. Горбачевича и Е.П. Хабло, «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.», справочник «Редкие слова в произведениях авторов XIX века» [3. С. 182–183; 9. С. 39; 13. С. 196; 14]¹, «Материалы к словарю детской речи (неузуальные слова)», «Словарь детской речи» В.К. Харченко, «Говорят дети: словарь-справочник» [9. С. 39] и др.

Рассматривая перечисленные издания с лингвоперсоналогических позиций, можно разделить их на две группы.

В первую группу входят словарные труды, сочетающие освещение особенностей речи конкретного индивида с тем или иным традиционным аспектом / аспектами описания (лексикографирование фразеологизмов, диалектных единиц, крылатых выражений и т.п.). Они должны включаться одновременно в класс идиолектных (по объекту описания) и в классы, номинирующие предмет описания

---

¹ Очевидно, определение «писательский» в этом случае имплицитно проецируется не на лингвоперсоналогический объект, а на источники создания словаря (тексты, созданные писателями).

(фразеологический, диалектный словарь и т.д.). В данной группе подавляющее большинство составляют словари языка писателей. Начинают осуществляться проекты по лексикографированию дискурса известных политиков и ученых: это несколько изданий, созданных в качестве подготовительных материалов к словарю языка В.И. Ленина¹ («Словарь языка В.И. Ленина. Алфавитно-частотный словоуказатель к полному собранию сочинений» (М., 1987); «Фразеологический словарь языка В.И. Ленина» Л.К. Байрамовой и П.Н. Денисова (Казань, 1991), «Словарь языка Александра Лебедея» Л.Г. Самотик (Красноярск, 2004), проект словаря языковой личности уральского лингвиста В.П. Тимофеева [15]. Наконец, особую нишу занимают словари отдельных носителей народно-речевой культуры (кроме упомянутых выше словарей В.П. Тимофеева, В.Д. Лютиковой, Е.А. Нефедовой, Е.В. Иванцовой, Г.А. Толстой и «Полного словаря диалектной языковой личности», отметим также малоизвестное издание «Фразеология диалектной личности: Словарь» В.П. Тимофеева (Шадринск, 2003).

Самую узкую группу в перечисленном ряду составляют словари языка писателей. В авторские словари, наряду с писательскими, входят словари политиков и ученых. Сюда же следует отнести проекты словарей М.В. Ломоносова [16] и В.И. Даля [17], оставивших потомкам как научное, так и художественное наследие. Самый широкий класс – идиолектные словари: они на равных основаниях представляют речь любых носителей языка, в том числе рядовых говорящих. Объединяющим их началом является отражение дискурсивной практики конкретного индивида, реальной языковой личности.

Вторую группу образуют труды, в которых лексикографируются те или иные языковые элементы в речи определенного коллектива носителей языка. В отношении сводных словарей, где фиксируются особенности речи авторов художественных текстов (объединенных одной эпохой, поэтической или прозаической формой, использованием каких-либо выразительных средств), у исследователей единой точки зрения не выработано. Л.Л. Шестакова считает, что их определение в качестве авторских «...по-видимому, более логично, чем отнесение таких словарей к общим, неличностным» [5. С. 42].

---

¹ Общий проект не был осуществлен в связи с изменением общественно-политической ситуации.

О.И. Фонякова допускает вариативное отнесение подобных изданий и к писательской лексикографии, и к нормативно-стилистическим языковым справочникам сводного типа в классе лингвистических словарей [14]. На наш взгляд, сводные словарные издания на материале художественных текстов с учетом доминантного признака идиолектных словарей остаются за рамками последних. На том же основании не являются идиолектными и деперсонализированные словари детской речи (идиолектные словари детей, несомненно, появятся в будущем).

3. Современная идиолектная лексикография насчитывает множество различных подтипов словарей с учетом противопоставления выделяемых дифференциальных признаков. Обозначим прежде всего те из них, которые составляют **специфику разновидностей идиолектных лексикографических трудов на основе определенных параметров.**

Существующее в лексикографии противопоставление *по общему объекту отображения* (макросистема / микросистема, лексика языка / лексика речи) в идиолектных словарях воплощено только в одном варианте. Хотя в заглавиях многих из этих работ фигурирует слово «язык», по существу в них лексикографируются индивидуальные речевые варианты реализации языковой системы. Соответственно, любой идиолектный словарь – это словарь микросистемы.

Возможные разновидности в данном случае определяются *частным объектом* лексикографирования, который одновременно является субъектом речи. Формирующаяся в науке классификация языковых личностей уже сейчас насчитывает десятки типов (подробнее см.: [18. С. 72–95]), и каждый из них потенциально может быть представлен в идиолектном словаре. Пока в лексикографической практике доминируют словари на основе речи творческих личностей (обычно писателей, реже – политиков и ученых), растет число словарей рядовых говорящих – носителей традиционных говоров; имеют место как словари языковых личностей прошлого, так и наших современников. Теория лингвоперсонологии позволяет прогнозировать создание идиолектных словарей, которые появятся в будущем. Объектами словарного описания станут представители различных социолингвистических групп – профессиональных, возрастных, территориальных, национальных и т.д., носители разных типов ре-

чевой культуры (не только литературной и диалектной, но и просторечной, жаргонной), первичные и вторичные языковые личности.

Объем охвата лексикографируемых источников в идиолектных словарях трансформируется в *степень охвата индивидуального дискурса*. По данному параметру можно выделить полные словари, базирующиеся на фиксации всех видов речевой деятельности индивида, и неполные – имеющие в качестве источников только отдельные ее виды и / или жанры. Большинство существующих идиолектных словарей характеризуется суженной источниковой сферой, поскольку опирается только на письменную речь конкретного субъекта или ее фрагменты (художественные тексты в целом – иногда в сочетании с публицистическими, редко с научными и эпистолярными; отдельные художественные произведения). Таковы «Словарь языка Пушкина» (М., 1956–1961), «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой» (М., 1996–2002), «Словарь языка басен Крылова» (М., 1996), «Словарь языка комедии «Горе от ума» (М., 2007), проект словаря М.В. Ломоносова на материале его поэтических, научных и эпистолярных текстов [16] и др.¹ При этом сфера устной речи, являющаяся основной для любого носителя языка, в том числе и профессионально пишущего, остается за пределами словарных изданий в связи с отсутствием записей устной речи не только языковых личностей прошлого, но и наших современников. Исключение на общем фоне составляют словари диалектоносителей старшего поколения. Они фиксируют устную речь информантов, однако для носителей народно-речевой культуры в ее архаическом варианте это единственная форма общения. Ни одного словаря, использующего данные как письменной, так и устной речи одного лица, в мировой лексикографии еще не создано.

В соответствии с *предметом описания* аспектные словари идиолекта весьма разнообразны. Наиболее крупную группу составляют словари, описывающие семантико-функциональные свойства лексических единиц – общие или аспектные толковые («Словарь языка русских произведений Шевченко» (Киев, 1985–1986); «Словарь исторической прозы А.И. Чмыхало», Л.Г. Самотик (Красноярск, 1999); «Словарь языка Василия Шукшина» В.С. Елистратова (М.,

---

¹ Здесь и далее приводимый перечень словарных изданий в связи с ограниченным объемом статьи является иллюстрирующим, а не исчерпывающим.

2001); «Народное слово в произведениях В.И. Белова: Словарь» Л.Г. Яцкевич (Вологда, 2004); «Полный словарь диалектной языковой личности» (Томск, 2006–2012); «Словарь внелитературной лексики в «Царь-рыбе» В.П. Астафьева» Л.Н. Падериной, Л.Г. Самотик, (Красноярск, 2008) и мн. др.). Отметим, что нередко эти источники дают и множество другой информации; она тем богаче, чем более многопараметровой является структура словарной статьи. Проявление творческого начала в использовании языка, специфику индивидуального употребления выразительных возможностей языка в идиолекте демонстрируют словари образных средств, авторских новообразований, крылатых выражений («Словарь драматургии М. Горького: «Сомов и другие», «Егор Булычев и другие», «Достигаев и другие» (Саратов, 1984–1994) и остальные словари «горьковской серии»; «Словарь неологизмов Велемира Хлебникова» Н.Н. Перцовой (Москва; Vien, 1995); «Словарь метафор В. Маяковского» Н.А. Турапиной (Белгород, 1997); «Окказионализмы В.С. Высоцкого: опыт словаря» В.П. Изотова (Орел, 1998); «Материалы к словарю устойчивых образных сочетаний в произведениях В.П. Астафьева» Ю.В. Фроловой (Красноярск, 2004). Функциональные характеристики лексических единиц на основе количественно-статистических данных отражают многочисленные частотные словари («Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова» (М., 1981); «Частотный словарь романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (Тула, 1978); «Частотный словарь автобиографической трилогии М. Горького» П.М. Алексеева (СПб., 1996). Развитие лексической семантики и когнитивной лингвистики дало толчок к созданию идиолектных идеографических словарей, словарей ключевых слов¹ и ассоциативных словарей, в которых задачи выявления семантических связей слов в сознании индивида сочетаются с реконструкцией индивидуальной картины мира («Идеографический словарь языка французских стихотворений В.И. Тютчева» Б.В. Орехова (Уфа, 2004); «Идеографический словарь языка поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш» Е.А. Слободян [19]; «Индивидуальный ассоциативный словарь подростка» А.П. Сдобновой [20]).

---

¹ Наряду с традиционным термином «ключевое слово» в словарной практике используются также близкие по семантике обозначения «идиоглосса» («Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта», М., 2001) и «текстема» («Словарь языка Михаила Шолохова», М., 2005).

Следует заметить, что круг аспектных характеристик в идиолектных словарях сужен по сравнению с общеязыковыми лексикографическими трудами. Значительная часть последних создана с целью поддержания литературных норм. Хотя словари отдельных идиолектов отчасти дают сведения о нормах языка своего времени, кодификация не входит в их задачи. Таким образом, создание всех разновидностей ортологических справочников (орфоэпических, орфографических, грамматических и др.) стоит за пределами идиолектной лексикографии. Маловероятно и появление этимологических словарей лингвоперсонологической направленности.

Ю.Н. Карауловым и Е.Л. Гинзбургом предложена также классификация «авторских словарей», базирующаяся на известной структурной модели языковой личности. В соответствии с этими уровнями выделяются три группы словарей: содержащие лексикограмматическую информацию (семантический уровень языковой личности); фиксирующие элементы авторского мира (когнитивный уровень) и описывающие оценки, жизненные установки, идеалы автора (прагматический уровень). В качестве примеров словарей первой группы авторы приводят частотный словарь к роману Л.Н. Толстого «Война и мир», толковые словари языка А.С. Пушкина и М. Горького; ко второй группе относят, в частности, «Фразеологический словарь языка В.И. Ленина», словарь народно-разговорной лексики и фразеологии И.С. Тургенева, «Словарь к пьесам А.Н. Островского»; к третьей – «Щедринский словарь» и энциклопедию «Творчество В.М. Шукшина» [21. С. 7]. Однако все словари, в центре которых стоит описание лексики (в том числе толковые и частотные), содержат информацию не только о лексико-грамматическом, но и о когнитивном, а отчасти и о мотивационном уровне языковой личности. Можно выявить и обратную закономерность: словари более высоких уровней отражают, в свою очередь, характеристики низших уровней структуры *homo loquens*.

По прочим квалификационным параметрам, выделяемым в теории лексикографии, разновидности идиолектных словарей не имеют существенных особенностей в сравнении с другими типами словарных лингвистических изданий. Совпадают примерно и пропорции словарей разных подтипов. Так, **в зависимости от характера единиц описания** преобладают идиолектные словари, сосредоточенные на описании лексики, фразеологии или лексико-фразеологических

единиц. В некоторых случаях заголовочными единицами служат высказывания – авторские афоризмы, цитаты, крылатые выражения известных писателей – как минимальные текстовые единицы («Словарь крылатых выражений Пушкина» В.М. Мокиенко и К.П. Сидоренко (СПб., 1999); «Словарь крылатых слов и выражений комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» В.В. Прозорова (Саратов, 1996). Словари иных ярусов языка на сегодняшний день представлены морфемно-морфонологическими словарями языка А.С. Пушкина, поэзии А.В. Кольцова, И.С. Никитина и других авторов [22. С. 252]. Грамматические сведения имеют место во многих «лексических» словарях, но собственно грамматиконы в идиолектной лексикографии еще не созданы.

По принципам отбора материала среди словарей выделяются недифференциальные (включающие все лексические единицы, зафиксированные в источниках словаря) и дифференциальные (включающие ту или иную группу единиц, сформированную составителем в соответствии с задачами словаря). К группе недифференциальных идиолектных трудов относятся в первую очередь конкордансы и словоуказатели («Словоуказатель к комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» (Тверь, 1990); «Конкорданс к стихам А.С. Пушкина» Д. Шоу (М., 2000); близок к ним «Словарь языка Агафьи Лыковой» Г.А. Толстой (Красноярск, 2004). Дифференциальные идиолектные словари решают задачи описания:

а) отдельных классов лексико-фразеологических единиц: собственно диалектных («Диалектный словарь личности» В.П. Тимофеева (Шадринск, 1971), экспрессивных («Экспрессивный словарь диалектной личности» Е.А. Нефедовой (М., 2001), народно-разговорных («Словарь народно-разговорной лексики и фразеологии, составленный по собранию сочинений И.С. Тургенева» Ф.А. Маркановой (Ташкент, 1968), фразеологических («Фразеологический словарь В.И. Ленина» Л.К. Байрамовой, П.Н. Денисова (Казань, 1991), имен собственных («Словарь личных имен у Достоевского» (Прага, 1933) и др.;

б) выразительных средств идиолекта: метафор («Словарь метафор А. Блока» Н.А. Тураниной (Белгород, 2000), сравнений («Идиолектный словарь сравнений сибирского старожилы» Е.В. Иванцовой (Томск, 2005), эпитетов («Словарь эпитетов Ивана Бунина»

В.В. Краснянского (Елец, 2006), тропов в целом («Словарь тропов Бродского» В. Полухиной, Ю. Пяли (Тарту, 1995) и др.

Совмещают черты той и другой группы словари системных связей единиц в идиолексиконе, появившиеся сравнительно недавно. К ним можно отнести «Опыт синонимического словаря языка А.С. Пушкина» (Н. Новгород, 2000) и проект «Мотивационного поэтического словаря Е. Евтушенко» О.С. Михайловой [23].

Как и общезыковые словари, идиолектные труды различаются также по ряду других признаков: *способу упорядочения* единиц описания (основными разновидностями являются алфавитные, частотные, идеографические), *количеству языков* (отметим на фоне подавляющего большинства одноязычных словари русских и украинских произведений Т.Г. Шевченко¹ и создаваемый трехязычный словарь М.В. Ломоносова с учетом его русских, латинских и немецких текстов [24]), *целевой аудитории* (адресованы они в первую очередь специалистам в сфере лингвистики, реже – литературоведения или других областей гуманитарного знания; начали появляться первые издания словарей крылатых слов и выражений, рассчитанные на широкого читателя; ниша учебных словарей пока не заполнена) и другим параметрам.

Таким образом, из существующих параллельно многочисленных наименований трудов, отражающих в лексикографической форме речь индивида, предпочтительным в качестве родового видится терминологическое обозначение «идиолектный словарь». Его частными подтипами можно считать авторские словари (представляющие письменную речь творческих личностей), словари языка писателя (как разновидность авторских) и словари рядовых носителей языка.

Главным типологическим признаком, отличающим идиолектный словарь от всех остальных, является наличие особого объекта отображения – речи конкретного индивида. Все идиолектные словари объединяет также репрезентация микросистемы индивидуальной речи, а не общезыковой системы, фиксирование речевого употребления, а не кодифицированных норм. Специфика идиолектных словарей определяется такими параметрами, как объект, предмет лексикографического описания и степень охвата индивидуального дис-

---

¹ «Словник мови Т.Г. Шевченка» (Киев, 1964); «Словарь языка русских произведений Шевченко» (Киев, 1985–1986).

курса. Типология идиолектных словарей по другим основаниям в целом совпадает с общей типологией словарных трудов. В ситуации интенсивного развития словарного дела следует прогнозировать появление как новых идиолектных словарей, так и, возможно, их новых разновидностей.

Литература

1. Шестакова Л.Л. Авторская лексикография на рубеже веков // *Вопр. языкознания*. – 2007. – № 6. – С. 116–129.
2. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 432 с.
3. Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 432 с.
4. Тимофеев В.П. Словарь языка Есенина: (Вместо проспекта) // Тимофеев В.П. *Избранные статьи / сост. и отв. ред. С.Б. Борисов*. – Шадринск: Шадринский гос. пед. ин-т, 2004. – С. 8–31.
5. Шестакова Л.Л. Авторский словарь в аспекте лексикографической типологии // *Русский язык сегодня*. – 1998. – № 1–2. – С. 41–52.
6. *Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой*. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981. – Т. 1. – 698 с.
7. Блинова О.И. Русская диалектология. Лексика: учеб. пособие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – 133 с.
8. *Русская диалектология: учеб. пособие / под ред. Е.А. Нефедовой*. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 208 с.
9. Лукьянова Н.А. Типология русских лингвистических словарей // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – Сер. История, филология*. – 2005. – Т. 4, вып. 4. – С. 20–45.
10. Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. О принципах «Словаря идиолекта Достоевского» (к выходу I выпуска «Словаря языка Достоевского. Лексический строй идиолекта») // *Вестн. МГУ. – Сер. 19*. – 2002. – № 1. – С. 104–120.
11. *Лингвистический энциклопедический словарь*. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
12. Леденева В.В. Идиостиль (к уточнению понятия) // *Науч. докл. высш. шк. Филол. науки*. – 2001. – № 5. – С. 36–41.
13. Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография: пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.
14. Фонякова О.И. Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании (1883–1990). URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5316&0a0=1889> (дата обращения: 21.08.2013).
15. Голованова Е.И. Лексикографическое описание языковой личности ученого как лингвистическая проблема // *Проблемы истории, филологии, культуры*. – Москва; Магнитогорск; Новосибирск, 2009. – № 2 (24). – С. 423–428.
16. Волков С.С., Карпеев Э.П. М.В. Ломоносов: словарь языковой личности // *Лексикография: информ. бюл. – СПб.*, 2004. – С. 8–12.
17. Голованова Е.И. Языковая личность Даля. URL: [# http://www.evp.snu.edu.ua/v-i-dal-v-mirovoj-kulture-sbornik-nauchnyh-rabot-chast-pervaja.tml](http://www.evp.snu.edu.ua/v-i-dal-v-mirovoj-kulture-sbornik-nauchnyh-rabot-chast-pervaja.tml) # % D0%

AF%D0 % B7% D1% 8B%D0%BA% D0%BE%D0%B2%D0% B0%D1%8F%20%D0%BB% D0% B8% D1%87%D0%BD%D0% BE%D1%81% D1%82%D1%8C%20%D0%92.%D0%98.%20% D0%94% D0% B0%D0%BB%D1%8F (дата обращения: 15.08.2013).

18. *Иванцова Е.В.* Лингвоперсоналогия: Основы теории языковой личности: учеб. пособие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 160 с.

19. *Слободян Е.А.* Электронный идеографический словарь языка художественного произведения как инструмент филологического исследования. URL: http://megaling.ulif.org.ua/attachments/article/199/slobodyan_tezu.pdf (дата обращения: 1.09.2013).

20. *Сдобнова А.П.* Индивидуальный ассоциативный словарь школьника // Русский язык сегодня. – Вып. 3: Проблемы лексикографии. – М., 2004. – С. 286–295.

21. *Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л.* Опыт типологизации авторских словарей // Русская авторская лексикография XIX–XX веков: антология. – М., 2003. – С. 4–16.

22. *Кретов А.А.* О возможности «Морфемно-морфонологического словаря языка Ф.М. Достоевского» // Слово Достоевского. 2000. – М., 2001. – С. 252–271.

23. *Михайлова О.С.* Отражение мирообраза автора в мотивационном поэтическом словаре (на материале поэзии Е. Евтушенко) // Вопр. лексикографии. – 2013. № 1 (3). – С. 5–20.

24. *Волков С.С.* Вопросы лексикографического описания идиолекта XVIII века (трехязычный словарь М.В. Ломоносова) // Слово, словарь, словесность (к 225-летию основания Российской академии): материалы Всерос. науч. конф. – СПб., 2009. – С. 254–259.

СЛОВАРИ ВНЕЛИТЕРАТУРНОЙ ЛЕКСИКИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ АВТОРСКИХ СЛОВАРЕЙ (ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ)

В статье ставится проблема подготовки словаря внелитературной лексики, использованной в художественных текстах для создания образа инонациональной речевой среды. В качестве объектов лексикографирования рассматриваются переводные тексты, произведения русскоязычной национальной литературы и русских авторов, обращающихся к отражению жизни народов России. Обосновывается отнесение таких словарей к дифференциальным авторским словарям. Как основные единицы выделяются экзотизмы, варваризмы, национализмы, а также диалектизмы и историзмы в функции экзотизмов.

Ключевые слова: дифференциальный словарь, образ инонациональной речевой среды, зоны словарной статьи.

В последние годы в стране успешно развивается авторская лексикография. Л.Л. Шестаковой детально проанализированы «опыты типологизации авторских словарей» и предложена оригинальная собственная типология [1. С. 45–60]. В настоящей статье мы обращаемся только к делению авторских словарей на полные и дифференциальные (дифференцированные), отвлекаясь от сложности первого понятия и многочисленных различающихся толкований второго термина. Л.В. Щерба в статье «Опыт общей теории лексикографии» выделяет дифференциальный тип словаря, который «регистрает только отличия от литературного языка». К таким словарям он традиционно относит диалектные, но и «словарь языка писателя» не фиксирует «безразличный материал», (названный когда-то им «упаковочным»), «который, конечно, никак не входит в индивидуальную систему (в стиль) данного писателя» [2. С. 269]. В некоторых авторских дифференциальных словарях указывается пласт представляемой внелитературной лексики: «Народное слово в произведениях В.И. Белова» [3], «Неологизмы, устаревшие и областные слова в языке поэзии С.А. Есенина» [4] и др. В ряде случаев они по традиции называются словарями языка писателя: «Словарь языка Василия Шукшина» [5], «Словарь языка забайкальского писателя Е.Е. Куренного» [6] и др.

Конечно, значимость полных словарей несравнима ни с чем. Современные исследователи утверждают, что и общенародные слова в художественном тексте часто приобретают особое, специфическое значение, особые смыслы. И это не только ключевые слова текста, используемые в концептуальной функции (например, слово *казак* в текстах М.А. Шолохова [7. С. 49–357]), но и многие общеупотребительные [8]. Однако в силу ряда как внелингвистических, так и внутриязыковых причин дифференциальные словари издаются и, очевидно, будут издаваться: они значительно меньше по объёму, что, с одной стороны, делает более лёгкой задачу составителя и издателя, с другой – более читаемы. Эти словари имеют право на существование и в силу того, что внелитературная лексика в авторском идиостиле обычно представляет автономную лексико-семантическую систему, выступающую как наиболее сильное образительно-выразительное средство текста. К этой группе иногда относят и часть общеупотребительной лексики. Так, Е.В. Иванцова, разграничивая понятия «идиолект» и «идиостиль», к последнему относит «индивидуальный отбор языковых средств из общенародно-го языка, обусловленный предпочтениями» [9. С. 44].

Большое значение в авторской лексикографии имеют сводные дифференциальные словари. Теоретическая основа при этом возможна самая различная: время создания; эпоха, воссозданная в тексте; регион, представленный в издании; выразительное средство текста (неологизмы, историзмы, диалектизмы и т.д.); какой-либо жанр, художественное направление и т.п. Их можно отнести к аспектным словарям как разновидности дифференциальных толковых словарей [10. С. 30].

Конечно, большие возможности для выпуска сводных словарей предоставляет Большая словарная картотека русского языка, на базе которой были созданы академические толковые словари. Значительный авторский материал остался за бортом в силу несоответствия основным принципам составления этих словарей, теперь же он может быть успешно использован. В иллюстративный, а значит, и описательный материал словарных изданий не включались переводные тексты («Иллюстрируются значения, оттенки значений и особенности употребления слов цитатами из авторитетных оригинальных (непереводных) источников» [11. С. 241]). Переводные и русские тексты, представляющие «национальную литературу», ограничены и

в Национальном корпусе русского языка. Высказывались и возражения по этому поводу; например, Г.Н. Скляревская в перечне «нетрадиционных типов источников» будущего академического словаря упоминает «переводную литературу, «поставляющую» этнографизмы и бытовизмы...» [12. С. 17]. Включаются переводные тексты и в некоторые словари других языков (см. о докладе Э. Святковской, которая указывает, что в польской лексикографии «переводным текстам также уделяется большое внимание» [13. С. 151]). Исключение переводной и русскоязычной национальной литературы из списка источников ограничивает полноту отражения русской художественной словесности. В лексикографии такие тексты представлены: это «Словарь сочинений Хачатура Абовяна. Диалектные и иностранные слова»; «Словарь языка Али Шогенцукова»; «Афоризмы Э.М. Ремарка»; «Словарь поэзии Николая Вапцарова» и др. (см. список в монографии Л.Л. Шестаковой [1. С. 380–397]). Кроме того, многие русские тексты создают образ инонациональной речевой среды. Этот «языковой материал» (Л.В. Щерба) может служить объектом дифференциальных словарей.

Дифференциальные словари фиксируют обычно внелитературную лексику. Внелитературная лексика – слова из нелитературных форм существования русского языка, не отмеченные в толковых словарях, но используемые в художественной литературе. Эта лексика привлекает внимание писателей, читателей и исследователей. Она имеет лексикографическую представленность как долевою (например, в некоторых диалектных словарях – в «Словаре русских говоров Среднего Урала» [14], куда включены слова из произведений П.П. Бажова, А.П. Бондина, П.И. Заякина-Уральского, И.Ф. Колотовкина, Д.Н. Мамина-Сибиряка, А.Г. Туркина; в «Словаре русских говоров Забайкалья» [15], где использованы «Записки охотника Восточной Сибири» А.А. Черкасова и др.; в словарях ненормативной лексики: «Русская феня» [16. С. 220–221], «Поле русской брани» [17. С. 348–378]), так и полную в дифференциальных авторских словарях. Внелитературная лексика является феноменом русского языка, так как, с одной стороны, использует остранение (В.Б. Шкловский) – преодоление стереотипа, стремится к частичному отчуждению художественного текста от речевого опыта читателя, имеет определённые нормы отбора и включения в художественный текст, виды внелитературной лексики (внелитературные экзотизмы, историзмы, ар-

хаизмы, диалектизмы, конфессионализмы, просторечия, жаргонизмы) могут быть представлены в одной классификации (например, тематической или по структурно-семантическим отличиям от слов литературного языка: словообразовательные, семантические и т.д.), с другой – эти слова включаются через художественный текст в пространство литературного языка, приобретают новые структурно-семантические связи, проходят процесс десемантизации и т.д. Вне-литературная лексика создаёт образы разной социально значимой речевой среды в художественных текстах, выполняет разные функции в разных жанрах и формирует идиостиль писателя.

Как отмечает Л.П. Якубинский, «в категории выразительных и изобразительных («картинных») слов, наряду с существующими словами, постоянно имеют тенденцию возникать новые слова, которые либо более энергично и свежо удовлетворяют выразительным эмоциональным заданиям речи, либо по-новому изображают данное представление. Эти новые слова либо могут заменить старые, либо сосуществовать с ними в языке и использоваться по мере надобности. В этих категориях слов происходит перманентное обновление, которое может осуществляться и за счёт своего языкового материала, и, в условиях взаимодействия с иноязычным населением, за счёт иноязычного» [18. С. 67]. Таким образом, создание словарей такого типа актуально в русистике.

В Красноярском педагогическом университете создаётся проект «Образ инонациональной речевой среды в художественном тексте: Материалы к словарю». Авторские дифференциальные словари обычно воспринимаются как стилистические. Структура словарной статьи имеет первостепенное значение для словаря, поскольку уровень лексикографической обработки материала, прежде всего, отражается в структуре словарной статьи. Слово в художественном тексте имеет значение и стилистическую характеристику, зависящие от контекста и от текста в целом. Всё, что привязано к контексту, может быть выражено лексикографически через иллюстрации. То, что даёт слову текст, составители словаря могут отразить в словарной статье, но не могут представить это в иллюстрациях, т.е. чисто лексикографическим путём. Таким образом, в словаре сочетается информация лексикографического и «монографического» характера. Словарная статья делится на зоны: представления, квалификации, иллюстративную и сравнительно-сопоставительную.

В данной работе мы остановимся на некоторых проблемах первых двух зон – зоны представления и зоны квалификации, связанных с текстовыми характеристиками слова.

В **зоне представления** фиксируются слова и номинативные сочетания в начальной форме. Но словарь отражает текст, т.е. связан с речью, основной лексической единицей при этом является словоформа. В начале словарной статьи мы предполагаем перечисление используемых автором словоформ. Опыт такого построения статьи у нас есть: словоформы приводились и в «Словаре языка Агафьи Лыковой» [19], и в «Словаре внелитературной лексики в «Царь-рыбе» В.П. Астафьева» [20].

Проблемы зоны представления связаны с графическими вариантами слова в разных текстах, а иногда и в одном тексте, свидетельствующими о неустойчивости внелитературных экзотизмов. Путь освоения экзотизма такой же, как любого заимствования: варианты возникают за счёт: 1) различного уровня освоения иноязычного слова (разная степень приближения к языку-источнику, с одной стороны, и разный уровень адаптации иноязычного слова в русском языке – с другой); 2) соотношения с разнодиалектными вариантами, например эвенкийского языка; 3) особенностей восприятия иноязычного слова автором и т.д. «Развитие психологии восприятия, – замечает Э. Хауген, – представляет интерес с точки зрения проблем языкового контакта, так как интерференция тесно связана с проблемой ошибочного восприятия у слушающего и у наблюдателя. Подстановка звуков и морфем часто может быть объяснена влиянием родного языка» [21. С. 67].

Мы приведём примеры из текстов М.И. Ошарова [22] и Ж.П. Трошева [23], роман Ж.П. Трошева посвящён жизни Михаила Ивановича Ошарова и в известной степени является вторичным. В одном тексте отмечены графические варианты – у М. Ошарова: *томулян* – *тумэлен* ‘сиденье шамана, символизирующее мироздание’, *лейкомеи* – *локомеи* ‘легкая замшевая обувь’, *балага* – *балалага* ‘родовой суд’; – у Ж. Трошева: *Дулу* – *Дулю* ‘небесная земля шаманов’, *люча* – *лючаль* ‘русский’, *эчэ* – *ачин* ‘нет’ и т.д. Межтекстовые варианты (Ошаров – Трошев):

1) графические: *хомоконьы* – *хорольконьы* ‘резные фигурки божков’, *томулян* – *томулан*, *Чжебар* – *Джебар* ‘собственное имя

змея – друга мамонта Сэли из эвенкийских преданий’, *шулинга* – *шуленга* ‘глава рода’, *бальяга* – *бальянга* ‘родовой суд’, *Хоглен* – *Хоглэн* ‘созвездие Большой Медведицы, божество – мать оленей, которая своим глазом следит за землёй’, *ёхорьё* – *ехарьё* 1. ‘Праздник встречи солнца, весны, конца полярной ночи’. 2. ‘Хоровод с игровыми элементами’. 3. ‘Возглас-припев во время хоровода’; *камыс* – *камус* ‘шкура с ног оленя’, *они* – *ами* ‘почтительное обращение к женщине, матери’, *сокуй-сакуй* ‘верхняя зимняя одежда, представляющая собой меховой комбинезон с капюшоном, сшитый мехом наружу’, *бокари-бакари* ‘расшитые бисером унты’;

2) связанные с разной номинацией одною явления: *мунняг* – *суглан* ‘большой родовой совет’, *шаманить* – *камлать*, *конгипкавун* – *паннафкаун* ‘национальный музыкальный инструмент’, *турсук* – *потакуй* ‘дорожная сумка’;

3) варианты, отражающие процесс перехода слова из собственного в нарицательное: *Амака* – *амака* ‘основное милосердное божество эвенков’, *шайтан* – *Шайтан* ‘злой дух, дьявол’, *Чангид* – *чангит* ‘мифический бродяга, вечный скиталец, когда-то якобы заблудившийся человек; любит напакастить: бросает камни с гор, палки и шишки с деревьев, «зорит» лабазы’.

Некоторые экзотизмы имеют значительное число вариантов. Интересно в романе М. Ошарова сопоставление вариантов экзотизма *бэе* и *бойе*: *Мои следы идут к твоему чуму, бэе* (сноска: *бэе* – ‘друг’) [22. С. 65]. *Шодоуль, откинув с лица одеяло, лежал с открытыми глазами и тихонько мычал. «Бойе!.. Бойе!»* – робко окликнул *Шодоуля Бодой* [22. С. 136]. В романе Ж. Трошева приводятся два варианта слова – *бэйе* и *бэйё*: *Тарова, тарова, бэйе, Большой Ошар!* [23. С. 98]. *Ты, бэйё, что-то хотел сказать мне о шаманах, о Соргок?* [23. С. 191]. *Извини, бэйё, это я сгоряча, не сдержался от неожиданности* [23. С. 192]. Как *бойе* и *Байе* – *Боё* слово используется в «Царь-рыбе» В.П. Астафьева, где кличкой собаки назван первый рассказ «Бойе» [24. С. 3–35]: *За братом тенью таскался кобель по кличке Бойе. Бойе или Байе – по-эвенкийски друг. Коля кликал собаку по-своему – Боё...* [24. С. 8]. Итак, в целом отмечаются шесть следующих вариантов слова: *бойе*, *бэе*, *байе*, *боё*, *бэйе*, *бэйё*. В русифицированной форме *бойе* (эвенкийскому языку присуще «аканье») слово начинает закрепляться в критической и в художественной литературе. В эвенкийском языке *бэйэ* –

1) мужчина, 2) человек [25. С. 12]; *бэе* – ‘1) тело, 2) человек, 3) мужчина, 4) самец, 5) муж, 6) личность, 7) обращение’ [26. С. 2]; *бэе* – ‘мужчина’ [27. С. 26–27]. В русских говорах Приенисейской Сибири эти слова не употребляются. В качестве заглавного слова используется каждый вариант в отсылочной словарной статье, базовая статья строится на частотном варианте.

В текстах значимо нарушение графического образа уже освоенного русским языком слова. Так, в «Турецком гамбите» Б. Акунина используется *коттэдж*: «...сказали, что господину Фандорину выддели отдельный **коттэдж** (дежурный произнёс новое слово с явным удовольствием) и показали, как пройти. «**Коттэдж**» номер 158 оказался сборной щитовой избушкой...» [28. С. 138–139]. Отнести этот случай к фонетическим архаизмам нельзя, т.к. произносится слово всё равно с твёрдым согласным. В «Алмазной колеснице» писателем используется аналогичный приём: *спортсмэн, проэкт*: *Команда Атлетического клуба готовилась к состязаниям на Кубок Японии – **спортсмэны** поочередно посылали мяч в виккет...* [29. С. 444]. *По второму «**проэкту**», второстепенному, но все равно очень большого значения, хлопот тоже было немного* [29. С. 68]. Этот способ стилизации языка минувшего можно отнести к идиостиллю писателя (образ русской речевой среды прошлого представляет часть образа инонациональной речевой среды в исторической прозе). Нарушение графического образа слова в сущности ничего, кроме привлечения внимания, не даёт («типографический трюк»). Ср. внешне аналогичные слова из текстов, несущие индивидуально-характерологическую функцию: «**Пионэр** с горном, ты разве не видишь?» *Почему-то Четвёртый так и сказал «**пионэр**», с одесским проносом...* [30. С. 233]. Б. Акунин также использует слово *везир* (не с более привычным *визирь*, ср., например, у В. Пикуля: «**Визирь** запросил мира» [31. С. 14, 83 и след.]): *Военный **везир** Редиф-паша и главнокомандующий Абдул Керим-паша сняты со своих постов...* [28. С. 51]. *...Анвару... удалось свалить **великого везира** Махмуд Недима...* [28. С. 41]. Игра словом характерна для постмодернизма. Такие варианты представлены в словаре в качестве заглавного слова словарной статьи. Опираясь на выведенный Л.П. Якубинским «закон затруднения для фонетики поэтического языка», В.Б. Шкловский пишет: «Приемом искусства является прием "остранения" вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу вос-

приятия, так как восприимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен... Поэтический язык, по Аристотелю, должен иметь характер чужеземного, удивительного...» [32. С. 20, 11]. Закон затруднённого чтения Якубинского – Шкловского определяет эти употребления как выразительное средство языка художественного текста, поэтому в словаре словарные статьи не могут рассматриваться как «отрицательный языковой материал» (Л.В. Щерба).

Нарушение графического образа слова, соответствующее литературному произношению, т.е., казалось бы, ошибочное его использование, под действием стилевой доминанты может приобретать определённую выразительность. Так, в речи Масы, героя-японца, в повести Б. Акунина «Пиковый валет» *сафсем* воспринимается читателем как нациолектизм, но не нарушает понимание текста: *Гаспадзин нету. Уехари. Сафсем* [33. С. 66]. *Увозич домой. Сафсем* *домой* [33. С. 68].

В **квалификационной зоне** определяется вид внелитературной лексики. Инонациональная среда описывается через экзотизмы, варваризмы, нациолектизмы (передачу отдельных черт специфического произношения русского текста нерусскими – интерференция, акцент – этностереотип, как в русской графике, так и в латинице), а также историзмы и диалектизмы в функции экзотизмов. К этой же зоне относится и значение слова. Значение слова формулируется исходя из контекста. Но есть такие элементы значения, которые проявляются только на уровне теста.

В словаре (как и в художественных текстах) имеет значение и лакуарность. Например, отсутствие в словнике «Алмазной колесницы» некоторых хорошо известных в русской культуре слов-символов, связанных с Японией (*сакура*, *харакири* и др.). Этот факт явно диалогичен (о диалогичности художественного текста и заимствованного слова писал М.М. Бахтин). Автор использует другие экзотизмы: *эппука* и *сливовый дождь*: *У нас есть древняя, благородная традиция. Хочешь привлечь внимание властей и общества к какому-нибудь злодейству — сделай эппуку. Лживый человек резать себе живот не станет...* [29. С. 44]. *Пойдемте-ка ко мне на квартиру. А то опять этот чертов с-сливовый дождь полил* [29. С. 347] и т.д. (Ср.: *Зачем харакири, не нада харакири, не по фрисчиански!* [33. С. 68]). Лексикографически это, вероятно, можно передать через комментарий к значению. Аналогичный комментарий

потребуется и для слова *омурасаки* – ‘бабочка’ в тексте «Алмазной колесницы», символа героини О-Юми. В тексте неоднократно подчёркивается связь О-Юми и бабочки: *Но еще раньше он убьет меня. Ему будет легко это сделать – как мотылька прихлопнуть* [29. С. 414]. *За ними, придерживая створки, стояла О-Юми – с раскинутых рук свисали широкие рукава кимоно, отчего женщина была похожа на бабочку* [29. С. 430] и т.д. Бабочка в данном сюжете аллюзивна (для современного читателя, но не для изображаемого времени) популярной в России опере Дж. Пуччини «Мадам Баттерфляй (Бабочка)», или «Чио-Чио-Сан» (1904), героиня которой так же, как и О-Юми, была *конкубиной* – супругой по контракту. «Положение, что история и общество являются тем, что может быть «прочитано» как текст, привело к восприятию человеческой культуры как единого «интертекста», который, в свою очередь, служит как бы предтекстом любого вновь появляющегося текста... Для постмодернизма, в частности для Дерриды, характерно «применение мультилингвистических каламбуров, шуточных этимологий, аллюзий на что угодно, фонических и типографических трюков» [34. С. 95, 100–101]. Но в тексте «Алмазной колесницы» нет слова *баттерфляй*, аллюзия требует комментария к значению в словарной статье. (Ср.: *Очень удачно в позапрошлом году получилось с Кредитным товариществом «Баттерфляй» в Нижнем Новгороде* [29. С. 30].)

В **квалификационной зоне** находятся также указания на функцию слова в тексте (номинативная, характерологическая, структурообразующая, сюжетообразующая, символическая, концептообразующая, маркировки текста, привлечения внимания читателя, развлекательная и т.д.), а также помета *в функции* при употреблении русских историзмов и диалектизмов для изображения инонациональной речевой среды. По нашим наблюдениям, в ряде текстов, создающих образ национальной речевой среды, при описании охоты и рыболовства используется русская промысловая лексика (по традиции относящаяся к диалектной). В первой части романа «Последний аргиш» Михаила Ошарова «Звено могил», где по сюжету ещё нет русских, используется только русская промысловая лексика. К охотничьей лексике относятся слова: *соболевать, соболятник, белковать; узорить, сторожко* и др. В романе Ж.П. Трошева: *плашка, пальма, сторожиться, завалить, скрадок, скрабивать, обмёт* и др. Эти слова известны в русских говорах. Охотничья лексика в

эвенкийском языке не заимствуется из русского, эвенки сохраняют традиционные способы охоты и свою лексику. В «Эвенкийско-русском словаре» [26] отмечены, например, такие слова: *чунимэт-ми* ‘охотиться на боровую дичь пищалкой’, *чунин* ‘звук рябчика, писк бурундука’, *чучин-ми* ‘встать на задние лапы’, *чэвэжун* ‘мерка на самостреле для определения точки прицела’, *бакал* 1) ‘пушнина, добытая на промысле, 2) место промысла на оленя, лося’; в «Эвенкийско-русском тематическом словаре»: *мотьмидями* ‘ходить на лося’, *нисудеми* ‘ехать за мясом зверя’, *утунмэдеми* ‘забивать оленя в затылочную часть’ [27. С. 48]. В словаре К.С. Абрамовой: *мотьмами* ‘убить, добыть лося’; *мотьмидями* ‘охотиться на лося’; *мудыгимими* ‘охотиться на уток’; *некунэми* ‘отправиться на оленях за тушей убитого зверя’; *ниматми* ‘подарить шкуру убитого зверя и дать часть туши родственнику, соседу, гостю’; *тэлгэтми* ‘разделать тушу по суставам и разделить крупные части на куски’ [35. С. 17, 18] и т.д. Примеры показывают оригинальность охотничьей эвенкийской лексики, своеобразие понятийного членения действительности этим языком. Очевидно, традиционно в художественных текстах используются при описании национальной охоты русские диалектизмы, так как эвенкийские понятия слишком сложны для русского читателя. Русская лексика представлена автором при описании охоты эвенков, она вложена в их уста, т.е. практически диалектизмы используются в функции экзотизмов, что должно фиксироваться словарём.

Сила художественного слова очень велика. Наверное, от Ошарова идёт обозначение в русском языке захоронения на деревьях у эвенков через диалектизм *лабаз* ‘помост на ветвях дерева, на котором охотники поджидают зверя’, *обл.* (МАС). В тексте используются слова *лабаз*, *лабазить*, *залабазить*. Они известны в речи русских региона, их использует в своём романе «Большой Ошар» Жорес Трошев. Конечно, М.И. Ошаров мог заимствовать это слово у местных русских, но может быть и наоборот: *На широкой Кимчу и стоят лабазы богатого эвенка по имени Молошко из старинного, славного рода куркогиров* [22. С. 24]. «Этот *лабаз* был по-моему... *Лабаз женский!* – добавил шаман. – *Худо, за лабазом женщины стоит другой, в нем – мужчина*» [22. С. 104]. *Потом залабазил их на две могилы* [18. С. 126]. «*Отец, лабазить покойника будет долго*», – *сказал он* [22. С. 138]. Этот факт также требует в словаре специального комментария.

Отдельные экзотизмы используются в текстах в функции художественной детали, что трансформирует значение на уровне текста в целом. Так, *каруца* – это только та телега, на которой приехала героиня в ставку, *редингот*, неоднократно упоминающийся в тексте, это только пальто Маклафлина и т.д. («Турецкий гамбит»). С другой стороны, функция художественной детали может перерасти в символическую, концептообразующую (в «Алмазной колеснице» – *омурасаки* ‘бабочка’, *конгодзё* ‘алмазная колесница’ и др.), в текстообразующую (в «Турецком гамбите» – *гамбит*, в «Алмазной колеснице» – *хокку* ‘жанр японской поэзии, состоящий из семнадцати слогов (5–7–5)’; положен в основу структуры первой части романа) и т.д.

Всё, что связано с данью, определяет экономическую сторону конфликта в дилогии А.И. Чмыхало («Дикая кровь», «Опальная земля») [36, 37]. При этом автор противопоставляет дань русским (*ясак*, *ясачный*) и джунгарам (*албан*, *кыштым*). Слово *шатёр* значит ‘палатка из кожи, ткани, ветвей, временные складные дома монголов и джунгар’, последовательно отличаясь от слова *юрта*, обозначающего жилище киргизов и их кыштымов (‘данников’). *Нукер* – ‘воин киргизов’, *цирик* – ‘воин-монгол’ и т.д. Прилагательное *крещёный* в романах используется по отношению к автохтонам, и значение его такое же, как у слова *новокрещен* – ‘кинородец» Сибири, принявший христианство’ и т.д. Такое соотношение также должно найти отражение в словарной статье.

«Приращение значения» по тексту мы видим, например, в слове *аманат* ‘заложник’. К концу романа мы знаем, что это не просто заложник. Это особый вид отношений русских и «кинородцев» Сибири, при котором в остроге поселяются близкие родственники главы улуса, где живут довольно свободно, со своими вещами, слугами и т.д. Но до тех пор, пока улус платит ясак. Таким образом, это не заложник, а гарант получения дани. Структура словарной статьи осложняется, она включает в себя некоторый текст, который показывает жизнь слова в произведении.

«Лексика художественной литературы XX века требует серьезного комментирования, т.к. в тексте этого бурного века многое ушло безвозвратно. Создание толково-энциклопедических словарей, объясняющих литературное творчество, поставит общество в относительно независимое положение от быстрой смены исторических концепций» [38. С. 129].

Литература

1. *Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 448 с.
2. *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – 428 с.
3. *Яцкевич Л.Г.* Народное слово в произведениях В.И. Белова: словарь. – Вологда: Вологод. ин-т развития образования, 2004. – 216 с.
4. *Осипов Б.И.* Неологизмы, устаревшие и областные слова в языке поэзии С.А. Есенина: словарь-справочник для учителей средней школы и учащихся старших классов. – Барнаул: Изд-во БПИ, 1973. – 102 с.
5. *Елистратов В.С.* Словарь языка Василия Шукшина. – М.: Азбуковник: Русские словари, 2001. – 432 с.
6. *Шангина А.В.* Словарь языка забайкальского писателя Е.Е. Куренного. – Чита: Изд-во Чит. гос. ун-та, 2006. – 237 с.
7. *Давыдова О.В.* Энциклопедия казачьей жизни (о семантической структуре слова *казак* в словаре художественной прозы М.А. Шолохова) // Шолоховские чтения: сб. науч. тр. / отв. ред. Ю.Г. Круглов. – М., 2003. – С. 49–357.
8. *Товт А.М.* Исходная и авторская семантика слова в современной прозе (на материале текстов Т. Толстой и Л. Улицкой): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2010. – 24 с.
9. *Иванцова Е.В.* Лингвоперсоналогия: основы теории языковой личности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 160 с.
10. *Иванцова Е.В.* Методологические проблемы создания словаря языковой личности // Вопр. лексикографии: науч. журн. / Том. гос. ун-т. – 2012. – № 1. – С. 27–51.
11. *Филин Ф.П.* О «Словаре современного русского литературного языка» и его лексическом составе // Очерки по теории языкознания: избр. труды. – М.: Бослен, 2008. – 415 с.
12. *Скляревская Г.И.* Новый академический словарь: проспект. – СПб.: Наука, 1994. – 64 с.
13. *Кульпина В.Г., Татаринев В.А.* Современная польская тематическая лексикография // Русский язык за рубежом: реферат. журн. – Сер. 6, №1, 2005. – С. 150–152.
14. *Словарь* говоров Среднего Урала. – Т. 1. – Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1964. – 207 с.
15. *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. – М.: Наука, 1980. – 472 с.
16. *Быков В.* Русская фея. – Смоленск: ТРАСТ-ИМКОМ, 1994. – 223 с.
17. *Колесников Н.П., Корнилов Е.А.* Поле русской брани. – Ростов н/Д: Феникс, 1996. – 384 с.
18. *Якубинский Л.П.* Несколько замечаний о словарном заимствовании // Язык и его функционирование: избр. раб. – М., 1986. – С. 59–71.
19. *Толстова Г.А.* Словарь языка Агафьи Лыковой. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2004. – 560 с.
20. *Падерина Л.Н., Самотик Л.Г.* Словарь внелитературной лексики в «Царь-рыбе» В.П. Астафьева. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2008. – 576 с.

21. Хауген Э. Проблемы двуязычного описания // Новое в лингвистике. – Вып. 6: Языковые контакты. М., 1972. – С. 277–290.
22. Ошаров М. Большой аргиш: роман. – Красноярск: Кн. изд-во, 1977. – 367 с.
23. Троицев Ж. Большой Ошар: роман. – Кн. 2. – Красноярск: Кн. изд-во, 1981. 350 с.
24. Астафьев В. Царь-рыба. Петрозаводск: Карелия, 1986. – 366 с.
25. Романова А.В., Мыреева А.Н. Диалектологический словарь эвенкийского языка / АН СССР. Якутский филиал СО, Институт языка, литературы и истории. – Л.: Наука, 1968. – 215 с.
26. Эвенкийско-русский словарь / сост. Г.М. Василевич. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – 264 с.
27. Кочнева З.И. Эвенкийско-русский тематический словарь. – Красноярск: Кн. изд-во, 1990. – 52 с.
28. Акунин Б. Турецкий гамбит. – М.: Захаров, 2003. – 220 с.
29. Акунин Б. Алмазная колесница: в 2 т. – М.: Захаров, 2011. – 720 с.
30. Устинова Т.В. Мой генерал. – М.: Эксмо, 2008. – 352 с.
31. Пикуль В. Фаворит. Кн. 2: Его Таврида. – М.: Вече АСТ, 2004. – 380 с.
32. Шкловский В.Б. Искусство как приём // О теории прозы. – М., 1925. – С. 7–20.
33. Акунин Б. Пиковый валет // Акунин Б. Особые поручения: повести. – М., 2009. – 366 с.
34. Ильин И.П. Постмодернизм: словарь терминов. М.: ИНИОН РАН: Intrada, 2001. – 384 с.
35. Абрамова К.С. Эвенкийско-русский тематический словарь. – Благовещенск: Амур. обл. ИППК, 2007. – 52 с.
36. Чмыхало А.И. Дикая кровь. – Красноярск: Кн. изд-во, 1989. – 411 с.
37. Чмыхало А.И. Опальная земля. – Красноярск: Кн. изд-во, 1998. – 352 с.
38. Рождественский Ю.В. О современном положении русского языка // Вестн. МГУ. – Сер. 9: Филология. – 1995. – № 3. – С. 110–134.

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

УДК 81'374 822 +(038)=111 +81'372

М.В. Влавацкая

«USER'S NEEDS» КАК ТРЕБОВАНИЯ К СОСТАВЛЕНИЮ АНГЛО-РУССКОГО УЧЕБНОГО КОМБИНАТОРНОГО СЛОВАРЯ

В статье рассматриваются «user's needs», или «запросы пользователя», отдельно к каждой составляющей англо-русского учебного комбинаторного словаря активного типа: во-первых, к двуязычному словарю; во-вторых, к комбинаторному словарю; в-третьих, к двуязычному учебному комбинаторному словарю, а также представлены словарные статьи, разработанные согласно требованиям, предъявляемым к созданию словаря данного типа.

Ключевые слова: пользовательский запрос, аудиторный билингвизм, сочетаемость слов, комбинаторный словарь.

Характерная особенность современного общества – глобализация торговли и промышленности, науки и образования, культуры и досуга – создаёт условия для выделения мировых объединяющих языков, одним из которых является английский. Отсюда следует, что международное общение во всех сферах человеческой деятельности выдвигает требование знания английского языка. Как правило, изучение языка происходит в ситуации аудиторного билингвизма, или в условиях обучения вне соответствующего языкового окружения, что вызывает определённые затруднения. Кроме того, изучая английский язык, студенты сталкиваются с рядом проблем, связанных как с нормами и правилами чисто лингвистического характера, так и с нормами и правилами незнакомой культуры. В такой ситуации умение правильно соединять друг с другом слова для выражения мысли приобретает для них первостепенную значимость. Известно, что различия в сочетаемости слов в разных языках ведут к многочисленным ошибкам в речи учащихся на английском языке. При подобном положении дел значительно возрастает потребность в двуязычных комбинаторных словарях.

Как показывает опыт преподавания английского языка, проблему соответствия сочетаемости слов в разных языках можно решить с помощью учебных и переводных словарей лексико-семантической /

лексико-фразеологической и синтаксической сочетаемости. Осуществление предложенного нами лексикографического проекта англо-русского учебного комбинаторного словаря – особого типа учебно-нормативного словаря – может стать весьма актуальным, так как потребность в его составлении обусловлена необходимостью овладения английским языком как средством общения. Цель данного словаря – представить необходимые с методической точки зрения слова с их конкретными, наиболее важными распространителями. В основу построения англо-русского учебного комбинаторного словаря положено отражение сочетаемости слов английского и русского языков в соответствии с современной теорией сочетаемости и учебно-лексикографической концепцией оформления словарной статьи. При этом важно отметить, что структура и содержание данного словаря, согласно лексикографической концепции В.В. Морковкина, должны соответствовать «основным принципам лексикографического конструирования, т.е. эффективности, простоты и красоты» [1. С. 46], что позволяет говорить о научно доказательной лексикографической безупречности предлагаемого справочника. Учёт данных принципов является важнейшим требованием для построения двуязычного учебного словаря комбинаторного типа и обязательным для создания словарной статьи.

Англо-русский учебный комбинаторный словарь, по нашему мнению, должен стать эффективным средством овладения английским языком. Непременным условием его активного использования является умение правильно употреблять и сочетать слова для выражения определённых речевых заданий и осуществлять их успешную реализацию в речевых контекстах.

Создавая неординарную лексикографическую концепцию, необходимо иметь в виду, что осознание преподавателями и лексикографами роли родного языка в изучении иностранного способствовало возникновению новой тенденции в построении одноязычных учебных словарей, а точнее, их билингвизации. Наряду с традиционным противопоставлением одноязычный – двуязычный словарь в последнее десятилетие появился ещё один тип словаря *bilingualized / semi-bilingual*, или частично двуязычный / полудвуязычный, т.е. частичный перевод авторитетных справочных изданий на национальные языки [2].

По сути, частично двуязычный словарь – это комбинация одноязычного и двуязычного словарей при преобладании справочника первого типа. Язык, на который осуществляется перевод, выполняет лишь функцию проверки и подтверждения правильности понимания, а также создаёт фон психологической удовлетворённости. В данном случае конкуренции между языками нет, так как основным в предлагаемом справочнике становится английский текст.

По этой причине перевод только заголовочного слова и обобщённого значения перечисленных коллокатов (распространителей заголовочной единицы) в словарной статье заставляет пользователя читать толкования и контекстные примеры на английском языке, что, по нашему мнению, способствует выработке у него привычки думать на данном языке. Именно в этом заложен определённый смысл: при использовании языковых средств английского языка пользователь в какой-то степени забывает модели родного языка. Таким образом, частичный перевод выполняет следующие функции: 1) компенсирует толкование на английском языке для лучшего понимания значения слова; 2) подтверждает или корректирует правильность понимания слова; 3) создаёт психологический комфорт пользователю, предоставляя ему соответствующий эквивалент на родном языке.

Концептуальными особенностями полудвуязычного словаря может быть максимально простое толкование заголовочного слова (его лексико-семантических вариантов) и применение в качестве иллюстративного материала большого количества наиболее употребительных английских контекстов без перевода на родной язык, что требует от пользователя определённых мыслительных усилий.

Основываясь на положении английских лексикографов Дж. Хилла и М. Льюиса [3], можно утверждать, что предлагаемый англо-русский учебный комбинаторный словарь – это не традиционный словарь, а новый тип словаря, назначение которого – помогать изучающим английский язык использовать слова, которые они уже знают, более эффективно. Прежде всего это касается заголовочных слов, которые относятся к наиболее употребительной лексике, т.е. обладают высокой частотностью. Цель англо-русского учебного комбинаторного словаря – способствовать развитию речи учащихся на английском языке.

В последние десятилетия в словарной отрасли часто используется термин «user's needs» или «запросы пользователя» словаря (см.: [4, 5, 6] и др.). Этот термин можно определить как «информацию, в которой, по предположению, нуждается пользователь и которая в связи с этим должна быть отражена в соответствующем словаре» [7. С. 96]. Другими словами, пользовательские запросы – это те сведения о языковой единице (лингвистические и экстралингвистические), которые необходимо извлечь пользователю из данного справочника. В соответствии с приведённой выше дефиницией «запросы пользователя», или «пользовательские запросы», должны выступать средством создания любого учебного словаря, а их реализация – первостепенная задача автора лексикографического справочника. Из многочисленных пользовательских запросов особое значение имеют только те, которые обладают определённой методической ценностью. В то же время совокупность пользовательских запросов является инструментом учебного словаря, определяющим его композицию, выбор интерпретации языковой единицы, рекомендации по работе со словарём и использование его в учебном процессе.

Таблица 1. Пользовательские запросы к частично двуязычному словарю и реагирование на них лексикографа

Общие методические положения	Пользовательские запросы к частично двуязычному словарю, реализуемые в действиях лексикографа
1. Наличие частичного перевода	Снабжать переводными эквивалентами только заголовочные слова и обобщённые значения перечисленных коллокатов (распространителей заголовочных слов), представленных в словаре на входном языке
2. Отражение абсолютной ценности заголовочного слова	Отражать в словаре абсолютную ценность заголовочного слова (или его лексико-семантических вариантов) с помощью толкования (на входном языке) и переводного эквивалента
3. Учёт языковых различий во входном и выходном языках	Снабжать словарную статью ещё одной словарной областью Usage (трудности употребления) в случае необходимости показа различных способов выражения мысли на входном и выходном языках
4. Учёт культурологического аспекта слов	Представлять отражение картины мира входного языка
5. Наличие оптимального метаязыка словаря	Приводить перечень эквивалентов условных сокращений
6. Предъявление фонетического облика заглавной единицы	Отражать в словаре транскрипцию заголовочного слова, если его произношение не соответствует общим правилам чтения

В связи с этим для научно обоснованного построения англо-русского учебного комбинаторного словаря в первую очередь лексикографу необходимо выявить пользовательские запросы, предъявляемые к данному словарю как: 1) к частично двуязычному словарю; 2) учебному словарю комбинаторного типа; 3) частично двуязычному учебному комбинаторному словарю.

1. Для определения пользовательских запросов, предъявляемых к частично двуязычному словарю, необходимо обозначить, лежащие в основе данного типа словаря. Исходя из данных положений, выведем соответствующие пользовательские запросы, реализацию которых должен осуществлять составитель переводного словаря (табл. 1).

Таблица 2. Пользовательские запросы к комбинаторному словарю и реагирование на них лексикографа

Общие методические положения	Пользовательские запросы к учебному комбинаторному словарю, реализуемые в действиях лексикографа
1. Предъявление языкового материала для продукции	Описывать в учебном комбинаторном словаре продуктивные языковые единицы с приведением разных в количественном и качественном отношении сведений об их произносительных, морфологических, семантических, синтаксических и других свойствах
2. Отражение сочетательной ценности заголовочного слова	Описывать в словаре определённые фрагменты сочетаемости заголовочных слов, предназначенные для продуктивного усвоения. Отражать свободную и устойчивую сочетаемость: 1) лексико-семантическую сочетаемость; 2) синтаксическую сочетаемость; 3) нерегулярную (уникальную) сочетаемость заголовочных слов
3. Учёт языковых различий во входном и выходном языках в области словарной статьи «трудности употребления заголовочного слова» (Usage)	Включать в словарную статью область «трудности употребления» при необходимости показа различных способов выражения во входном и выходном языках
4. Иллюстрирование	Включать в словарную статью предложения, показывающие типичное употребление заголовочных слов в речи
5. Предъявление дополнительных сведений о языковой единице	Включать этимологические справки и библиографические ссылки на другие печатные труды, в которых данная языковая единица рассмотрена более пространно или под определённым углом зрения (при необходимости)

Таблица 3. Пользовательские запросы к двуязычному учебному комбинаторному словарю и реагирование на них лексикографа

Общие методические цели	Пользовательские запросы к частично двуязычному учебному комбинаторному словарю, реализуемые в действиях лексикографа
1. Продуктивное овладение иностранным языком	Отражать в описании такой подход к языковой единице, который будет обеспечивать данный вид речевой деятельности
2. Учёт культурологического аспекта слов	Представить отражение картины мира входного языка
3. Предъявление оптимального метаязыка словаря	Привести перечень эквивалентов условных сокращений
4. Установление оптимальной mega-структуры (композиции) словаря	<p>Учитывать включение двух основных разделов словаря. Первый раздел должен содержать:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) предисловие, в котором освещаются цели, задачи, адресат словаря, а также принципы его построения; 2) руководство к пользованию словарём; 3) список лексикографических источников, используемых при создании словаря; 4) фонетическую таблицу, сообщающую алфавит и правила чтения во входном языке; 5) список принятых сокращений и условных знаков. <p>Второй раздел должен содержать:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) словарь (макроструктуру); 2) индекс русских слов с указанием страниц их расположения; 3) методический раздел, включающий рекомендации по использованию данного словаря как средства обучения в учебном процессе
5. Обеспечение оптимальной интерпретации языковой единицы (микроструктура)	<p>Микроструктура должна включать:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) фонетическую информацию о заголовочном слове (в отдельных случаях); 2) грамматическую характеристику; 3) абсолютную ценность заголовочного слова (или его лексико-семантических вариантов) (толкование и перевод); 4) сочетаемость (синтаксическую и лексико-семантическую (фразеологическую)); 5) словосочетания с заголовочным словом и перевод обобщённых значений перечисленных коллокатов (распространителей заголовочного слова); 6) иллюстративные примеры; 7) область Usage для необходимости показа различных способов выражения во входном и выходном языках; 8) синтаксические предложные конструкции с заголовочным словом; 9) наиболее употребительные фразы с заголовочной единицей

2. Для определения пользовательских запросов, предъявляемых к учебному комбинаторному словарю, необходимо выделить общие методические положения (табл. 2), на основе которых должен создаваться словарь данного типа. Основываясь на данных положениях, выведем соответствующие пользовательские запросы, реализацию которых должен осуществить создатель учебного комбинаторного словаря (см. табл. 2).

3. Из-за того, что в настоящий момент мы в достаточной мере не располагаем частично двуязычными учебными комбинаторными словарями, целесообразно исходить не из методических положений, а из общих методических целей, которые в полной мере способны отражать сущность такого рода словаря. Для этого необходимо совместить методические положения, относящиеся к двуязычному словарю и учебному комбинаторному словарю. Тогда в качестве общих методических целей обозначим следующие: 1) продуктивное овладение иностранным языком; 2) учёт культурологического аспекта языка; 3) наличие оптимального метаязыка словаря; 4) установление оптимальной мегаструктуры (композиции) словаря; 5) обеспечение оптимальной интерпретации языковой единицы. Основываясь на данных методических целях, выведем те пользовательские запросы, которые должны предъявляться к частично двуязычному учебному комбинаторному словарю и определять действия его составителя (табл. 3).

В предлагаемом англо-русском учебном комбинаторном словаре предпринята попытка научно обоснованного отражения сочетаемости слов английского и русского языков в соответствии с современной теорией сочетаемости, учебной лексикографической концепцией и методической востребованностью к выбору мегаструктуры (композиции), макроструктуры (словника) и микроструктуры (словарной статьи) словаря.

Далее, на основе выделенных пользовательских запросов, реализация которых является непосредственной задачей лексикографа, продемонстрируем две словарные статьи данного словаря.

Hope *v* want and expect something to happen **надеяться**

Adv+N

Very much: *I earnestly hope that the United States and Canada shall become allies. I hope dearly that history doesn't repeat. I dearly hope that the ending will*

be filled with surprises, none of which I wish to predict ~ **горячо, искренне, очень.**

Definitely: certainly, truly *We certainly hope that you will enjoy reading the book. We truly hope that peace will come to Bahrain soon* ~ **твёрдо.**

In vain: in vain, vainly *We wait in vain because we hope in vain. Sisters vainly hope that all will end well* ~ **тщетно, напрасно.**

V+V

Begin to hope: begin to *When your life has been shattered it is difficult to begin to hope again* **начинать** ~.

Continue to hope: continue to *We continue to hope for the successful rescue of Secretary Jesse Robredo* **по-прежнему** ~.

Prepositions: ~ **for** *We had a wonderful time at the hotel and that the room was everything we hoped for!* ~ **на.**

Phrases: I hope so *I'll hope all money back – I think so* **надеюсь, что это так** | I hope not *Do you have to work late tonight? – I hope not* **надеюсь, что этого не будет** | to hope against hope *We are hoping against hope that some people may have survived* ~ **вопреки всему** | to hope for the best *I continue to hope for the best and hope that we can reach an agreement* ~ **на лучшее, на благоприятный исход** | hope and pray *We sincerely hope and pray common sense and justice will prevail* ~ **и молиться** | (not) dare (to) *I scarcely dare hope the plan would succeed* (**не**) **сметь** ~| secretly hope *I have been secretly hoping that some kind of a compromise might be found* **втайне / в душе** ~.

Usage: В отрицательных предложениях, где глагол **to hope** выражает суждения, отрицание используется с глаголом в придаточном предложении: *I hope very much that we will never meet again. We hope he doesn't find it out.* В значении «надеяться на что-либо» вместо глагола *to hope* употребляется глагол **to expect**: *I expect to get necessary information in the near future. We didn't expect to get such a good job.*

Homeless *adj* without a place to live **бездомный**

Adv+Adj

1. officially: legally, officially, statutorily *You are legally homeless if you have no accommodation at all. It's the first time in her life she can actually say she's officially homeless. Many statutorily homeless single people have a range of housing and support need yet these needs are often not met* **юридически, официально, согласно закону** ~.

2. not deliberately: unintentionally *We are making great progress in reaching our target that all unintentionally homeless people will be in settled accommodation from the end of this year* **непреднамеренно, неумышленно** ~.

Deliberately: intentionally, voluntary *You may be assessed as intentionally homeless if you were responsible in some way for becoming homeless through your own actions* **преднамеренно, умышленно** ~.

For a short time: temporarily *Vancouver housing advocates say they're planning a campaign over the next month to press for year-round funding of temporarily homeless временно ~.*

V+Adv

Become homeless: be, become, be left, be made, end up *After 10 days I was left homeless, without clothes, without anything – I had only passport and a Komsomol membership card. I see so many reports of people made homeless though no fault of their own. Around 40 families have been rendered homeless and properties were destroyed after a fire broke out at Sematilla Dimapur Tuesday night становится / остаться без крова.*

Таким образом, пользовательские запросы определяют содержательную сторону любого учебного словаря вообще и полудвуязычного учебного комбинаторного словаря в частности. Изложенные в данной статье запросы пользователей служат для лексикографа руководством к научно обоснованному описанию сочетаемости слов в полудвуязычном учебном комбинаторном словаре, на которые должно быть представлено адекватное реагирование. Учёт всех «user's needs», предъявляемых к данному типу словаря, позволил нам разработать оригинальную модель англо-русского учебного комбинаторного словаря активного типа.

Литература

1. Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: научн. докл., представленный на соиск. учён. ст. д-ра филол. наук. – М., 1990. – 72 с.
2. *English-Russian Learner's Dictionary* «Password. – М.: Рус. яз., 2001. – 968 с.
3. *LTP Dictionary of Selected Collocations*. – London : LTP, 1998. – 288 p.
4. Карпова О.М. Новые тенденции в современной лексикографии // Лексика и лексикография. – М., 2000. – Вып. 11. – С. 63–72.
5. Петросян И.В. Отражение сочетаемости в учебных словарях современного английского языка различных типов: дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2003. – 211 с.
6. Varantola K. On the Information Needs of Dictionary Users // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лексикографии. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 1997. – С. 98–110.
7. Мандрикова Г.М. Учебное компьютерное лексикографирование в теоретическом и прикладном рассмотрении: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 220 с.

О.Ю. Галуза

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ ПРИАМУРЬЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В статье представлены этапы изучения говоров Приамурья с первого десятилетия XX в. по настоящее время. Наиболее подробно показывается деятельность диалектологов двух педагогических вузов, Хабаровского и Благовещенского, в последний период, когда стала проводиться систематическая и планомерная работа по сбору лексического материала и составлению Словаря русских говоров Приамурья, который был издан в 1983 г. и переиздан в 2007 г. Этот словарь стал базой для создания односистемного «Албазинского словаря», «Фразеологического словаря русских говоров Приамурья», «Словаря охотников и рыболовов Приамурья», «Школьного диалектного словаря» и для многочисленных лексикологических исследований амурских говоров. Дается краткий обзор указанных словарей и других лексикографических изданий.

Ключевые слова: говоры, лексикография, диалектный словарь, лексема, языковая система, микросистема.

В изучении говоров Приамурья условно можно выделить три периода: 1) первое десятилетие XX в.; 2) 1926–1934 гг.; 3) с 60-х гг. по настоящее время [1. С. 15–16].

Сведения об амурских диалектах, относящиеся к первой половине XX столетия, носили в основном эпизодический характер. Так, бывший казачий офицер Амурского войска А.Б. Карпов в 1909 г. составил «Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками» [2], в котором было зафиксировано и объяснено 127 единиц, преимущественно относящихся к экзотической лексике, а также даны отдельные замечания о фонетических особенностях говоров. Свообразие русской лексики Приамурья начала XX в. представлено дальневосточным краеведом Г.С. Новиковым-Даурским в картотеке, насчитывающей около 4000 карточек, хранящейся в Амурском областном госархиве. Она содержит народно-разговорную лексику Приамурья, включающую областные, просторечные, жаргонные слова.

Попытка всестороннего исследования и научного описания говоров Приамурья впервые была сделана профессором А.П. Георгиевским, который в 1928 г. «по заданию Диалектологической комиссии при АН СССР Владивостокского отдела Географического общества организовал этнографо-диалектологическую экспедицию» [3.

С. 34] в села Амурской области, непосредственным участником которой был Г.С. Новиков-Даурский. Материалы этой экспедиции обобщены А.П. Георгиевским в работе «Русские на Дальнем Востоке. Говоры Приамурья» [4].

Систематическое изучение амурских говоров началось в 60-е гг. прошлого столетия преподавателями кафедр русского языка Благовещенского и Хабаровского пединститутов с участием студентов-филологов этих вузов. Инициатором совместной деятельности по сбору диалектного материала и составлению областного словаря стала доцент кафедры русского языка Хабаровского пединститута Ф.П. Иванова, которая приобрела опыт лексикографической работы, когда училась в аспирантуре Томского государственного университета. В авторский коллектив также вошли Л.Ф. Пулятина (г. Хабаровск), Л.В. Кирпикова и Н.П. Шенкевец (Благовещенск). «Словарь русских говоров Приамурья» [5], вышедший в издательстве «Наука» в 1983 г., стал первым значительным по объему (7 тыс. единиц) лексикографическим трудом, где представлены диалектная лексика и фразеология группы русских говоров Приамурья, основные носители которых – потомки первых амурских переселенцев из Забайкалья. Подавляющую часть их составляли забайкальские казаки. Материалы к Словарю были собраны во время диалектологических экспедиций 1964–1981 гг. в села Амурской области и Хабаровского края, расположенные по верхнему и среднему течению реки Амур. В большинстве своем это бывшие казачьи станицы, в говорах которых преобладают севернорусские черты.

Широкое отражение в Словаре нашли межсловные связи (синонимичные, омонимичные) и варианты отношения. Каждое слово сопровождается яркими иллюстрациями употребления его в живой речи: *На задах **аргули** рвём, лечимся ими, онé рано весной свету́т. Если в лесу найдешь **курёнь**, где грибов или ягод много, радуешься. В **олóчах**, **шептунáх** ходили мы, а мужики в **ичигах**. На сенокосе были **копнёльчики**, **гребёльчики**, **мётчики***. О.И. Блинова так отзывалась об этом словаре: «Читать его – одно наслаждение. Много контекстов-иллюстраций, не "спровоцированных" собирателем, много мудрых, истинно народных слов, – все это обрамлено достойным образом – высокой лексикографической культурой издания». Уникальность данного словаря и в том, что часть словарных статей сопровождается рисунками, на которых изображены предметы быта,

одежда, обувь, плотницкие инструменты, сельскохозяйственные орудия, рыбацкие и охотничьи принадлежности, виды построек и т.д., что, несомненно, вызывает интерес и облегчает восприятие и понимание языкового материала.

Долгое время «Словарь русских говоров Приамурья» (АС-1) являлся единственным источником, в котором концентрированно показан местный языковой материал. И хотя тираж Словаря был большим, вскоре он стал библиографической редкостью, а картотека продолжала пополняться. Назрела необходимость подготовить второе издание. Возможность оформить новые, накопленные за много лет материалы, «сохранить для потомков бесценный человеческий опыт, отраженный в слове», [6. С. 7] появилась благодаря проекту «Функционирование русского языка в этнокультурной среде Приамурья в прошлом и настоящем», инициатором и автором которого была директор Центра лингвистики и межкультурной коммуникации БГПУ, доктор филологических наук, профессор Г.В. Быкова. Направлением, связанным с русской региональной лексикологией и лексикографией, руководила Л.В. Кирпикова.

В 2007 г. вышло второе издание «Словаря русских говоров Приамурья» (АС-2), исправленное и дополненное [7]. В нем углублены представления о культурно-социальных особенностях жизни дальневосточников, этнокультурный аспект оценки лексем. Значительно увеличен объём словника (11 тыс. единиц). Часть словарных статей пополнилась примерами употребления, уточнены отдельные значения лексем и границы их распространения. Расширена территория изучения речи русских жителей Приамурья. В обследование вовлечены крестьянские сёла, перемежающиеся с бывшими казачьими станицами по Амуру, изучалась также речь тех жителей более северных посёлков, которые генетически связаны с забайкальскими и сибирскими истоками. Больше отражение получили и говоры старообрядцев («семейских»), переселившихся из Забайкалья, но имеющих южнорусскую фонетическую основу. Принципиально изменены во втором издании способы подачи лексикофонематических, лексикограмматических и акцентных вариантов слова. В отличие от первого издания они даются в одной словарной статье, устранены отсылки лексем с безударными гласными А, О, не проверяемыми ударением: Арóгда. См. Орóгда. Оставляется слово,

отмеченное в том звуковом облике, который воспринят наблюдателем: Орóгда. Рисунки, имеющиеся в АС-1, сохранены и в АС-2.

В обоих изданиях «Словаря русских говоров Приамурья» в ряде словарных статей даются ссылки на материалы картотеки Г.С. Новикова-Даурского. В 2003 г. картотека по инициативе Л.В. Кирпиковой была издана отдельной книгой [8] тем самым стала доступной для всех. Словарная картотека Г.С. Новикова-Даурского является в настоящее время важным источником изучения народной речи амурчан первой трети XX в. Отражая языковую картину мира своего времени, она дает возможность проследить динамику развития амурских говоров.

Представление о живой разговорной речи амурчан было бы неполным без «Словаря просторечия Приамурья», составленного В.В. Пирко [9]. В нём содержатся около 1900 лексических единиц, входящих в систему общерусского и регионального просторечия или функционирующих на границе взаимодействия просторечия, разговорной речи, жаргона и диалекта. Например: **амёба** «о безвольном, бесхарактерном человеке», **бухтеть** «ворчать, выражая недовольство», **вкусность** «вкусная пища, доставляющая удовольствие», **бахила** «крупный человек», **валяться со смеху** «смеяться до изнеможения». Особенностью словарных статей является то, что в них даются ссылки на ряд лексикографических источников литературного языка, просторечия и диалектов. Это позволило расширить информативную базу «Словаря просторечия Приамурья».

Значительное внимание в современной лексикографии уделяется созданию аспектных, тематических словарей. Таковыми являются «Фразеологический словарь русских говоров Приамурья» [10] и «Словарь охотников и рыболовов Приамурья» [11], авторы-составители которых Л.В. Кирпикова и Н.П. Шенкевец.

Во «Фразеологическом словаре...» представлена диалектная фразеология русских говоров Приамурья, отражающая важные компоненты языкового сознания жителей амурских сёл в устойчивых оборотах, связанных с их оценкой человека (**шипшиная баба** «острая на язык женщина»), охотничьим и рыболовецким промыслом (**стрелять на порошке** «охотиться, когда выпадет первый снег»), заготовкой и сплавом леса (**гонять паромы** «сплавлять лес по реке»), сельским хозяйством (**пахать селезнями** «неодобр. оставлять неспаханными отдельные участки земли») и т.д.

«Словарь охотников и рыболовов...» включает диалектную лексику древних промыслов человека. Лексические единицы объединены в «Словаре...» тематически: 1) связанные с охотой; 2) связанные с рыболовством. В каждой тематической группе выделены лексико-семантические подгруппы, которые иллюстрируют синонимические и родовидовые связи слов. Например, в первой группе четыре подгруппы: «Звери. Обработка шкур», «Птицы», «Ловушки. Приспособления для охоты. Охотничьи постройки», «Одежда, обувь и снаряжение охотника». Во второй – три подгруппы: «Рыбы. Блюда из рыбы», «Рыболовные снасти», «Лодки. Водные угодья». Данная лексика была и остается актуальной, так как отражает жизненно важные понятия, связанные с одним из основных занятий человека, подчеркивает его единство с природой и особенности восприятия мира. Например: **белковáть** «охотиться на белок», **покозовáть** «поохотиться на коз», **таёжка** «зимовье в лесу для охотников», **шишкáч** «птица сойка, питающаяся шишками».

На территории Приамурья своеобразную языковую микросистему представляет говор двух старейших сел, бывших казачьих станиц – Албазина и Джалинды. В нем в наиболее полном виде сохранились основные черты и колорит амурского казачьего диалекта, которые отражены в «Албазинском словаре», составленном О.Ю. Галузой [12]. Словарь содержит языковые факты, отражающие социально значимые сферы жизни людей, особенности казачьего быта, обычаи, слагавшиеся годами традиции, характер взаимоотношений между людьми. В нем широко представлены системные отношения лексических единиц, в частности различные виды формальных модификаций слова: 1) акцентные: *óчеп* – *очéп*; 2) корневые (фонематические): *валерьянка* – *аверьянка* – *лаверьянка*; 3) аффиксальные: а) лексико-грамматические: *веретёшко* – *веретёшка*, б) лексико-морфологические (словообразовательные): *дойник* – *дойница* – *доянка*, *вхожая* – *прихожая*. Каждый компонент вариантного ряда сопровождается: а) социолингвистическими пометами (I, II, III), обозначающими социально-речевой тип говора, в котором зафиксировано употребление варианта слова, что дает возможность судить о степени его распространенности в говоре; б) пометами, определяющими системную принадлежность вариантной единицы: О – общерусская, Д – диалектная, П – просторечно-диалектная, ДО – диалектный вариант общерусского слова. То есть в словаре показано

взаимодействие различных по своей системной отнесенности лексических единиц, что отличает данный словарь от традиционных диалектных словарей дифференциального типа. Например: **моложавый** (О II III) – **молодожавый** (Д I III) – **молодавый** (Д III). О человеке, который выглядит моложе своих лет. *Настя была моложавая. Оне, гураны, все молодожавые. Он такой лохмотный, черт его знает какой-то, и молодавый.*

В силу определенной специфики словарь не содержит цельных текстов, поэтому своеобразным дополнением к «Албазинскому словарю» стало пособие «Албазинский говор: звучащая хрестоматия» О.В. Ладисовой [13]. Здесь каждый информант представлен как языковая личность. В рассказах людей отражены не только особенности речи, но и рассуждения о правильности, частотности употребления слов, их внутренней форме и т.д., что называется языковым сознанием говорящих. Материалы хрестоматии позволяют показать своеобразие говора и в культуроведческом аспекте, особенности мировидения диалектоносителей и тем самым представить современную диалектную картину мира. Звучащая хрестоматия – это два компакт-диска с видеозаписями, что дает возможность услышать живые голоса и получить точное представление о различных сторонах диалектной речи носителей говора.

С 2000 г. изучение амурских говоров, сбор лексического материала в ранее не исследованных селах осуществляют преподаватели и студенты Амурского государственного университета под руководством завкафедрой русского языка доктора филологических наук Е.А. Оглезневой. Результаты наблюдений освещаются в ежегодном фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово» [14], где печатаются материалы к «Словарю русских говоров Амурской области», которые содержат новую, ценную информацию, существенно дополняющую имеющиеся сведения о лексическом составе амурских говоров.

Представленные издания имеют не только научную ценность, но и являются источниками, на основе которых строится лингвокраеведческая работа в вузе и в школе. К сожалению, не всегда они могут быть доступны учителям и учащимся области. Поэтому в настоящее время сотрудниками Центра лингвистики и межкультурной коммуникации Благовещенского педуниверситета Л.В. Кирпиковой, Н.П. Шенкевец, О.Ю. Галузой ведётся работа над созданием

«Школьного словаря русских говоров Приамурья», в котором будут помещены самые важные и интересные примеры диалектных амурских слов, а также даны рекомендации по использованию материалов словаря на уроках русского языка и во внеклассной лингвокраеведческой работе. Ведь изучение местной народной речи обогащает человека как языковую личность, дает возможность приобщить его к народной культуре, пробудить интерес и уважение к родному языку, любовь к родному краю.

Литература

1. *Кирпикова Л.В.* К истории формирования русских говоров Приамурья // Народное слово Приамурья. – Благовещенск, 2004. – С. 9–19.
2. *Карпов А.Б.* Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками (кроме пословиц, поговорок и шуток) // Сб. отд-ния рус. яз. и словесности Академии наук. 1909. – СПб. – 1910. – Т. 87, № 1. – С. 1–20.
3. *Кирпикова Л.В.* Лингвистическое источниковедение Приамурья: Начальный период // Краеведение Приамурья: период. сб. – Благовещенск, 2011. № 2–3 (15–16). – С. 31–34.
4. *Георгиевский А.П.* Русские на Дальнем Востоке: Говоры Приамурья // Тр. Дальневост. пед. ин-та. – 1930. – Вып. 5. – С. 5–34.
5. *Словарь русских говоров Приамурья* / сост. Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Пуяткина, Н.П. Шенкевец; отв. ред. Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1983. – 341 с.
6. *Кирпикова Л.В.* К 20-летию «Словаря русских говоров Приамурья» // Народное слово Приамурья: сб. ст. – Благовещенск, 2004. – С. 3–8.
7. *Словарь русских говоров Приамурья* / авт.-сост. О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Пуяткина, Н.П. Шенкевец. 2-е изд., испр. и доп. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2007. – 544 с.
8. *Словарная картотека Г.С. Новикова-Даурского* / подгот. к печати Л.В. Кирпикова, В.В. Пирко, И.А. Стринадко; вступ. ст. и ред. Л.В. Кирпикова. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2003. – 199 с.
9. *Пирко В.В.* Словарь просторечия Приамурья. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2006. – 187 с.
10. *Фразеологический словарь русских говоров Приамурья* / авт.-сост. Л.В. Кирпикова, Н.П. Шенкевец. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2009. – 155 с.
11. *Словарь охотников и рыболовов Приамурья* / авт.-сост.: Л.В. Кирпикова, Н.П. Шенкевец. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2009. – 188 с.
12. *Галуза О.Ю.* Албазинский словарь. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2010. – 296 с.
13. *Ладисова О.В.* Албазинский говор: звучащая хрестоматия / под ред. О.Ю. Галузы. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2011. – 196 с.
14. *Слово: фольклорно-диалектологический альм.*: Материалы науч. экспедиций. – Вып. 2–8 / под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. – Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2005–2010.

Н.Д. Голев

СЛОВАРЬ ОБЫДЕННЫХ ТОЛКОВАНИЙ СЛОВ: КОНЦЕПЦИЯ И ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ

Статья представляет научной общественности новый формат толковых словарей и его конкретное воплощение – «Словарь обыденных толкований русских слов», первый том которого вышел в издательстве Кемеровского университета в 2012 г., – историю его создания, теоретическую и лексикографическую концепцию и принципы ее реализации. В словаре обобщены результаты массового эксперимента, в котором участвовали рядовые носители языка, поставленные в ситуацию репрезентирования семантики слов-бионимов русского языка (например, бизон, блоха, боб, бобр, бобренок, борзая). В словаре актуализировались два типа семантики (лексическая и мотивационная) и три формы ее репрезентирования (дефиниционная, ассоциативная и номинативно-ассоциативная).

Ключевые слова: словарь, лексикография, лексика природы русского языка, бионимы, обыденная семантика слова, мотивационное значение, репрезентация семантики, обыденное лексикографирование, дефиниция, ассоциация.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВАРЯ

Основные параметры словаря. «Словарь обыденных толкований русских слов» [1]¹ (далее – СОТРС) обобщает результаты массового эксперимента с языковым сознанием рядовых носителей русского языка². Информанты записывали рядом с каждым словом-стимулом репрезентации (различного формата) его значения. Предлагались два разных типа значения слова (лексическое, мотивационное), три разные формы репрезентации (дефиниционная, ассоциативная и ассоциативно-номинативная). Таким образом, каждому информанту предлагалось шесть вопросов, ответы на которые определили шестичастную структуру словарной статьи³. Вопросы в предлагаемых анкетах были сформулированы следующим образом:

- *Какое значение имеют следующие слова?*
- *Какие ассоциации возникают у Вас в сознании при восприятии следующих слов?*

---

¹ СОТРС. Т. 2 (МУРАВЕЙ – ЯЩЕРИЦА) в настоящий момент находится в разработке коллектива авторов.

² См. рецензию М. Дебрэнн на первый том СОТРС в [2].

³ См. ее иллюстрацию ниже, в разделе настоящей статьи «Образец словарной статьи».

- Назовите первые пришедшее на ум фразы, в составе которых есть следующие слова?
- Какие предметы и явления могут быть названы следующими словами?
- «Созвучья слова не случайны» (В. Брюсов). Когда, например, мы слышим слово *колошматить* на ум приходят созвучные слова: *колотить, лохматый, шмотья*. Если *окоп*, то – *копать*. Если *кубарем*, то *кубик*. Какие слова приходят на ум, когда Вы слышите следующие слова?¹
- Как Вы считаете, почему так названо явление, обозначенное следующим словом?

Вопросы фиксировались в двух вариантах: на бумажном и электронном носителе².

В эксперименте приняли участие около 4 тыс. испытуемых разных социальных групп и возрастов. Каждый участник эксперимента, получивший анкету со словами-стимулами, в течение 10–15 минут должен был заполнить ее, ответив на вопросы. Реакция могла быть выражена в виде слова в любой форме или в виде словосочетания, иногда использовались цифры, знаки, формулы и даже рисунки.

Полученный материал обобщен в СОТРС (т. 1) в 478 словарных статьях, представляющих читателю словаря обыденную семантику

---

¹ Формулировка данного задания выпадает из формата ряда других заданий, что связано со спецификой мотивационных ассоциаций (подробнее о специфике таких ассоциаций и их лексикографирования см. в работах [3, 4, 5]). Наш опыт их «извлечения» из сознания показал, что прямые указания на актуализацию звуковых ассоциаций фактически «не работают», поэтому авторский коллектив принял решение использовать формулировку, характерную для направленных ассоциативных экспериментов (обоснование такого решения см. в статье [3]).

² Об электронной анкете. Для проведения масштабного опроса рядовых носителей языка создан сайт «Словаря обыденных толкований русских слов» <http://sotrs.totalh.com>, включающий специально разработанную систему online-анкетирования респондентов. Электронная анкета состоит из 2 модулей: во-первых, **модуль исследователя**, включающий: 1) работу с формами добавления, редактирования и удаления вопросов; 2) работу с настройками отображения порядка, количества выдаваемых испытуемым слов и т.д., просмотр, печать, удаление заполненных анкет; во-вторых, **модуль респондентов**, включающий: 1) заполнение анкеты с персональными данными; 2) заполнение анкеты со словами-стимулами, предложенными исследователем; 3) сохранение результатов эксперимента в базе данных. К анкетам осуществлялся свободный доступ по ссылке *Заполнить анкету* (<http://sotrs.totalh.com/opros.php>) с главной страницы сайта словаря. На определенном временном срезе на сайте размещалась одна или несколько анкет. При наличии двух и более вариантов анкет выбор анкеты респонденты осуществляли самостоятельно. Респонденты имели возможность неоднократного заполнения анкет.

русских слов из лексики природы – бионимов (названий видов животных, птиц, рыб, насекомых, растений). Лексемы-стимулы отбирались сплошной выборкой из «Словаря русского языка» С.И. Ожегова. Выбор в качестве стимульного материала наименований видов флоры и фауны, различных обозначений домашних животных, растений и т.п. обусловлен тем обстоятельством, что бионимы в наибольшей мере отвечают очерченным лексикографическим принципам – вокруг них формируются широкие и разнообразные смысловые поля, отражающие жизненный опыт носителей языка.

Словарная статья, вмещающая ответы информантов, включает заголовочное слово-стимул, за которым идут ответы-реакции, расположенные по мере убывания частоты употребления. Порядок следования форм репрезентации и типов значения следующий: результаты свободного ассоциирования, обыденное толкование значения, ассоциируемые фразы, ассоциируемые объекты названия, созвучные слова, обыденные этимологии. Иллюстрация приведена далее, в разделе «Образец словарной статьи».

В структурном плане словарная статья СОТРС построена по принципам, разработанным в «Ассоциативном словаре русского языка» под ред. Ю.Н. Караулова [6]. Она (словарная статья) включает заголовочное слово-стимул, за которым идут ответы-реакции, расположенные по мере убывания частоты употребления. Порядок следования форм репрезентации и типов значения следующий: обыденное толкование значения, результаты свободного ассоциирования, ассоциируемые фразы, ассоциируемые объекты названия, созвучные слова, обыденные этимологии.

Краткая история создания СОТРС. Идея создания СОТРС родилась в 2009 г. в процессе работы над коллективной монографией «Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты», осуществляемой в рамках деятельности научной школы Кемеровского университета «Социально-когнитивное функционирование русского языка», возглавляемой автором настоящей статьи¹. Теоретические основания и лексикографическая концепция словаря отражены в главе 3 коллективной монографии «Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты.

---

¹Имеются и другие работы автора, которые могут рассматриваться как идейные предшественники СОТРС, см., в частности статьи [7, 8].

Ч. 3» [5. С. 205–347]. Серьезным импульсом для интенсификации работы над словарем стала поддержка проекта «Обыденная семантика лексики русского языка: теоретическое и лексикографическое исследование» по Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., в рамках реализации мероприятия № 1.2.1 «Проведение научных исследований научными группами под руководством докторов наук».

В ходе разработки и реализации проект, представленный в указанной монографии, претерпел значительные изменения как в содержательном, так и в организационно-техническом плане. Основные изменения связаны с расширением типов репрезентации семантики слова и подключением к ним мотивационного значения. В первом аспекте произошло расширение форм репрезентации семантики слова. К прямым толкованиям семантики слова были подключены ассоциативные формы репрезентации семантики. Авторский коллектив принял решение оставить термин «толкования» в названии словаря, которое в данном варианте имеет метонимическую основу – целое называется по части, таким образом, название «Словарь обыденных толкований» в нашем варианте является в определенном смысле названием-синекдохой.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СЛОВАРЯ

Оформление словарной статьи. Заголовочное слово-стимул выделено **полужирным** шрифтом, за ним идут ответы-реакции, расположенные по мере убывания частоты употребления, которая указывается после слова-реакции, если лишь оно имеет такую частоту встречаемости в ответах испытуемых (например, **ЁЛКА**: зелёная **56**; колючая **47**; и т.п.), или указывается в конце группы слов-реакций с одинаковой частотой, причем внутри этой группы реакции-ответы расположены в алфавитном порядке (например, **ЁЛКА**: душистая, пахнет, пушистая **6**; зима, снег, салют **3**; и т.п.). Частоты реакций выделены полужирным шрифтом и отделяются от последующих реакций точкой с запятой (;).

В конце каждого вопроса словарной статьи указываются итоговые цифры (напечатанные **полужирным курсивом**), например: **КОРШУН... 125+25+10**:

- 1) общее число реакций, данных на слово-стимул (125);
- 2) суммарное число разных ответов в данной статье (25);
- 3) число «отказов», т.е. количество испытуемых, которые оставили данный стимул без ответа (10).

Поскольку словарь построен по результатам массового опроса носителей языка, ответы респондентов сохранены в том виде, как они зафиксированы в анкетах (за исключением явных орфографических ошибок). Поэтому перед читателем предстанет некоторый разноречивый набор написания слов-реакций (слитно, раздельно или через дефис, с прописной или со строчной буквы и т.п.).

ОБРАБОТКА СОБРАННОГО МАТЕРИАЛА

Обработка задания «значение»

1. Словообразовательные модификаты типа «деревня» – «деревушка» фиксируются как разные реакции.

2. Объединяются синтаксические, морфологические и орфографические варианты.

3. При синтаксической синонимии реакции объединяются, но в скобках пишется вариант, например: *ВОЛК – хищник 2 (хищное животное)*.

Обработка задания «ассоциации»

В ассоциативном эксперименте синонимичные слова и синтаксические конструкции, грамматические формы слова (например, *собака – собаки*) считаются разными реакциями, которые располагаются в порядке частотности.

Обработка заданий «созвучия» и «фразы»

1. Полные / неполные цитаты пишем в одной пропозиции, например: *ЁЛОЧКА – в лесу родилась елочка 5 (... , в лесу она росла)*, чтобы не повторять первую часть конструкции, используем знак «многоточие».

2. Вариативность сохраняется только в случае смысловой нагрузки варианта (для созвучных слов это мотивационный смысл, для крылатых фраз – смысловое тождество первоисточника).

3. Для «фраз» варианты формальные (фонетические, словообразовательные, морфологические, синтаксические) разделяются лишь в случае изменения смысла, например, «*Малиновки слышав (услышав) голосок 5*», «*В Малиновке слышан (заслышав) голосок 3*» – это две разные реакции.

Обработка задания «почему так названо явление»

1. Реакции объединяются по мотиву названия, например: «потому что много малины» и «так как растет много малины».

2. Разводятся варианты синтаксических конструкций типа «*потому что много малины растет*» и «*потому что малина растет*», т.к. слово *много* вносит смысловой оттенок в толкование.

3. Объединяются варианты словосочетаний типа: «*сделано из малины*», «*состоит из малины*», «*делается на основе малины*».

4. Если есть значимые слова (варианты, отражающие разные модусы), то они трактуются как отдельная реакция, например: «*там росла малина*», «*может, там росла малина*».

ОБРАЗЕЦ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ**ЕЖЕВИКА:**

значение: ягода **41**; лесная ягода **19**; кустарник и его ягоды **12**; ягода чёрного цвета, похожая на малину **10**; вкусная ягода **8**; кустарник с чёрными ягодами, похожими на малину; ягода синего цвета **7**; чёрная ягода **6**; полезная ягода **5**; ягода, похожая на ежа, фиолетового цвета **3**; съедобная ягода; чёрная малина **2**; вкусная лесная малознакомая ягода; вкусная фиолетовая ягода; вкусная ягода, очень ароматная; дикая ягода; для питания, получения витаминов; колючая полезная ягода сизого цвета; кустарник семейства розоцветных, имеющий плоды, сборная костянка; лесная ягода, внешне похожая на малину, только немного крупнее и синего цвета; лесная ягода голубого цвета, вкусная; лесная ягода иссиня-чёрного цвета; лесная ягода, похожая на малину, только чёрная, сам куст колючий; низкорастущая ягода, колючая; нужна, чтобы есть; сладкая ягода синего цвета; ягода дикая; ягода для варенья; ягода, имеет кисловатый вкус; ягода семейства розовых **1; 167+31+14**;

ассоциации: ягода **85**; лес; вкусная ягода **15**; чёрная ягода **14**; малина **7**; синий цвет **6**; колючая; лето **5**; варенье; сладкая; сладость; йогурт **4**; ёжик; кустарник; ягоды **3**; гигиеническая помада; есть; куст; листья; тёмный цвет; трава; фиолетовая ягода; ягодка **2**; бабушка; болото; вино; вкус; горы; двор; ежевика – я же Вика; ёж; жвачка; запах; заросли; зима; зеленая трава; зелень; земля; икра; комочки; косточки; крыжовник; крупная; мороз; мороженое; мыло; наркомания; наслаждение; огород; оживать; озеро; пакет; палисадник; полезная; похожа на малину, более темного цвета; приятный аромат; растение; растение семейства розоцветных; романтика; сад; сладко-кислая ягода; смородина; снежинка; со сливками; сочный вкус; СПИД; спрей для тела; черно-синяя; шприц; яркий цвет; motorolla **1; 284+71+10**;

фразы: ежевичное варенье; фруктовый поцелуй – ежевика (гигиеническая помада) **4**; Вика-ежевика; спелая ежевика **2**; вкусная ежевика; данон

«Ежевика»; ежевика, вкуснее клубники; ежевичка, как клубничка; ежевика – сочный орбит фрутини; ежевичный йогурт; ежевичный морс; колочая, как ежевика; молочная река, ежевичные берега; «не твоего поля ягода»; новый йогурт со вкусом ежевики; орбит с ежевикой; сладкая ежевика; собирать ежевику, добавить ежевику; «45 – баба ягодка опять»; ягода малина, нас к себе манила **1**; **159+20+127**;

объекты названия: магазин **19**; продуктовый магазин **9**; кафе; фруктовый магазин **7**; конфеты; салон красоты **5**; гигиеническая помада; журнал; мыло **4**; варенье; мороженое **3**; джем; клуб; косметические средства; крем; лимонад; малина; музыкальная группа; сок; шоколад **2**; ателье; вокальная группа; газета для садоводов; гастроном; гель для душа; детский сад; детское питание; игрушка; имя девочки; йогурт; кинотеатр; клубника; коктейль; кондитерский магазин; косметический салон; краска для волос; куст; лак «Ежевика»; лавка на рынке, где продают ягоду; лекарство, таблетки; лесное сообщество; линия одежды; магазин детской одежды; магазин женской одежды; магазин парфюма; магазин чайной продукции; марка одежды; мичуринский участок; молочные продукты со вкусом ежевики; моющее средство для посуды; музыкальный инструмент (пианино, гитара); название блюда; новый отечественный автомобиль; ночной клуб; парикмахерская; печенье; постельное белье; продукты питания; растение; ресторан быстрого питания; садоводческий магазин; сироп; студия дополнительного образования; торг; украшение из металлов с черными камнями; фирма; цвет; чай; чайная; черная ягода; шампунь; Сра-салон **1**; **215+72+55**;

созвучия: Вика **28**; клубника **17**; ёж **14**; голубика **11**; черника **5**; ежедневно **4**; ёжик; брусника; жевать **3**; Виктория; ежевичный; ежовый; земляника; костяника **2**; Барвиха; Бздуниха; Вероника; все ягоды со сходным суффиксом и окончанием; гвоздика; ежата; еженедельник; ежи и Вика; ежиха; еле жив; если Вика; жевачка; жевинка; жив; жизнь; крыжовник; летим тихо; Лика-лик-крик; можжевельовый; Ника; победа; свежесть; снежинка; смородинка; чечивини; чичивика; ягодика; Я же Вика **1**; **202+42+72**;

этимология: похожа на ежа **15**; ежи едят **8**; колочая, как ёж **7**; колочая **6**; любимая ягода ежа **4**; в пупырышку; в честь девушки, которую звали Вика; дерево, колочее, как ёжик; её немного; её обнаружила девочка по имени Вика; живёт в самых неприхотливых условиях; жуют её; кислая; кусты колочие, как ёж, ягода «живёт» в лесу, подобно ежу; маленького размера, трудно найти; на ней есть ворсинки, похожие на иголки ежа; похожа на малину, цвет разный; просто так назвали; свежая ягода, только сокращённо; сладкая; слово, ассоциируется с чем-то вкусным; стебель колочий, как ёж; сходна со словом ёж и растёт в лесу; чёрная; что-то тут связано с ежами; это кустарник, а в яголке слишком много косточек; ягода с иголочками; ягода с колочками, похожа на ежа, относится к семейству шиповника **1**; **164+29+95**.

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВАРЯ

СОТРС как отражение коммуникативного опыта рядовых носителей языка. СОТРС – словарь метаязыковых рефлексий, фиксирующий результаты наивного лексикографирования. Словарь отвечает на вопрос, какую информацию несет в себе русское слово, какое содержание ассоциируется с ним у рядового носителя русского языка. Он позволяет проникнуть в коммуникативную память носителей русского языка и получить ответ на вопрос о реальном психологическом значении слова, которое противопоставлено его нормативному значению. Разработка такого типа словарей, отражающих психолингвистическую реальность, интенсивно осуществляется в Воронежском университете под руководством проф. И.А. Стернина (см., в частности, [9–13]). Обычные толковые словари отвечают на вопрос, как следует **правильно** понимать лексическую семантику слова и его этимологическое значение. СОТРС и другие словари подобного типа являются **описательными** словарями. Они выявляют и описывают те реальные рефлексии, которые порождает слово.

Коммуникативная память организована очень сложно, она вбирает в себя бесконечный опыт социума и индивида. Теоретический очерк такого рода памяти представлен, в частности, в книге Б.М. Гаспарова «Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования» [14]. Один из важнейших путей познания такого опыта – включить носителя языка в метаязыковую рефлексивную деятельность. В частности, Б.М. Гаспаров в названной книге писал: «Интуитивное движение языкового опыта неотделимо от языковой рефлексии; говорящий все время что-то «узнает» о языке, все время что-то в нем постигает, находит или придумывает. Это могут быть школьные понятия и навыки, получаемые в готовом виде в процессе обучения языку. Это могут также быть собственные находки говорящего, мысль которого обнаруживает в его языковых действиях и языковой памяти какие-то соположения, аналогии, повторяющиеся приемы и модели – от параномастических и этимологических словесных сопоставлений до найденных и взятых на вооружение риторических приемов, интонаций, синтаксических оборотов. И наконец, еще одним типичным проявлением языковой рефлексии является то, что можно назвать метаязыковой деятельностью: различного рода

рассуждения о языке, от простейших суждений о том, какое употребление является «правильным» и «неправильным» <...> до сколь угодно сложных концептуальных построений, касающихся природы и строения языка и различных его компонентов. Нетрудно увидеть, что к такого рода деятельности причастны все без исключения говорящие – разница лишь в количественном и качественном отношении» [14. С. 17]. Получение материала для СОТРС как раз и заключается в создании ситуации рефлексирования в разных формах о содержании, ассоциированном со словом.

СОТРС – разновидность многоаспектных словарей. Важная особенность СОТРС – **многоаспектность** отражаемого в нем содержания слова. Как отмечает В.В. Морковкин, полиаспектный словарь «сообщает пользователю такое количество сведений, которое позволяет ему составить вполне достоверное представление как о самих семантизируемых единицах, так и об информационном бульоне, служащем средой их речевого бытования» [15. С. 351]. Названный автор вводит понятие синергетического лексикографирования, главным продуктом которого является создание комплексных словарей, в которых «посредством тотального кругового облучения слова потоками разнородной семантизирующей информации» пользователю предъявляется «не плоскостной портрет слова, а его действующая голографическая модель, максимально приближенная к своему остающемуся вечной загадкой ментальному прототипу» [15. С. 360]. По объему, разнообразию материала и организации словарной статьи СОТРС близок к учебным словарям, называемым их составителями всеохватными, хотя дидактические возможности СОТРС непосредственно не выражены. В качестве примера всеохватного словаря можно привести разрабатываемый в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина «Всеохватный объяснительный словарь. Лексическое ядро русского языка» (подробнее о нем см. в [16]).

Одна из особенностей СОТРС – его ярко выраженный **антропоцентрический** и **лингвокультурологический** характер. Н.В. Юдина пишет по этому поводу: «Особенность новейших лексикографических источников состоит в том, что многие из них воплощают в себе идеи *антропоцентрической лексикографии*. Ряд современных словарей русского языка сориентированы на выход из собственно лингвистики в экстралингвистическую сферу и включают в себя в качестве главного предмета исследования не только языковые факты, но

и так называемые культурные концепты и/или ключевые слова, а также любые тексты культуры в самом широком смысле этого слова, ориентируясь при этом на лингвокультурную и лингвокогнитивную базу как составляющую культурного пространства. Так, например, согласно мнению авторов лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство» [РКП, 2004], под национальным культурным пространством следует понимать форму существования культуры в сознании человека, культуру, отображенную сознанием, а также бытие культуры в сознании ее носителей. В свою очередь, «ядром» данного культурного пространства является национальная когнитивная база, понимаемая как определенным образом структурированная совокупность знаний и национально маркированных и культурно детерминированных представлений, необходимо обязательных для всех представителей данного национально-лингвокультурного сообщества. Владение русской когнитивной базой и как минимум «центральной», «ядерной» частью русского культурного пространства во многом предопределяет адекватность общения на русском языке его носителей [РКП, 2004: 10–11]» [17. С. 182].

Лингвокогнитивная направленность словаря. «Словарь обыденных толкований русских слов» отражает языковое сознание современника во всем богатстве его разнообразных слоев. Теоретической основой СОТРС служит психологическое представление о том, что феномены внешнего мира отражаются человеком в процессе социальной деятельности и общения в его сознании таким образом, что ментальные образы-концепты фокусируют опыт соприкосновения человека с этими феноменами. Иными словами, СОТРС можно трактовать как продукт моделирования языкового сознания человека, а каждую словарную статью как молекулу этой модели, в ней фиксируется коммуникативный и гносеологический опыт «усредненного» носителя русского языка, принадлежащего к определенному поколению (начала XXI в.). «Усредненность» всегда носит относительный характер. В данном случае при его оценке следует иметь в виду, что словарь представляет **обыденную** семантику, сформированную в повседневном коммуникативном опыте. В обычных ситуациях профессиональные, образовательные, гендерные и возрастные различия в существенной мере нейтрализуются. Как отмечал в свое время А. Шафф, самый выдающийся специалист в области ветеринарии не переживает научного понятия «конь», наблюдая за конями

на скачках. Материалы словаря ярко демонстрируют такую особенность обыденной семантизации слов-бионимов. В реакциях носителей языка репрезентируется не столько понятийное содержание, сколько содержание чувственное, фиксируемое в сознании в форме образов, представлений, ассоциаций, не столько профессиональное, сколько бытовое. Можно высказать предположение, что «усредненность» в определенной мере коррелирует с такой формой отражения предметов, как обобщенное представление: во-первых, обобщенное в сознании индивида, а во-вторых, в меньшей мере – языкового коллектива.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЛОВАРЯ

Адресаты словаря. Основное предназначение словаря – исследовательское. СОТРС дает богатый материал для исследований в области лингвокогнитологии, лингвокультурологии, лексикографии языкового сознания, обыденной лексической семантики, психолингвистики, лингвострановедения, информатики, социологии, общей и педагогической психологии, психиатрии. Словарь отображает обыденное языковое (в том числе метаязыковое) сознание, повседневное словоупотребление, очерчивает контуры национальной русской метаязыковой ментальности.

Исследовательскими возможностями потенциал СОТРС не ограничен. Круг его потенциальных пользователей достаточно широк. Это:

- специалисты по русскому языку, изучающие особенности владения русским языком и законы его функционирования;
- специалисты по когнитивной лингвистике, анализирующие субъективные формы существования русского языка;
- преподаватели русского языка как родного, так и иностранного;
- журналисты, редакторы, переводчики и специалисты, связанные с созданием текстов;
- профессиональные спичрайтеры, организаторы избирательных и рекламных кампаний, рекламисты, деятели шоу-бизнеса и public relations;
- социологи, историки, философы, психологи (психотерапевты,

психоаналитики), политологи и культурологи, анализирующие русское языковое сознание;

- а также все носители русского языка, имеющие установку углубить свои знания в области русской лексики.

Потенциальная проблематика. В исследовательском плане словарь дает значимые данные для теоретической семасиологии, так как расширяет и углубляет представление лингвистов о том, каково реальное содержание слов-денотативов в обыденном индивидуальном и коллективном сознании, что важно как в аспекте его (содержания) как объема, так и качества. Две иллюстрации сказанного.

- Само устройство словаря предполагает, например, возможность сопоставления разных видов репрезентации семантики. Ассоциативные формы, за которыми стоит чувственная форма экспликации внутреннего содержания, явно преобладают над дефинициями (даже при дефиниционном задании), что свидетельствует о том, что формой существования значения слова в обыденном сознании является представление. В какой степени оно обобщенное, а в какой индивидуальное – вопрос специальных исследований. Однако уже имеющиеся данные словаря говорят более в пользу доминирования субъективно-индивидуальных тенденций: поля, возникающие вокруг слов-стимулов, носят центробежный характер. Не исключено, что его преодоление в эксперименте дадут сужение и конкретизация состава испытуемых, типа заданий и т.п.

- Включение в состав словарной статьи данных по реакции на внутреннюю форму слова (мотивационные ассоциации, наивная этимология) и данных по коннотативно-прагматическим значениям (фразы, номинативные ассоциации) дает дополнительные сведения о соотношении названных типов содержания слова. Материалы словаря говорят о том, что постановка вопроса – входят или не входят все названные типы содержания в единый смысловой комплекс (лексическое значение) – предполагает слишком механистичные варианты ответа. Эти типы содержания актуализируются в разных парадигмах (противопоставленных в том числе в параметре «значение – значимость»), и объединение их в одном комплексе требует квалификации статуса такого комплекса, в том числе как единицы, хранимой сознанием.

Основное направление **конкретно-исследовательского** использования словаря, на наш взгляд, связано, во-первых, с актуализацией

внутренних оппозиций в сфере данных, зафиксированных в словаре, и, во-вторых, с актуализацией вариативности зафиксированных в СОТРС данных, получением новых данных и сопоставлением вариантов.

Примером первого направления могут послужить оппозиции смыслового содержания полей, образовавшихся вокруг слов-стимулов разных тематических групп, скажем, таких, как птицы – рыбы, домашние животные – дикие животные, взрослые животные – детеныши, самец – самка, близкие виды – экзотические виды, синонимы (например, *лошадь – конь, осел – ишак*) и т.п. Каждый из перечисленных типов может демонстрировать особый набор смыслов и тем самым выявлять особенности языковой картины биологического мира, отраженного в обыденном языковом (метаязыковом) сознании носителей русского языка.

Сравнение данных СОТРС с толковыми, концептными, энциклопедическими словарями создает важную перспективу для семасиологических и лексикографических исследований. В частности, позволяет внести дополнительные коррективы в отражение в традиционных толковых словарях наивной картины мира.

Вторая целевая установка предполагает расширение экспериментальной базы по разным параметрам. Например:

- *Специализация состава испытуемых.* При постановке соответствующих исследовательских задач возможен переход от модели «усредненной» языковой личности к ее специализированным вариантам: профессиональным, образовательным, территориальным, возрастным, гендерным, объединенным общими ментально-психологическими характеристиками и т.п.

- *Специализация заданий.* Предложенные задания являются частным случаем; возможны другие задания (или их варианты) и другие комбинации. В качестве примера другого задания можно привести «компаративное задание» в следующей форме: «Продолжите фразу: *Они..., как воробьи (телята, ерши и т.п.)*», в которой информанты должны заполнить позицию предиката и тем самым выявить актуальный концептный признак. В этом же ключе могут быть использованы фразы-стимулы типа *Воробей (ерш...) напоминает...; NN... напоминает воробья (ерша...)*; или *«На то он и воробей (ерш...), чтобы...»; «Какой же он воробей (ерш...), если...?»* В качестве примера варианта заданий приведем варианты, связанные с тол-

кованием значения: Что обозначает слово *воробей*, *ери*...?; Какое значение имеет слово *воробей*, *ери*...? Дайте определение понятиям «воробей», «ери». Продолжите фразу: «Воробей (ери...) – это ...» и др. Такие варианты могут появиться при возникновении у исследователя гипотезы о разном качестве содержания слов при актуализации разных установок (и форм) его репрезентации.

- *Варианты слов-стимулов.* В СОТРС представлены слова одного типа – слова-денотативы – и одной тематической группы – слова-бионимы. Подключение слов-стимулов других типов и других групп предоставит исследователям широкое поле для научной деятельности, позволяя решать самые разнообразные проблемы, например проблему степени, формы и качества актуализации метаязыкового сознания в конкретной и абстрактной лексике, проблему соотношения содержания, ассоциированного с общенародной и терминологической лексикой, заимствованной и собственно русской лексикой т.п.

- *Расширение состава языков.* Привлечение данных других языков позволяет решать проблему национальной специфики содержания слова. В настоящее время коллектив, работавший и работающий над СОТРС, предпринимает попытку создания «Разноязычного сопоставительного словаря обыденных толкований бионимов». Уже сейчас собраны данные по 10 лексемам (1) волк, 2) ворона, 3) заяц, 4) муха, 5), мышь, 6) осел, 7) петух, 8) роза, 9) теленок, 10) яблоко) на русском, французском, казахском, китайском и сербском языках. Понятно, что в первую очередь в полях слов-реакций отражается национальная специфика культурного слоя семантики слова-стимула.

Лексикографические перспективы СОТРС. Полагаем также, что СОТРС достаточно значим для теории и практики лексикографии как специфический представитель определенного типа словарей. В этом качестве он выступает как некий отправной пункт для других вариантов данного типа, которых, как нетрудно, предположить, может быть много. Прежде всего это касается таких параметров словаря, названных нами выше, как всеохватность и многоаспектность. Стремление к расширению словаря может идти по линии расширения типов заданий (отчасти это уже было проиллюстрировано), например заданий деривационно-ассоциативного типа [4].

Развитие в сторону всеохватности допускает подключение новых типов заданий, актуализирующих новые слои семантики (например,

«сравнительный параметр» может быть расширен информацией по типу словаря эпитетов или – шире – словаря сочетаемости). Одним из результатов такого расширения является усиление концептной парадигмы. Очевидно, что за разными лексемами стоят концепты разного качества и разной силы (к примеру, «ласточка» и «ворон» – сильные слова-концепты, а «дрозд» или «зимородок» – слабые)¹. Такое развитие может осуществляться и путем расширения спектра вопросов при сборе материала (например, путем подключения заданий типа «Продолжите фразу: *Ласточка (ворона, дрозд) – это символ...*»), либо путем фиксации контекстов с такими фразами, в том числе с помощью поисковых систем Интернета (например, запрос на фразы типа «*Герань – символ...*» или «*Герань в литературе...*» дает основательный материал для реконструкции концепта). Особый лексикографический выход контекстной репрезентации обыденной семантики – дискурсивный. Данный аспект предполагает фиксацию разных типов дискурсов, в которых типовым образом реализуются лексемы (например, лексем-бионимы регулярно реализуются в фенологическом, кулинарном, поэтическом и т.п. дискурсах). Подробнее о таком способе репрезентации см. в разделе «Словарь обыденных толкований русских слов: концепция, проект, опыты реализации» [5]².

Принципиально новым подходом к лексикографированию обыденной семантики может стать лексикографический формат, который мы предлагаем назвать форматом «вики-словарь», создаваемым по типу Википедии. В нем участвуют все носители языка – пользо-

---

¹ Примером концептного словаря такого типа (без использования термина «концепт») может послужить словарь [18].

² Подключение такого типа репрезентации семантики, как контекстная, – это особая тема в аспекте движения словарей обыденных толкований слов к всеохватности и многоаспектности. Однако вопрос о подключении контекстной репрезентации следует рассматривать лишь как лексикографическую гипотезу, подлежащую обсуждению. Главное сомнение заключается в том, что привлечение контекстов существенным образом трансформирует тип словаря обыденных толкований, представленный в СОТРС, в котором источником, позволяющим извлечь из него содержание слова, является языковое сознание рядовых носителей языка, выступающих в роли информантов в эксперименте. Это позволяет всю информацию, полученную от них, зафиксировать в словарной статье. Массив контекстов безграничен в количественном отношении, и лексикограф будет вынужден решать каким-то образом проблему отбора, переходить с принципа сплошного представления материала на иллюстративно-выборочный, что значительно ослабляет момент объективности репрезентации и ориентации словаря на отображение **реального** значения.

ватели Интернета, которые вносят в словник «свои» лексемы (варианты лексем) и участвуют в создании словарной статьи всеохватного типа, добавляя свою информацию и корректируя предыдущую. Это особенно значимо для фиксации диахронических, территориальных, профессиональных и т.п. модификаций смысла слов¹.

Литература

1. *Словарь* обыденных толкований русских слов: Лексика природы: в 2 т. – Т. 1: А–М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ) (478 слов-стимулов) / под ред. Н.Д. Голева / авт.-сост. М.Ю. Басалаева, М.Е. Воробьева, Н.Д. Голев, Я.А. Дударева, А.В. Замилова, Л.Г. Ким, Е.В. Кишина, Т.Ю. Кузнецова, Н.В. Мельник. – Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 2011. – 500 с.
2. *Дебринн М.* Рецензия на книгу: Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: в 2 т. – Т. 1: А–М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ) (480 слов-стимулов) / под ред. Н.Д. Голева // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* – 2013. – Т. 11, вып. 1. – С. 90–91.
3. *Голев Н.Д.* Мотивационно-ассоциативный словарь: теоретические основания и лексикографическая концепция // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология.* – 2011. – № 3 (15). – С. 17–30.
4. *Голев Н.Д.* Деривационные ассоциации русских слов: теоретический и лексикографический аспекты // *Вопр. лексикографии.* – 2012. – № 2. – С. 5–26.
5. *Голев Н.Д.* Словарь обыденных толкований русских слов: концепция проекта, опыты реализации // *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты.* – Ч. 3 / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово, 2010. – С. 205–264.
6. *Русский* ассоциативный словарь: в 2 т. – Т. 1. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2002. – 784 с.
7. *Голев Н.Д.* Об описании значения слов-денотативов // *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования.* – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1973. – С. 26–34.
8. *Голев Н.Д.* О соотношении семантических и мотивировочных признаков // *Вопр. языкознания и сибирской диалектологии.* – Вып. 7. – Томск, 1977. – С. 21–26.
9. *Стернин И.А.* Значение в языковом сознании: специфика описания // *Вопр. психолингвистики.* – 2006. – № 4. – С. 171–179.
10. *Стернин И.А.* К разработке психолингвистического толкового словаря // *Вопр. психолингвистики.* – 2010. – № 12. – С. 57–63.
11. *Стернин И.А.* Психологически реальное значение слова и его изучение // *Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики.* – Калинин, 1981. – С. 116–122.

---

¹ Опыт использования Интернета для изучения особенностей функционирования диалектных слов в современных условиях см. в работе [19].

12. *Стернин И.А., Рудакова А.В.* Проблемы создания психолингвистического толкового словаря русского языка // *Вопр. психолингвистики.* – 2012. – № 16. – С. 174–183.
13. *Фридман Ж.И.* Психологически реальное значение слова как феномен языкового сознания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006. – 24 с.
14. *Гаспаров Б.М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое лит. обозрение, 1996. – 352 с.
15. *Морковкин В.В.* О синергетическом лексикографировании // *Языковая личность: текст, словарь, образ мира.* – М., 2006. – С. 351–360.
16. *Богачева Г.Ф., Морковкин В.В.* О всеохватном лексикографическом представлении лексического ядра русского языка // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология.* – 2011. – № 3. – С. 6–12.
17. *Юдина Н.В.* Русский язык в XXI веке: Кризис? Эволюция? Прогресс? – М.: Гнозис, 2010. – 293 с.
18. *Отин Е.* Словарь коннотативных собственных имен. – Москва; Донецк: ООО «А Темп», 2006. – 440 с.
19. *Голев Н.Д., Лебедева Н.Б.* Лексика регионального словаря в Интернете // *Язык, литература и культура в региональном пространстве: материалы Всерос науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. И.А. Воробьевой / под ред. Л.И. Шелеповой.* – Барнаул, 2007. – С. 9–22.

Е.А. Нефедова

«АРХАНГЕЛЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЛОВАРЬ»: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

В статье рассматриваются основные параметры «Архангельского областного словаря»: состав его словника, структура словарной статьи, способы представления системных связей слова. Отмечается ориентированность «Архангельского областного словаря» на отражение функциональных особенностей живой диалектной речи, на представление в словарной статье сведений этнокультурного характера. Лексикографическое описание общерусских слов в полном объеме их семантики приближает «Архангельский областной словарь» к словарям полного типа.

Ключевые слова: диалектный словарь, общерусское слово, сочетаемость.

В 50-е гг. XX столетия в науке шло обсуждение вопроса о типе диалектного словаря, который вырабатывался в оппозиции: полный словарь, включающий всю лексику говора, – дифференциальный словарь, включающий только диалектную лексику. Научная полемика касалась также таких важных для диалектной лексикографии вопросов, как понимание диалектного слова и критерии его выделения, содержание принципа дифференциальности и его соотношение с принципом системности. Эта полемика отражена в трудах Ф.П. Филина, Б.А. Ларина, И.А. Оссовецкого, О.Г. Гецовой и мн. др.

К этому времени относится начало формирования картотеки «Архангельского областного словаря» (АОС). Первые лексикографические экспедиции кафедры русского языка филологического факультета МГУ на территорию Русского Севера состоялись в 1956 г.

О.Г. Гецовой были разработаны теоретические принципы АОС, полное и последовательное отражение которых представлено в «Проекте Архангельского областного словаря» [1]. Появление «Проекта» явилось важным этапом в развитии лексикографической теории и практики.

АОС задуман и осуществляется как словарь **дифференциально-го** типа, но с широким пониманием принципа дифференциальности. Основным критерием отбора лексики для Словаря является ее отличие от нейтральных слов литературного языка. Поэтому, кроме диалектной, в Словарь включается также лексика разговорная, просто-

речная, устаревшая в литературном языке и не имеющая такой стилистической окрашенности в архангельских говорах. Основанием для такого подхода является положение о том, что в говорах слова, общие с литературным языком, оказываются в иных системных отношениях с другими словами и это проявляется в их семантике и сочетаемости¹. Таким образом, любое отличие слова, функционирующего в диалекте, от литературного (исключая регулярные фонетические и грамматические отличия) является основанием для его включения в АОС.

К настоящему времени Словарь располагает картотекой, содержащей лексику говоров более 300 населенных пунктов Архангельской области. При этом **экстенсивный** метод обследования обширной территории архангельского региона сочетается с **интенсивным** изучением каждого говора. Стандартное время пребывания в говоре – два-три месяца.

Широко понимаемый в АОС принцип дифференциальности сочетается со стремлением к максимально полному описанию живого языка носителей говоров архангельской территории. Принцип живания в диалект, повторные его обследования позволяют сократить коммуникативное расстояние между носителем говора и его собирателем, представить диалектную речь в ее естественном функционировании. Это способствует накоплению в картотеке АОС огромного материала как на конкретную, предметную, так и на предикатную лексику – глаголы, наречия, прилагательные, на так называемые «мелкие» слова, организующие диалектный дискурс – многочисленные частицы, модальные слова (*да, дак, ек, быват, буде* и мн. др.).

Перед составителями АОС стоит задача совместить полидиалектный характер Словаря с системным подходом к подаче лексико-

---

¹ Идея обусловленности характеристик слова, общего для литературного языка и говоров, его положением в разных языковых системах последовательно проводилась в работах И.А. Оссовецкого: «Трудно допустить, что такое сложное целое, как слово, которое сформировано всеми... компонентами, определяемыми данной конкретной лексической системой, совпадет во всех частностях с другим таким же сложным целым, сформированным в пределах другой конкретной лексической системы, т.е., чтобы, например, слово данного говора полностью совпало со словом литературного языка. ...Можно сделать закономерный вывод о том, что все слова говора хорошей сохранности будут обладать какими-либо отличиями от соответствующих слов литературного языка» [2. С. 9].

графируемого материала¹. Прежде всего это касается детальной разработки семантической структуры лексикографируемого слова. Многие многозначные слова представлены в АОС весьма значительным количеством значений. Например, в 14-м выпуске АОС у слов *жизнь* – 14, *жить* – 22, *житьё* – 21, *жировать* – 10 словозначений, каждое из которых может входить в синонимические ряды [4. Вып. 14]².

Объектом особого внимания в «Архангельском областном словаре» является общерусское слово во всей совокупности его значений, в том числе и значений, совпадающих с литературным языком. Картотека АОС, включая ее компьютерный вариант³, содержит обширный иллюстративный материал на общерусские слова и словозначения. Опыт показывает, что именно общерусские слова в сравнении с собственно диалектными имеют в говорах наиболее развитую семантическую структуру. С одной стороны, в них лучше сохраняются архаические значения, уже утраченные литературным языком. С другой стороны, в условиях устной речи при отсутствии жесткой кодифицированной нормы такие слова раскрывают свои семантические потенции в производных значениях, отсутствующих в литературном языке. Что же касается значений, общих для литературного языка и говоров, то у них, как правило, обнаруживаются отличия в сочетаемости. При этом речь идет не только об устойчивых сочетаниях, но и о свободной сочетаемости слов, обнаруживающейся в процессе их функционирования⁴.

---

¹ В работах рассматриваемого периода полидиалектный словарь определялся как сводный, содержащий материалы неодинаковых микросистем: «...сводный словарь многих говоров, независимо от рассуждений и деклараций его составителей, может быть только словарем дифференциальным» [3. С. 349]. Утверждалось также, что сводный характер словаря и дифференциальный подход к материалу исключают системность описания [3. С. 350].

² Исследование полисемии и синонимии, представленной в АОС, выявило типы семантических отношений, специфических для частной диалектной системы одного говора и возможных лишь в макросистеме говоров определенной территории [5. С. 23–84].

³ С 1996 г. в кабинете диалектологии филологического факультета параллельно «бумажной» начинает создаваться «Электронная картотека «Архангельского областного словаря»» (ЭК). Работа над ЭК состоит из нескольких этапов: создание базы данных АОС как электронного продукта, подготовка материалов для ЭК, введение подготовленных материалов в ЭК.

⁴ Ср. иную точку зрения на общерусское слово: «Что же касается материалов, относящихся к общераспространенным словам, то они будут ненужным балластом ввиду их отрывочности и ненадежности. И что нового для науки могут внести эти материалы по

Стремление к полному, насколько это возможно, представлению свободной и полусвободной сочетаемости слова является принципиальной позицией составителей Словаря. Подобный подход направлен на показ **функционирования** слова в диалекте, он позволяет зафиксировать тонкие речевые смыслы слова. Обилие иллюстративного материала (как правило, от восьми до двадцати и более примеров при каждом словозначении) не только демонстрирует оттенки употребления слова, но раскрывает и фактологические, культурные сведения о стоящей за словом реальности.

В АОС при конкретных именах подается прежде всего атрибутивная сочетаемость, фиксирующая свойства артефактов или натурфактов, а также их функции. Например, в словарной статье на слово *дверь* в общерусском значении показана следующая его сочетаемость: *дверь голбечная, дворовая, звозовая, крылечная, назёмная, поветная, подвальный, подпольная, санничная* [4. Вып. 9. С. 300–301]; в словарной статье на слово *дорога* – *зимняя, летняя, проходная, ходовая, ездовая, ежсала, гужевая, конная, санная, машинная, почтовая, балочная, мостовая, ледяная, серёдочная, поперечная, центральная, путичная* и т.д. [4. Вып. 12. С. 9–20]. Фиксация подобного материала позволяет проследить номинативный процесс – от свободного сочетания к составному наименованию, на базе которого может быть образована однословная синонимичная номинация: *зимняя дорога* – *зимник*, *летняя дорога* – *летник*, *ледяная дорога* – *ледянка*.

Сочетаемостные возможности предикатных имен, прилагательных и существительных, показываемые в Словаре, раскрывают круг объектов, наделяемых в говорах общими свойствами. Например, *груда* в значении ‘большое количество’ – *груда* не только *каменей*, но и *дров, одежды, снарядов, навоза, сена, детей, девушек* [4. Вып. 10. С. 87–88]. *Длинными* бывают не только *шнур, сарафан, доска*, но и *трава, берёза, квашня, бабушка, корова, река, гора, пожня, деревня, прорубь, лес, ячмень, прокос, угор, дом, парень* и т.д. [4. Вып. 11. С. 159–160], как *большая* характеризуется не только *бедность*, но и *память*, не только *большие снега, ягоды*, но и *большая роса, мошка*,

---

сравнению с описаниями общераспространенных слов, имеющихся в словарях литературного языка?» [6. С. 9].

большой народ, как *большой* ‘интенсивный’ определяется *холод, дождь, ветер, сон, битье* и т.д. [4. Вып. 2. С. 6–70].

В сочетаемости глаголов, представляемых в АОС, отражены (по возможности максимально) субъект и объект действия, состояния. Например, *гудеть* ‘издавать монотонный шум’ могут не только *комары, гудит* также *трава, вода, пиво* [4. Вып. 10. С. 134]. Глагол *брать* в значении ‘охватывать своим воздействием’ – *берут* не только *зло, тоска*, но и *горе берёт, берут* физические состояния, болезни – *одышка, пот, слёзы, понос, цинга*, природные явления – *ветер, дождик, засуха, роснута*, и даже *берёт весна* [4. Вып. 2. С. 107–111].

Общерусские слова играют в пространстве диалектного словаря системообразующую роль. Они являются центрами системных отношений: развивают многозначность, группируют вокруг себя многочисленные синонимические ряды и фразеогруппы. В семантической и словообразовательной деривации и фразеологии проявляется их коннотативный потенциал.

В качестве гиперонимов именно общерусские слова возглавляют семантические поля и лексические группы. Важнейшей, возможно, универсальной особенностью является их свойство выступать в роли согипонимов в составе атрибутивных сочетаний (см. примеры, приведенные выше на слова *дверь, дорога*). Следовательно, показ атрибутивной сочетаемости имени в рамках словарной статьи на общерусское слово позволяет проследить и гипо-гиперонимические отношения в ЛСГ.

Детальное лексикографическое описание семантики общерусских слов способствует выявлению общей и вариативной части национальных представлений о мире. Сочетаемость имени, фиксируемая диалектным словарем, является уникальным материалом для определения концептуального содержания слов, таких, например, как *ветер, вода, время, глаз, голова, грех, двор, дело, дом, дорога, дух, душа, жизнь, жить* и мн. др. Этот материал, наряду с данными литературного языка, может быть источником изучения национальных культурно значимых концептов.

В приведенных ниже примерах¹ можно видеть разнообразные отличия общерусского слова в грамматической характеристике, со-

---

¹ Представленные здесь и далее словарные статьи даны в сокращении, наименования районов и населенных пунктов, как правило, опущены.

четаемости, составе фразеологических единиц при общем с литературным языком значении.

ГРЕХ¹, -á, (-ú), *пр. п. -ú, м. 1. Нарушение религиозных предписаний, правил.* За эту дочку мне греха не отмолить. Это грех незамолимой, што ис-под венця ушла. Украдѣш – один грѣх, а потеряш – сорок. Украдѣш – один грѣх, украд, да и фсѣ, а потеряш – на того здумаш и на того здумаш. Ты вот фсѣ, мама, не давала абортывте делать, зделай – один грѣх, а тепѣрь вот с ними и грѣха сколько, не знаѣш, как ы жить. *В сочет.* ГРЕХА НѢТУ, ГРЕХ НЕ БУДЕТ. *Кому. Не нарушены религиозные предписания, правила; не грешен, не виноват в нарушении их.* На свѣт выпустила я фсѣх, ни одного не выкинула, грѣха нѣту. Она уж была такая, мнѣ на это грѣха не будет, не засвоила, нѣт. / НА ГРЕХ. *Нарушая правила морали, нравственности, религии; грѣша.* Жывѣм на грѣх, и умрѣм на смѣх.

◇ ГРЕХА ГРЕШИТЬ (МОТАТЬ, НАМОТАТЬ). *На кого-н., что-н. Нарушать религиозные предписания, правила.* А тожо грѣха-то немаю грѣшыла – дак вот, надойѣш, и сама себе надойѣш. Ой, грѣха-то много грѣшым, вѣть неможно терпить-то. Мы што долъшэ жывѣм, то большэ грѣха мотайем на себя. Ой, грѣха-то на душу-то намотала, эку-то молоску сыйела. Такой родился последыш – на душу мотайѣш грѣх. ◇ ГРЕХ СВАЛИТЬ (ГРЕХ СВАЛИЛСЯ). *С кого. Об освобождении от чувства вины за нарушение религиозных предписаний, правил.* Фсѣ у меня окщюнный, фсѣ-то, я уш сама уш с себя грѣх свалила. А нынь, гыт, слава богу, с меня грѣх свалився. ◇ ГРЕХА КУЧА. *То же, что грѣх*¹ *в 7 знач.* Фсѣ вѣть вездѣ тепѣрь мафия кака-то, грѣха-то куча, навезалось-то. Ой, грѣха куча. ◇ ГРЕХИ ПОПУТАЮТ. *Трудно убержаться от чего-н. предсудительного.* А грѣхи-то попутают фсѣ равно. ◇ ГРЕХИ СДАВАТЬ (СДАТЬ, НОСИТЬ, ОТДАВАТЬ). *Признаваться в своих грѣхах на исповеди, исповедоваться.* Раньшэ мы ходили посьничать – грѣхи здавать. Г батюшку, грѣхи-то здавали, носили. ◇ С (БОЛЬШИМ) ГРЕХОМ. *С трудом, с затруднениями, преодолевая трудности.* Раньшэ ванну з грѣхом, никак нельзя достать, а тепѣрь фсяко набрано. ◇ СНЯТЬ ГРЕХИ. *Простить исповедующемуся его грѣхи.* Фсе грѣхи снимѣт? ◇ ЧТО ГРЕХОВ ТАИТЬ. *Следует признаться.* Што грѣхоф тайть! [4. Вып. 10. С. 48–51].

ДОЛГО, *нареч., ср. ст.* долъше и долее. **1.** ДОЛГО. *В течение продолжительного времени. Ср. дивно в 5 знач., докраю в 6 знач., долги, долговнице, долгышко, доло.* Я долго не йѣхала. Долго сейгот мороз был. / ДОЛГО НЕ ДУМАВШИ. *Недолго думая.* Она доуго не думафшы, пальто накинута и фстала, ушла...

◇ ВРЕМЯ (ВРЕМЕ) ДОЛГО. **1.** *После обычного, установленного или нужного времени, поздно. Ср. време далѣко (см. време¹ в 1 знач.).* Пойдѣм, дефка, время долго тепѣрь. Время уж долго. **2.** *О времени, наступившем после обычного для чего-н. срока.* Боле выколосилась трава, времѣ-то долго. ◇ ГОДЫ ДОЛГО. *Преклонный возраст. Ср. далѣкие годы (см. далѣкой в 7 знач.), годы (года) далѣко...* (см. год в 4 знач.). Тепѣрь я фся пала, мне восемдѣсад два года, годы долго стали. ◇ ДОЛГО ЛИ СКОРО. *То же, что ◇ долго ли, коротко...* в 1 знач. Долго ли скоро

он заболел. ◇ НЕ ЧЕРЕЗ ДОЛГО (ГОДОВ). *То же, что ◇ не через долгое время (время)* (см. *долгой*). Не через долго баржа-то идёт. Бует не через долго годоф. ◇ ТОГО ДОЛЬШЕ. *То же, что долгим-долго*. Сё в окна смотрю и ни сплю того долъшэ. [4. Вып. 11. С. 321–322].

В картотеке АОС (ее бумажном и электронном вариантах) имеется большое количество слов, общих для литературного языка и говоров. Это позволило в последних томах АОС представить многозначные общерусские слова полноструктурно, без отсеечения значений, общих с литературными, уже **независимо от того**, удалось ли обнаружить какие-либо отличия от литературного языка в исходном значении слова. См., например, *дорога, дорого, дорогой, досадить, доска, душа* и др. [4. Вып. 12], *ёлка, жаждать, жадной, жадность, жалко, жаловаться, жарить* и др. [4. Вып. 13], *живой, живо́т, жидкой, жидкость, жизнь, жилой* и др. [4. Вып. 14].

По признанию О.Г. Гецовой, сделанному в 2001 г., подобное лексикографическое описание общерусских слов «по существу переводит этот словарь в разряд **п о л н ы х** диалектных словарей» [7. С. 475–476].

Словарная статья АОС содержит информацию о синонимии и вариантности слова. Полный ряд синонимов приводится при словозначении-доминанте с пометой *Ср.* К доминанте с помощью пометы *То же, что* или *Ср.* отсылаются все остальные синонимы. В вып. 14 АОС введены пометы *С синон.*, *С антон.*, указывающие на функционирование синонимов и антонимов в рамках одного высказывания.

Ограничения в семантической или лексической сочетаемости показываются с помощью специальных лексикографических средств (например, пометы *В сочет.*). В иллюстративной части словарной статьи помещены контексты употребления, максимально полно раскрывающие функционирование слова в речи. Наряду с речевыми высказываниями словарная статья АОС содержит и разного рода сентенции, пословицы и поговорки, примеры из других фольклорных жанров. Этот материал является источником разнообразной информации лингвокультурологического и этнолингвистического характера. Он дает представление о народной философии, об этических и эстетических нормах жизни народа (см. такие словарные статьи, как *время, год, день, дума, век, жизнь* и мн. др.).

Например, слово *век* в значении ‘жизнь’ в пословицах и поговорках [4. Вып. 3. С. 80–87]:

Вѣк жыть – не поле перейти, вѣк – долга неделя. Вѣк-от пережыть – не поле перейти. Вѣк-от жыть – не полѣ бежать. Вѣк жыть – не поле перейхать. Вѣко жыть – не ф поле йхать. Вѣк жыть – не ниткой шыть. Вѣк прожыть – не нитку пришьить. Вѣк жыть – не поле перебрести, не ниткой шыть. Вѣк-от скажэм, не река брести, фсяко нажывѣссе. Вѣк долок, фсециной полон. Вѣк – не неделя, фсяко нажывѣсса. Фсѣ было на веку-ту – на веку, как на долгом волоку. На веку – как на волоку – фсяко нажывѣссе. Не вѣк жыть; а вѣк споминать. Печѣному, варѣному недолок вѣк.

Словарь с вниманием относится к лексике, отражающей традиционную народную культуру (см. такие словарные статьи, как *берѣза, беседа, борода, елоха, елошить, дымовое, докосное* и др.). Например, словарная статья на слово *борода* [4. Вып. 2. С. 81]:

БОРОДА², -ы, ж. 1. Окончание уборки урожая. Ср. *дожин, дожинки*. Колька-то скоро уш фсѣ выжнет, борода виднейѣца. БОРОДУ ЗАВИВАТЬ. *Заканчивать уборку урожая (обычно с помощью соседей)*. Бороду завивать – дожынять таг до конца. Клавдей, приглашай у Анны бороду завивать.

2. Праздник по случаю окончания сельскохозяйственных работ. Ср. **бородное, бородашнй праздник**. Раньшэ у нас бороду делали по фсему колхозу в один день. Во фсяком уцяске своя борода была.

3. *Последний сноп убранного с поля урожая*. Борода, йѣй не ставят никуды, только в угол. А раньшэ бороду ф колени жали. Бородой коровушку кормят ф Покроф. Эту бороду на голову здынут.

В Словаре представлены также реликтовые факты древнего мифологического взгляда на мир (см. *водяной*², *водяник, гуменник, деушко-атаманушко, дѣдушко-ботаманушко, дѣдушко-богоданушко, дѣдушко-братанушко, дѣдушко водяной, дѣдушко доманушко, дѣдушко-домовеюшко, дѣдушко-домохозяюшко, овинной дѣдушко, жихорь* и др.).

Например, словарная статья на слово *водяной*:

ВОДЯНОЙ², -ого, м. В народных поверьях сверхъестественное существо, обитающее в водоемах, и бран. Ср. ◇ *водяная сила, водяней, водянейко, водяник в 1 знач., водянкo, водянкoй, водяник в 2 знач., водяное*. Водяной к хорошэму не покажѣца. Водяной-то чѣрт, чѣртушко. Водяной – в воде, да мы не видали, старики, можэт, и видали. Журчат молодѣш нынче, дак и водяной убежыт. В реки да в озѣрах водяной жыл, воды напыошся, надо спасибо дать. ◇ *ДѢДУШКО-ВОДЯНОЙ*. ◇ *ЧѢРТУШКО-ВОДЯНОЙ*. Лешой – в лесу, а чѣртушко-водяной – такой, как собацька, низенькой, на ногах. ◇ (кого) К ВО-

ДЯНО́МУ. *Бран.* К водяно́му их! Не́т нице́во, да што́ шля́ця-то, пошли́, гоорно́, домо́й, к водяно́му! ◇ (кого) ВОДЯНО́Й ПРИВОЛОКЕ́Т. *Бран.* Водяно́й вас при-
волоке́т! ◇ (кого) НЕСИ́ (ПОНЕСИ́) ВОДЯНО́Й. *Ср.* ◇ **ле́шой понеси́.** *Бран.*
Тепе́рь не́т колдовок, а раньше́: «Понеси́ их водяно́й!» Понеси́ тебя́ водяно́й!
Одна на арте́ле, понеси́ водяно́й. Ле́шой понеси́, водяно́й понеси́ [4. Вып. 5.
С. 13].

В АОС включается также топонимика исследуемого ареала, особенно те имена, которые обнаруживают связь с апеллятивами, а также антропонимика.

Стилистические особенности слова представлены обобщенно, в основном с помощью пометы *экспресс.*, возможны также пометы *ум.-ласк.*, *пренебр.*, *бран.* Динамический аспект функционирования слова отражается пометами *стар.*, *устар.*, *малоупотр.*, *нов.*

Фонемные и словообразовательные варианты даются в отдельных словарных статьях, соотносимых друг с другом с помощью перекрестных ссылок (пометы *Ср.* или *См.*). Наряду со стандартными грамматическими характеристиками, принятыми в лексикографии для разных частей речи, в АОС показаны нерегулярные, а также варьируемые по говорам грамматические и акцентологические особенности слова.

Например:

БОЛЕ́ТЬ, *-ею (-лю́), -е́ет (-ли́т), несов.*

БОЛЕ́СТЬ *-и, ж.* (БОЛЕ́СТЬ – КАРГ. Хтн., БОЛЕ́СТЬ – ПЛЕС. Прш., КАРГ. Нкл., НЯНД. Стп., Врл., КОН. Твр., ВЕЛЬ. Сдр.) [4. Вып. 2. С. 56].

Таким образом, можно утверждать, что АОС – словарь системного типа, по многим параметрам отличающийся от сводного полидиалектного словаря¹. Он включает в себя лексику, собранную на основе единых принципов при планомерном, систематическом обследовании говоров территории, характеризующейся структурной и генетической общностью. Источником Словаря являются записи живой разговорной речи в ее непосредственном проявлении. Они относятся к одному временному срезу и отражают состояние архангельских говоров с середины 50-х гг. XX столетия до наших дней.

¹ Примером словаря сводного типа является «Словарь русских народных говоров» [8].

Очень важно, что значительная часть этих записей сделана самими авторами словаря в диалектологических экспедициях.

Картотека АОС содержит огромный иллюстративный материал, наиболее частотные слова представлены множеством разнообразных контекстов. Все это существенно повышает возможности АОС адекватно передать как внутрисистемные, так и межсистемные отношения описываемых в нем слов. В этих условиях работа составителей АОС приближается к собственно лексикологическому исследованию и отличается от него прежде всего способом представления результатов в словарной статье.

Словарная статья АОС как словаря полидиалектного – это максимальная модель, конструктор семантических отношений слова в макросистеме. С учетом географии каждого слова (словозначения), представленной в Словаре в виде перечня районов и населенных пунктов, эта модель при необходимости выявить внутрисистемные отношения может быть свернута до микросистемы говора одного населенного пункта.

Таким образом, «Архангельский областной словарь» является полидиалектным **системным** словарем. Вместе с тем он отражает **функциональные** особенности живой диалектной речи, содержит сведения **этнокультурного** характера. Последние выпуски Словаря свидетельствуют о его эволюционировании от типа дифференциального к **полному**, типу тезауруса.

По способам подачи материала «Архангельский областной словарь» можно отнести к традиционным диалектным словарям. В нем используется линейная нумерация значений, семантическая структура слова – близость значений друг к другу, их цепочно-радиальные отношения – передается традиционно с помощью знака // . Отдельные зоны словарной статьи не имеют специального выделения, перетекают друг в друга. Однако содержательная сторона Словаря (детальность семантизации слова, отражение сочетаемости, учет вхождения в синонимические отношения с другими словами, представление их функциональных характеристик, в том числе и с помощью обильного цитирования) сближает его со словарями нового типа¹.

---

¹ О словарях нового типа см. [9].

«Архангельский областной словарь» – одна из ведущих тем научной работы кафедры русского языка филологического факультета МГУ. К настоящему времени опубликовано 14 выпусков Словаря, буквы А–Ж. Их общий объем – более 300 п.л. Первые 12 выпусков вышли под редакцией О.Г. Гецовой [4. Вып. 1–12], вып. 13–14 – под редакцией О.Г. Гецовой и Е.А. Нефедовой [4. Вып. 13–14]. Картотека Словаря насчитывает 5 млн. словоупотреблений, его словник включает более 180 тыс. слов. Опубликован также «Обратный словарь архангельских говоров» [10].

Литература

1. *Гецова О.Г.* Проект Архангельского областного словаря. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – С. 214.
2. *Словарь современного русского народного говора* / под ред. И.А. Оссоветского. – М.: Наука, 1969. – 612 с.
3. *Филин Ф.П.* Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии // Славянское языкознание: VII Междунар. съезд славистов. – М., 1973. – С. 347–377.
4. *Архангельский областной словарь* / под ред. О.Г. Гецовой. – Вып. 1–9. – М.: Изд-во МГУ, 1980–1996; Вып. 10–14. – М.: Наука, 1999–2012.
5. *Нефедова Е.А.* Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. – М.: Макс-Пресс, 2008. – С. 461.
6. *Филин Ф.П.* О составлении диалектологических словарей славянских языков // Славянское языкознание: V Междунар. съезд славистов: докл. сов. делегации. – М., 1963. – С. 318–346.
7. *Гецова О.Г.* Русская диалектная лексикография: «Архангельский областной словарь» // Русский язык: исторические судьбы и современность: Междунар. конгресс: труды и материалы. – М., 2001. – С. 475–476.
8. *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф.П. Филина. – Вып. 1–44. – Л.(СПб.): Наука, 1965–2010.
9. *Шимчук Э.Г.* Русская лексикография. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 320 с.
10. *Обратный словарь архангельских говоров* / под ред. О.Г. Гецовой. – М.: Наука, 2006. – 559 с.

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 81' 374

В.М. Мокшенок

СОЦИОЛЕКТЫ В ЗЕРКАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье даётся обзор проблематики лексикографической обработки социолектного материала. Предлагается типология словарей социолектов по их величине и способам описания жаргонизмов, сленгизмов и арготизмов. Высказываются рекомендации по оптимальному лексикографированию таких языковых единиц.

Ключевые слова: социолект, жаргон, арго, сленг, лексикография, жаргонно-графия.

Научное исследование социолектов во многом начиналось именно с их фиксации и лексикографического описания. Каковы же параметры и разновидности жаргонных словарей русского языка?

Следует сразу оговорить большую количественную и качественную разнородность словарей социолектов. Русская жаргонография накопила к настоящему времени около трехсот словарей арго, жаргона, сленга, если считать, разумеется, и смешанные словари и словарики, качество, лексикографические параметры, состав словника и т.д. которых чрезвычайно разнокалиберны и в которых описываются в одном ряду просторечие, жаргон, бранная и обценная лексика).

По количественному параметру большинство словарей социолектов можно распределить:

- а) на малые (со словником менее 500 вокабул);
- б) средние (со словником от 500 до 3 000 вокабул);
- в) форматные (свыше 3 000 вокабул).

Следует при этом подчеркнуть условность и относительность такого разграничения. Во-первых, само по себе количество отраженных в подобных словарях слов и выражений не является их качественной характеристикой. Так, например, академический «Толковый словарь русского общего жаргона» [1] включает лишь около 450 слов и тем самым формально может быть отнесен к разновидности малого или среднего словаря. Полнота параметризации материала (иллюстрации из актуальной прессы, дефиниции, стилистическая маркировка, историко-этимологические справки и др.), однако, де-

дает его оригинальной попыткой полного лексикографического описания, несравнимой по количеству с подобными словарями. Во-вторых, сами количественные квоты у словарей трех выделенных подгрупп относительно. В словаре Ф.В. Трахтенберга¹ [2], например, арготизмы русского блатного мира описываются в виде специализированных блоков лексики, что затрудняет ее точный подсчет. В-третьих, некоторые словари русского жаргона представляют собой набор узкоспециализированной лексики и фразеологии, но зато дают её широкую проекцию в литературную речь, включая и художественные произведения. Таков, к примеру, оригинальный словарь картёжного арга С.В. Вахитова [3] или словарь русского школьного жаргона XIX в. О.А. Анищенко [4]. Наконец, принимаемые за основу предложенного разграничения количественные границы диспропорциональны: вид форматного словаря колеблется от 3 000 лексем и фразем до 40 000 – ср. словарь московского арга с более чем 9 000 арготизмами [5], большой словарь русского жаргона [6] с 25 000 слов или сводный словарь русского воровского арга [7], описывающий около 27 000 слов и выражений.

При всей условности предлагаемой количественной параметризации она дает, как кажется, возможность компактно и информативно представить лексикографическое пространство русской жаргонографии.

Словари малого формата

С таких словарей, а точнее – словариков, собственно, и начиналось собирание и накопление соответствующего материала как в России, так и во всей Европе.

Первые попытки фиксации арга торговцев-офеней относятся к XVIII в. (словарь П.С. Палласа, 1789 [8], [9]) и к середине XIX в. (словарь В.И. Даля). Знаменательно то, что многие из «суздальских» слов, отражённых первым словарём, до сих пор звучат в речи торговцев. Так, «суздальское» название курицы *ворыхан* [9. С. 94] записано В.Д. Бондалетовым в формах *ворыхан* ‘петух’ и *ворыханка* ‘курица’ в 1970-х гг. [6. С. 107], а «суздальское» прилагательное *гир* ‘старый’ дало производное *гируха* ‘старуха’ [6. С. 126]. Ср. такие

---

¹ В связи с большим количеством словарей, упоминаемых или анализируемых в статье, и с целью экономии места, отсылаем читателя к нашему словарю [6], где они точно обозначены.

слова, которые П.С. Палласом, В.И. Далем и другими собирателями давно зарегистрированы в живой русской речи и до сих пор остаются жаргонизмами: *клёво* ‘хорошо’, *мастырка* ‘работа’, *хаз* ‘двор’, *кимать* ‘спать’, *кимальница* ‘постель’, *лох* ‘мужик, крестьянин’. Такой материал детально рассмотрен недавно в докторской диссертации М.Н. Приёмшевой [10]. Эти факты весьма важны для понимания жаргонной лексики не как какого-то эфемерного, быстро меняющегося «паразитического наслоения» на нашем литературном языке, но как живого и долговечного явления, которое в какой-то мере служит ресурсом его обновления и насыщения экспрессией.

«Блатная феня», т.е. русское воровское аргю, арестантская речь, лексика картежных шулеров и конокрадов, условный язык заключенных с начала XX в. и до официальных гонений на жаргон как речь «деклассированных элементов» в начале 1930-х гг. надолго стали объектом описаний «малого» лексикографического вида. К жаргонографическим «первенцам» такого жанра можно отнести и «Босяцкий словарь» одесского босяка Ваньки Беца, изданный и «дозволенный цензурою» в Одессе в 1903 г. [11]. Собственно, это не словарь, а десятистраничный словарик или даже точнее — список воровских жаргонизмов с попыткой их толкования. Вот несколько извлечений из него:

БОСЯК. Пролетарий.

БУСНУТЬ. Выпить, *арест[антское]*.

ГОРЬКИЙ МАКСИМ. Молодой талантливый писатель босяцкого быта.

КАМЕННЫЙ МЕШОК. Одиночная камера в тюрьме.

СБОНДИТЬ. Украсть.

ШТИФТЫ. Вши.

Серия словарей «малого формата» долго была зависима от словаря «Блатная музыка» В.Ф. Трахтенберга [2] (который будет рассмотрен в группе словарей среднего вида). Благодаря собирательской неутомимости эмигрировавшего в советское время в США В. Козловского большинство таких словарей с начала XX в. до начала 1970-х гг. увидели свет в Нью-Йорке ещё тогда, когда они у нас на родине были под гласным и негласным запретом [12]. В четырёхтомном «Собрании русских воровских словарей» составитель представил широкую палитру русской жаргонографии данного времени — словари и словарик Н. Виноградова, В.М. Попова; Н. Смирнова,

И.Д. Путилина, Г. Досталя, В. Лебедева, Н. Балужева, В. Ирецкого, П. Фабричного, Г. Виноградова, Н. Хандзинского, Б. Глубоковского, С.М. Потапова, В.А. Тонкова, А.В. Миртова и др. Включил в своё собрание американский жаргонограф и такие словарики, которые имелись практически в каждом отделении милиции – обычно в машинописном виде и с грифом «для служебного пользования», поскольку без знания языка «деклассированных элементов» и адекватного понимания «правонарушителей» бороться с преступностью невозможно. Такие словари имели хождение во всех городах Советского Союза, и В. Козловский в четвёртом томе своего собрания воспроизводит некоторые копии из отделений милиции Москвы (1952), Свердловска (1952), Киева (1964), Риги (1967), Баку (1971) и Алма-Аты (1971). Последний словарь, который, в отличие от других машинописных «пособий» для милиционеров, даже имеет автора – И.П. Вориводу, именуется не словарём, а «Сборником жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи преступным элементом» [13]. По количеству зафиксированных слов и выражений он приближается к 3 000 единиц, т.е. почти достигает объёма словаря среднего вида. Представим несколько словарных статей из этого источника, чтобы ещё раз подчеркнуть, насколько подобные словари русского жаргона «отстают» от словаря В.Ф. Трахтенберга под редакцией И.А. Бодуэна де Куртенэ [2]:

ВЗЯТЬ НА БУГАЯ – обмануть.

ГАВРИЛКА – галстук.

КАЙФ – состояние под воздействием наркотиков.

СИДОР – мешок.

ЯМЩИК – скупщик краденного.

В этот словарь, как и в подобные ему собрания, неоправданно попадают и слова и выражения, не имеющие жаргонного статуса: *пустить петуха* ‘поджечь’, *пятиалтынный* ‘пятнадцать’, *сбить с понталыгу* ‘отклонить от правильной мысли’ и др. Последнее выражение, например, лишь неграмотно воспроизводит давно известный и употребляемый классиками разговорный оборот *сбить с панталыку*. Тем не менее все такие словари, составляемые любителями, работниками милиции или людьми, так или иначе общающимися с представителями воровского мира, дают немалый и достаточно ценный материал для исследования русского жаргона.

С конца 80-х гг. XX в. поток словарей русского жаргона этого вида не прекращается, но, во-первых, становится неподцензурным, а во-вторых, меняет свою «жанровую» ориентацию. С этого времени словари малого формата (как, впрочем, среднего и большого) в основном концентрируются на фиксации речи молодежи (А.С. Запесоцкий, А.П. Файн [14]; Ф.И. Рожанский [15]; А. Файн, В. Лурье [16] и мн. др.). В лексикографическом отношении такие словари столь же разнородны, как и доперестроечные, и во многом зависят от филологической (или нефилологической) квалификации составителей. Приведем одну словарную статью – описание слова *кайф* из словаря Ф.И. Рожанского «Сленг хиппи. Материалы к словарю» [15. С. 25–26], чтобы получить представление о лексикографии этого жанра:

КАЙФ (нач. 70)

1. любое наркотическое средство. *«Вчера такие стремаки были – нас поинтили, а у меня в боге кайф».*

2. алкогольные напитки. *«Сгоняй в шоп за кайфом».*

3. удовольствие, радость, состояние эйфории. *«У меня с этой травы такой кайф начался!»*

4. (экспр.) хорошо, отлично! *«– У меня три листа циклы есть. – Кайф!»*

В КАЙФ (нач. 70) – в радость, приятно. *«Мне в шоп идти не в кайф».*

ПО КАЙФУ = В КАЙФ. *«Сейчас пару ботлов вайна было бы по кайфу».*

ПОД КАЙФОМ (нач. 70) – в состоянии наркотического (реже – алкогольного) опьянения. *«Вчера он под кайфом был, левые телеги все время гнал».*

ЛОВИТЬ КАЙФ (нач. 70) = **КАЙФОВАТЬ**.

Как видим, в словарях малого формата послеперестроечного времени наблюдается тенденция к филиации значений жаргонизма, заметно особое внимание к фиксации фразеологии и стремление иллюстрировать приведенные слова и выражения речевыми контекстами.

Словари среднего формата

Этот вид словарей отличается большим разнообразием. В русской жаргонографии отправным пунктом таких словарей стала книга В.Ф. Трахтенберга «Блатная музыка» («Жаргон» тюрьмы) под редакцией и с предисловием известного лингвиста И.А. Бодуэна де Куртенэ [2]. Словарь составлен по материалам, собранным в пересыльных тюрьмах Российской империи, а редактор включил в его корпус яркие и точные иллюстрации из книги криминолога и журна-

листа Г.Н. Брейтмана «Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников», изданной в 1901 г. в Киеве. Кроме самого словаря (объёмом в 70 страниц), к его корпусу прилагаются жаргонные пословицы, поговорки и присказки, острожные песни и небольшой очерк этнографа С.В. Максимова «Нечто о „Музыке“», т.е. о русском воровском арго. Предисловие же И.А. Бодуэна де Куртенэ не только определяет социальные корни и происхождение русского воровского жаргона, но и даёт этой разновидности живой речи весьма яркую оценку как ресурса – как ни парадоксально это звучит в применении к «фене» – поэтической речи. «Многие слова и выражения искрятся своеобразной иронией и юмором, который чаще всего, – как это иначе и быть не может, – подходит под понятие так называемого «виселичного юмора» (*Galgenhumor*), – пишет он. – Но мы не должны забывать, что в переживаемое нами время нам необходимо упражняться и совершенствоваться именно в «виселичном юморе». А то без этой поддержки нам просто пришлось бы отчаяться и... повеситься. Спасибо «блатной музыке» за укрепление в нас этого, столь драгоценного и живительного настроения...» [2. С. XIV–XV]. Эти слова, написанные 100 лет назад, и теперь многое объясняют в неожиданной для нас экспансии жаргона и молодёжного «стёба».

Словарь В.Ф. Трахтенберга отразил актуальную арготическую лексику конца XIX – начала XX в. Благодаря редактированию И.А. Бодуэна де Куртенэ (редактировавшего в то же время и 3-е издание знаменитого «Толкового словаря» В.И. Даля) словарные статьи здесь отличаются чёткостью дефиниций. В необходимых (и возможных) случаях редактор предлагает и небольшую справку о происхождении арготизма, а нередко и иллюстрации из упомянутой книги Г.Н. Брейтмана. Приведем несколько словарных статей с разным объёмом заключённой в них информации.

БАРЫ́ГА. Скупщик краденых вещей.

На московском «блатном» жаргоне такой скупщик называется также «*мешком*», в тюрьмах южных губерний – «*блатаком*», в Западном крае – «*гурою*».

В большинстве случаев «*барыга*» – старый вор, бросивший своё прежнее опасное ремесло и заменивший его менее рискованным и без сомнений более прибыльным, ибо, скупая «*темный*», т.е. краде-

ный, товар за бесценок (обыкновенно за 1/10 часть его действительной стоимости) и в свою очередь продавая его за полцены известным ему перекупщикам (которые вступают в непосредственные сношения с ворами боятся), он наживает гораздо более лица, совершившего кражу. Часто такой «барыга» сам дает ворами «работу», указывая на какое-либо помещение, которое удобно было бы обокрасть. Во время «работы» он обыкновенно находится где-нибудь поблизости на другой стороне улицы, за углом или в воротах соседнего дома. В случае благополучного исхода предприятия он тут же на улице вручает вышедшему с украденными вещами вору «задаток». В случае же, если вора захватят на месте преступления «заметут», и поведут в участок, он остаётся пассивным зрителем «происшествия», и крайне редки случаи, что «заметённый» указывает на него как на своего сообщника.

ПУЗЫРЁК.

«Лезть в пузырёк» — выражение, означающее: сердиться без особой на то причины, принимать близко к сердцу какую-либо, большей частью грубую, выходку, на которую бывалый, опытный арестант совершенно хладнокровно реагирует такой же грубостью. [Ср. *загнуть*].

РАЙЗЕН. (От нем. слова *reisen* – путешествовать). «Турнэ» (*tournée*), предпринятое «*марвихером*» для совершения краж в известных заранее намеченных городах, обыкновенно на значительном расстоянии от его постоянного местожительства. [Бр. 6, 8]¹.

Также: Крупная карманная кража, совершённая случайно на станции железной дороги. (Не смешивать со «*стиркой*»). См. *мойщик*).

Составитель Словаря и его редактор не только точно характеризуют жаргонную лексику, но и связывают её путём отсылок с другими словами и выражениями, создавая комплексную «языковую картину» криминального мира описываемого времени.

К словарям среднего вида можно сейчас отнести, например, словари блатной «фени», изданные как в России, так и за рубежом (А. Скачинский [17]; В. Быков [18]; М.А. Грачев [19]), арго преступников и заключённых (А. Пириев [20]), арго ГУЛАГа (Б. Бен-Якоб [21]), городского жаргона (М.М. и Б.П. Крестинские [22]), молодежного жаргона отдельных регионов, например Воронежа [23], Пскова

---

¹ Здесь и далее в словарных статьях сохранены условные сокращения источников без расшифровки.

[24] и Магнитогорска [25], или отдельных социальных подгрупп, например наркоманов [26], военных [27], футболистов [28] или школьников и студентов [29]. Они различны как по составу и отбору словников, так и по лексикографической технике описания материала.

Приведём образцы словарных статей из трёх словарей этого вида, выбрав использованное выше слово-иллюстрацию из словаря В.Ф. Трахтенберга – *барыга*, чтобы показать, во-первых, отличие современного лексикографического подхода от описания в «Блатной музыке», а во-вторых, генетическую связь молодёжного (школьного и студенческого) жаргона с воровским:

БАРЫГА, -и, м. Перекупщик краденого. «Лисицкая усмехнулась, представив заспанное, вечно недовольное, обрюзгшее лицо этого барыги, который наживал на скупке и перепродаже такие проценты, что... (Пересунько. Жаркое лето) [18. С. 25].

БАРЫГА, -и, м. и ж. 1. Скупщик краденого. «Неужто я на барыгу смахиваю?» – без обиды поинтересовался Фирсов (Л.М. Леонов. Вор). Он неделю как на курорт уехал, повязали его барыги (Л.М. Леонов. Вор). 2. Спекулянт. «Богатый, дьявол... Спекулянт, по-нашему – барыга», – сказал широкоплечий приземистый Амелька... «Вот он, в кожаной тужурке, барыга – спекулянт. [В.Я. Шишков. Странники] [19. С. 47].

БАРЫГА, -и, м. и ж., пренебр. Студ. Завхоз; проректор по хозяйственной части. «Автобус до Питера барыга даст? Бензин оплатим» (Запись 2003 г.) [29. С. 33].

Как видим, за столетие, истекшее со времени издания первого русского словаря воровского жаргона среднего формата, некоторые слова не только сохранились в исходном значении, но и успели расширить свою сферу употребления, обогатились новой семантикой и экспрессивно-стилистическими обертонами. Всё это и стремятся отразить авторы современных словарей.

Словари большого формата

Этот вид словарей – результат активного сбора материала по русским социолектам, компиляции и систематизации материалов предшественников и теоретического их осмысления. Такие словари, как правило, создаются, с одной стороны, как лексикографические тезаурусы – своды арготической (resp. жаргонологической) лексики широкого пространственного и временного диапазона, с другой – как попытки уложить в прокрустово ложе словаря большой само-

стоятельно собранный материал отдельных регионов или социальных групп. При этом трудно провести чёткую границу между такими двумя видами словарей, ибо в «чистом виде» они практически не встречаются: сам жанр большого словаря требует как трудоемкого учета опыта предшественников, так и неутомимого сбора нового материала. Более зависимы от использованных источников обычно словари, обобщающие лексикографическое описание традиционных арго и современного жаргона. Таковы, например, словари русского блатного воровского жаргона Д.С. Балдаева [30], в котором зафиксировано 11 тысяч жаргонизмов, и О.Б. Хоменко [31] со словником около 30 000 единиц, а также словарь «Тысячелетнего русского арго» М.А. Грачева [7], насчитывающий 27 000 аргоизмов. Эти словари, собственно, подводят лексикографический итог более чем столетнему сбору уникального и разнородного материала по русскому воровскому арго. Приведём в качестве образца словарную статью на слово *ксива* – старое обозначение различных документов в русском жаргоне, детализированно описанное в названных трех словарях.

1. КСИВА – 1. Записка, письмо. 2. Документ. 3. Паспорт. 4. Фальшивый документ, удостоверяющий личность.

КСИВА ТУТАННАЯ – см. **хлебная ксива**.

ХЛЕБНАЯ КСИВА – партийный билет члена КПСС.

ксиву ломать (ломить) – проверять документы [33. С. 120].

2. КСИВА – 1. Документ, дающий право жительства в данном городе, данной местности. 2. Документ; письмо; паспорт; конская карточка. 3. Записка. См. **Ксива фатерная**. 4. Документ, удостоверяющий личность. См. **Бирка, Вытерка**.

КСИВА ЛИПОВАЯ – документ фальшивый, удостоверяющий личность. См. **Бирка**.

КСИВА ТУТАННАЯ (ХЛЕБНАЯ) – партийный билет члена КПСС. См. также **Красный помидор, Тутан**.

КСИВА ФАТЕРНАЯ – клева, малявка, молявка, помеловка, шкурка, шпаргалка, язучок – записка (к родным и близким); проглотить ее в случае опасности – **захавать**. См. также **Воровской телеграф, Конёк депешный**.

КСИВУ (ВЫТЕРКУ) ЛОМАТЬ (ЛОМИТЬ) – проверять документы [31. С. 481].

3. КСИВА, -ы, ж. – **1.** Записка (КИСФ, Росси). *«Логоню ксивы по тюрьмам завтра утонете в жалобах»* (Б. Безымянный. Русское видео)... *«Везде рассылают грозные записки-ксивы с просьбой о помощи и, если есть возможность*

заработать кусок хлеба; а украсть нельзя – те, что помельче, идут работать, «пахать». (В. Шаламов. Левый берег)... 2. Письмо (Росси). «Ксиву вашу получили. Всё ясно. Живёте, значит, кучеряво» (А. Жигулин. Чёрные камни). 3. Документ (ВДТЯ, Миртов, Ларин, А). «И ксиву, то есть удостоверение, не следует держать в кармане, если что – зарежут» (Н. Леонов. Мент поганый). «Дохлый номер! – не соглашался Хлыщ. – Раскинь мозгой: на хрена нам ксивы малолеток?» (И. Поляк. Песни задрипанного ДПР). 4. Паспорт (ВДТЯ); поддельный паспорт (Росси). [Др.-евр. *kosav* – «писать документ» – Фрид.].

КСИВА ОБЩАКОВСКАЯ – письмо (записка, анкета), с помощью которой профессиональные преступники решают организационные вопросы в ИТУ, когда нет возможности собрать «сходку» (см.). «*Может, пошлём братве и на зону общаковскую ксиву?*» [Арг. ксива].

КСИВУ ЗАЛОМИТЬ см. **ЗАЛОМИТЬ**.

КСИВУ(Ы) ЛОМАТЬ см. **ЛОМАТЬ**.

КСИВУ(Ы) ЛОМИТЬ см. **ЛОМИТЬ** [7. С. 459].

Как видим, авторы стремятся уточнить, конкретизировать арготические значения и более детально описать специализированные словосочетания.

В современной жаргонографии явно преобладают словари, отражающие разговорную речь молодёжи, в которой особенно ярко проявляется творческое отношение к языку. Молодёжный жаргон во многом стал выполнять функцию современного русского просторечия, пополняя синонимические и экспрессивные ресурсы не только разговорной речи, но и литературного языка (особенно в таких его сферах, как новые массмедиа). Именно поэтому, а также благодаря развитию теории и практики лексикографии в словарях молодёжного жаргона наблюдается совершенствование семантического и стилистического описания слов и выражений.

Одним из лучших, новаторских словарей такого вида справедливо считается «Словарь московского арго» [5] или «Словарь русского арго» [34], насчитывающий около 9 000 слов и 3 000 идиоматических выражений. Он отразил живой речевой стандарт современной молодёжи. Словарь русского молодежного сленга Т.Г. Никитиной, словник которого от 1-го издания [35] вырос с 3 500 слов и словосочетаний до 12 000 слов и 3 000 фразеологизмов [36], – ещё одна удачная попытка описания этого материала во всем его многоцветии. Ценным опытом полного описания системы молодёжного жаргона одного российского региона является и словарь Б.Б. Максимова [25], в котором отражены 31 500 жаргонизмов, представляющих со-

циолекты всех групп населения уральского города – индустриально-го Магнитогорска.

Приведём в качестве образца описание одного из востребованных в современной речи слов – *халява* в трёх названных словарях:

1. ХАЛЯВА, -ы, **ХАЛЯВКА**, -и, *жс.* Что-л. нетрудное, пустяковое, доставшееся без труда, окольным путем; подделка, легкая работа. ♦ **на халяву** – даром, бесплатно. **На халяву и укус сладкий** – всё хорошо, что даром. **Халява, сэр** – бесплатно; не надо платить. См. также **ЛОВИТЬ ХАЛЯВУ**. *Устар.* «халява» – растяпа, распущенная баба, неряха, также употр. как руг.; вероятно, через *уз.* «халява» – проститутка, «халявщик» – человек, делающий, получающий что-л. даром [34. С. 509].

2. ХАЛЯВА, -ы, *жс.* 1. Удовлетворение потребностей, получение чего-л. за чужой счёт, бесплатно. Югановы, 236. «У нас банкет. Эта публика любит халяву». Мережко, Аврора, 1993, № 8, 11... 2. Достижение чего-л. без труда, за счёт наглости, напористости, нахальства. Быков, 197. «Идёт экзамен. – Вопрос на пять: кто автор учебника? Вопрос на четыре: какого цвета учебник? Вопрос на три: что, собственно, сдаём? Из заднего ряда поднимается студент: «Идём, ребята, халява не прошла». МК, 04.02.92... ♦ **Халяву (халявку) кормить**. Студ. Название предэкзаменационного «ритуала» привлечения удачи, когда в окно бросают вкусную пищу. «Халяву кормить – это просто: откуси [печенья], а остальное бросай и кричи: «Халява, приди!» А ещё халявка на варенье хорошо идёт, или мёдом ещё кормит. Никитина, 1996, 232. **Халява, ловись!** Студ. Ритуальное восклицание перед экзаменом. БСРЖ, 641. 3. О наглом, нахальном человеке, привыкшем всё получать даром, за чужой счёт. Югановы, 236. ♦ **Халява чёртова**, бран. То же. УМК, 218; Быков, 197. 4. Что-л. необременительное, не представляющее трудностей. УМК, 218. «Сегодня была халява – ни одного практического [занятия]. Никитина, 1996, 232; WMN, 106. 5. неодобр. Безответственность, небрежное отношение к делу; непрофессионализм. «Слабость – в организационном непрофессионализме, проще говоря, – в «халяве». «Халява» – это когда ни за что не отвечаешь, ни за что не платишь, потому что и тебе никто не платит. «Халява» – бич любительства, не только литературного, но и музыкального». Аврора, 1988, № 3, 147. 6. пренебр. Что-л. негодное, ненужное. СВЖ, 15. // О ненужном, никчёмном человеке. УМК, 218. 7. пренебр. Проститутка низшей категории; опустившаяся женщина. УМК, 218. < По В.И. Далю: ‘неряха, падшая женщина’. ТСУЖ, 189. 8. Девушка, женщина. Я – молодой, 1998, № 8; ББИ, 266; Балдаев, П, 119; Никольский, 136. 9. шутол. Комп. Бесплатно распространяемая программа (Freeware). Садошенко, 1995 [36. С. 766–767].

Далее в словарной статье дается квалификация фразеологизма *На халяву (на халявку, на халявинку)* и пословицы *На халяву и укус сладкий*.

ХАЛЯВА I. Деятельность, не требующая больших энергозатрат, лёгкая работа. **II.** 1. Нечто, получаемое бесплатно. 2. Бесплатная выпивка. **III.** Отдых. **IV.** Игра (пение) под фонограмму (муз.). **V.** Человек, получающий что-то бесплатно, без усилий (о выпивке, питании). <...> **VII** (вар. **ХАЛЯВКА I, ХИЛЯВКА I**). Пепельница (обычно баночка из-под консервов, пива). **VIII** (вар.: **ХАЛЯВКА II, ХИЛЯВКА II**). Мусорное ведро. **IX.** Урок молодого учителя (школьн.). **X** (на **халяву I**). Бесплатно.

Отдельно от словарной статьи **ХАЛЯВА**, по сплошному алфавиту в словаре даются фразеологизмы и пословицы **НА ХАЛЯВУ, ХАЛЯВА ПЛИЗ, НА ХАЛЯВУ И ГВОЗДИ ПЕРЕВАРЯТСЯ, НА ХАЛЯВУ И УКСУС СЛАДКИЙ, НА ХАЛЯВУ И ХЛОРКА ТВОРОГОМ, НА ХАЛЯВУ ПРОЕХАТЬ** [25. С. 456–457].

В приведённых словарях, особенно в словаре В.С. Елистратова и Т.Г. Никитиной, описание жаргона молодёжи соответствует всем требованиям современной лексикографии. При этом здесь сохранено и стремление отразить все специализированные значения, характерное для традиционных арготических словарей.

Попыткой тезаурусного описания жаргона (25 тысяч слов и 7 тысяч устойчивых словосочетаний), объединяющего лексику и фразеологию в фиксациях с начала XIX до конца XX в., является «Большой словарь русского жаргона» [6]. Он вобрал в себя словники практически всех названных выше и многих других (около 300) словарей, словариков, жаргонных картотек и специальных работ по анализу русского субстандарта. Вот почему составителям пришлось разрабатывать систему чрезвычайно детализированных словарных помет именно по «профессиональному», социально-функциональному признаку, например: *авиа* – из речи авиаторов, *авто* – из речи автомобилистов, *арест.* – из жаргона осуждённых, отбывающих наказание в тюрьмах, ИТУ, *арм.* – из армейского жаргона, *афг.* – из речи воинов-афганцев, *байд.* – из речи туристов-байдарочников, *байк.* – из речи байкеров, *гом.* – из речи гомосексуалистов, *дигг.* – из речи диггеров, *комп.* – из речи программистов и пользователей персональных компьютеров, *лаг.* – из речи заключённых сталинских лагерей, *риэлт.* – из речи риэлтеров, *студ.* – из речи студентов (с дальнейшей детализацией: *ист.* – историки, *мат.* – математики, *филол.* – филологи, *хим.* – химики и т. д.), *спорт.* – из речи спортсменов и фанатов спортивных клубов (с детализацией по 27 видам спорта),

RPG – из лексикона игроков в ролевые игры (Role Playing Games) и мн. др.

Сведение воедино и систематизация столь разнообразных русских социолектов в «Большом словаре русского жаргона» показали их тесную взаимосвязь и постоянное взаимодействие, несмотря на «дистанцию огромного размера», разделяющую их во времени и пространстве. Словарь убедительно показывает, в частности, прямую преемственность современного молодёжного жаргона от воровского арго, зафиксированного более 100 лет назад. Более того, активизация соответствующей лексики и фразеологии в молодёжном жаргоне и влияние последнего на современную русскую художественную литературу, публицистику и массмедиа делает их весьма употребительной экспрессивной частью разговорной и просторечной лексики. Вот почему составители квалифицируют многие из описанных единиц пометой *жрр* – жаргонизированная разговорная речь. Динамику движения такой лексики от арго через молодёжный жаргон к разговорной речи демонстрирует словарная статья на слово *барыга*, уже дважды приводившееся выше в обработке других словарей:

БАРЫГА, -и, м. 1. *Угол.* Скупщик краденого. СРВС, I, 97; II, 17, 165; III, 151; IV, 23, 70, 100; Сн.; СВЖ, 2; Грачев, 1992, 47; Мильяненков, 82; Балдаев, I, 30.

2. *Угол.* Хозяин. Быков, 24.

3. *Угол.* Ростовщик. СРВС, III, 165.

4. *Жрр. Неодобр.* Продавец, торговец, бизнес которого оценивается как недостойный. *Придётся покупать вдвое дороже у барыги.* Югановы, 29.

5. *Мол., угол.* Преуспевающий рецидивист. h-98.

6. *Жрр. Неодобр.* Зажиточный, богатый человек (обычно жадный). Елистратов, 34.

7. *Жрр. Пренебр.* Любой человек. *Там тебя какой-то барыга спрашивает.* Елистратов, 34.

8. *Угол.* Вещевой рынок. ББИ, 25; Балдаев, I, 30. [6. С. 52].

Как видим, при относительно простой и предельно специализированной исходной «воровской» семантике это слово значительно расширило свое значение – от «узкопрофессиональных» наименований до обобщающего ‘любой человек’.

В рамках характеристики жаргонных словарей большого формата следует упомянуть и о двуязычных словарях. Таков, например,

количественно соразмерный с крупноформатными словарями «Большой русско-немецкий словарь жаргона», словник которого включает свыше 7 000 слов и 1 600 фразеологизмов [37], а немецкая эквивалентная часть количественно даже превосходит русскую.

Нельзя также не отметить, что экспансия субстандартной лексики и фразеологии в современных языках заставила лексикографов активно включать арготизмы, сленгизмы и жаргонизмы в общие и специальные словари. Таковы, например, современные словари русской брани ([38, 39] и др.) или просторечия ([40, 41] и др.). Их рассмотрение, однако, заслуживает специального внимания, что выходит за пределы этой статьи.

Результаты и перспективы лексикографического описания жаргона

Исследования и лексикографическое описание русских социолектов показывают, что за последние полтора века они развивались весьма динамично: от тайных языков и арго замкнутых социальных групп – к молодёжному жаргону, являющемуся основным ресурсом обновления современной речи и литературного языка. Однако при достаточно полной изученности и лексикографировании социолектов России несколько теоретически и практически важных проблем до сих пор ещё остаются нерешёнными.

Большим подспорьем для дальнейшего фундаментального исследования русских социолектов могут стать такие словари, в которых описываемый материал систематизируется в виде синонимических рядов или идеографических полей. В русской лексикографии, к сожалению, пока ни идеографических, ни синонимических словарей жаргона не создано. Тем не менее некоторые лексикографы в словарях жаргона уже собрали богатый материал для такого рода изданий. Тематико-идеографическими указателями снабжены некоторые словари русского молодёжного сленга [29, 36]. Богатую синонимику демонстрирует в дефиниционной части словарных статей О.Б. Хоменко [31, 32]. В русско-немецком словаре жаргона [37] наряду с развёрнутой немецкой эквивалентной частью даются и репрезентативные ряды русских синонимов. Такого рода лексикографический материал позволяет в перспективе представить ономаσιологическую «картину мира», отражаемую русским суб-

стандартом. Для русского молодежного жаргона эта задача уже выполнена Т.Г. Никитиной [42].

Всё ещё мало разработанным остаётся и историко-этимологический анализ русских жаргонизмов на широком европейском фоне, начало которому положено штудиями Б.А. Ларина [43] и специалистами по цыганскому, тюркским языкам, ивриту и др., привлеченными им к такому исследованию. Хотя спустя полвека эта линия исследования жаргона нашла последователей (В.Д. Бондалетова [44], М.А. Грачева [45], В.М. Мокиенко [46], Е.С. Отина [47]), она ещё не привела к созданию фундаментального этимологического словаря русского субстандарта. Массированное и целенаправленное выявление иноязычных корней русских социолектов невозможно без их предварительно фронтального сопоставления, для которого, как мы видели, уже накоплена солидная база данных. Именно на его фоне могут быть прослежены межъязыковые связи русского жаргона с украинским, белорусским, польским, французским, немецким, греческим (в виде «фени»), тюркскими, ивритом, идиш и другими языками, а также начертаны точные маршруты перемещения традиционных европейских жаргонов в Россию и из неё – в соседние языковые ареалы. Такое сопоставление позволит и объективно установить соотношение «своего» и «чужого» в системе русских социолектов, и описать их пространственную и хронологическую иерархию, и прогнозировать будущее развитие.

Комплексное исследование русских социолектов, как показывает предварительный опыт, невозможно вести атомарно, на уровне отдельных этимонов и «корнесловов» уже потому, что при атомарном подходе и лексикографическом описании их анализ превращается в корректное, но разноположенное и разномасштабное описание отдельных социолектов. Выход здесь, как кажется, следует искать в семантической типологии арго и жаргонов различных социальных групп и ареалов. Выявление доминантных идеографических блоков (т. е. структурно-семантических моделей номинации) поможет создать основу для их объективного сопоставления (в том числе и межъязыкового), обнаружит концептуальные универсалии этой сферы лексики и фразеологии и воссоздаст как специфическую для отдельных систем «социолектную картину мира», так и общий их фонд, объединяющий русский жаргон с жаргонами Европы и обеспечивающий их преемственность во времени и пространстве.

Ведь по словам одного из патриархов русской социолингвистики Б.А. Ларина, именно «семантика – вот область, позволяющая достичь высокой точности исследования».

Литература

1. *Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И.* Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона: ок. 450 слов / под общ. рук. Р.И. Розиной. – М.: Азбуковник, 1999. – 320 с.
2. *Трахтенберг В.Ф.* Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы) / ред., предисл. И.А. Бодуэн де Куртэнэ. – СПб., 1908. – 116 с. Репринт: München, 1978.
3. *Вахитов С.В.* Карточная терминология и жаргон XIX века: словарь. – М.: Вагант, 2007. – 296 с.
4. *Анищенко О.А.* Словарь русского школьного жаргона XIX века. – М.: Элпис, 2007. – 368 с.
5. *Елистратов В.С.* Словарь московского арга (материалы 1980–1994 гг.): ок. 8000 слов, 3000 идиоматических выражений. – М.: Рус. словари, 1994. – 699 с.
6. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона: 25 000 слов и 7 000 устойчивых сочетаний. – СПб.: Норинт, 2000. – 720 с.
7. *Грачев М.А.* Словарь тысячелетнего русского арга: 27 000 слов и выражений. – М.: Рипол Классик, 2003. – 1120 с.
8. *Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы.* – Отделение 1, содержащее в себе европейские и азиатские языки / изд. и авт. Предисл. П.С. Паллас. – Ч. 1. – СПб., 1787. – 411 с.
9. *Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы: Отделение 1, содержащее в себе европейские и азиатские языки / изд. и авт. предисл. П.С. Паллас.* – Ч. 2. – СПб., 1789. – 491 с.
10. *Приёмшьева М.Н.* Тайные и условные языки в России XIX в.: историко-лингвистический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2009. – 478 с. + прил. – 517 с.
11. *Бец Ванька [псевд. И.К. Авдеенко].* Босаяцкий словарь: опыт словотолкователя выражений, употребляемых босаяками. – Одесса, 1903. – 7 с.
12. *Козловский В.* Собрание русских воровских словарей: в 4 т. New York, 1983.
13. *Воривода И.П.* Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи преступным элементом. – Алма-Ата, 1971. [машинописный текст, без обозначения страниц]. Перепечатка: Козловский IV. С. 155–194.
14. *Запесоцкий А., Файн А.* Эта непонятная молодежь: Проблемы неформальных молодёжных объединений. – М.: Профиздат, 1990. – 224 с.
15. *Рожанский Ф.И.* Сленг хиппи: материалы к словарю. – С.-Петербург; Париж: Изд-во Европейского Дома, 1992. – 64 с.
16. *Файн А., Лурье В.* Всё в кайф! – СПб.: Lena Production, 1991. – 196 с.
17. *Скачинский А.* Словарь блатного жаргона в СССР. – New York, 1982. – 248 с.
18. *Быков В.* Русская феня: словарь современного интержаргона асоциальных элементов. – Смоленск: Траст-Имаком, 1994. – 222 с.
19. *Грачев М.А.* Язык из мрака: блатная музыка и феня: словарь. – Н. Новгород: Флокс, 1992. – 207 с.

20. *Пириев А.* Словарь жаргона преступников: для служебного пользования: ок. 1500 слов. – Баку, 1987.
21. *Бен-Якоб Броня.* Словарь аргю ГУЛага. – Frankfurt a /M, 1982. – 149 с.
22. *Крестинская М.М., Крестинский Б.П.* Краткий словарь современного русского жаргона. – Франкфурт-на-Майне, 1965. – 31 с.
23. *Словарь* молодёжного жаргона: Слова, выражения, клички рокзвёзд, прозвища учителей: Подробные объяснения, примеры употребления. ок. 1600 ед. / сост. И. Агеева, А. Бенедиктова и др.; научн. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Логос, 1992. – 113 с.
24. *Никитина Т.Г., Рогалева Е.И.* Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область). – М.: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2006. – 384 с.
25. *Максимов Б.Б.* Фильтруй базар: словарь молодёжного жаргона города Магнитогорска: ок. 31500 слов и устойчивых словосочетаний / подгот. изд. и вступ. ст. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск, 2002. – 506 с.
26. *Walter Harry.* Russisch-Deutsches Wörterbuch des Drogenslang. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern-Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2003. – 202 s.
27. *Коровушкин В.П.* Словарь русского военного жаргона. Нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX веков. – Екатеринбург, 2000. – 372 с.
28. *Никитина Т.Г., Рогалева Е.И.* Словарь футбольного болельщика. Оле-оле-оле-оле!!! – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 384 с.
29. *Вальтер Х., Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона: ок. 5 000 слов и выражений. – М.: АСТ, 2005. – 361 с.
30. *Балдаев Д.С.* Словарь блатного воровского жаргона. Феня: в 2 т. – Т. 1: От А до П; Т. 2: От Р до Я. – М., 1997.
31. *Хоменко О.Б.* Язык блатных, язык мафиози: энцикл. синонимический словарь. – Т. 1 (А–Л). – Киев, 1997. – 527 с.
32. *Хоменко О.Б.* Язык блатных, язык мафиози: энцикл. синонимический словарь. – Т. 2 (М–Я). – Киев, 1998. – 635 с.
33. *Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). – М.: Края Москвы, 1992. – 526 с.
34. *Елистратов В.С.* Словарь русского аргю (материалы 1980–1990-х гг.: ок. 9 000 слов, 3 000 идиоматических выражений. – М., 2000. – 693 с.
35. *Митрофанов Е.В., Никитина Т.Г.* Молодёжный сленг: опыт словаря. – М.: Из глубин, 1994. – 278 с.
36. *Никитина Т.Г.* Молодежный сленг: толковый словарь: более 12 000 слов; свыше 3 000 фразеологизмов. – М.: АСТ, 2003. – 912 с.
37. *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Большой русско-немецкий словарь жаргона и просторечий. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – 828 с.
38. *Плуцгер-Сарно А.* Большой словарь русского мата. – Т. 1. – СПб.: Лимбус-Пресс, 2001. – 392 с.
39. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Русское сквернословие: краткий, но выразительный словарь. – М.: Олма Медиа Групп, 2007. – 384 с.

40. *Квеселевич Д.И.* Толковый словарь ненормативной лексики русского языка: ок. 16 000 слов. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 1021 с.
41. *Химик В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.
42. *Никитина Т.Г.* Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. – 864 с.
43. *Ларин Б.А.* Западноевропейские элементы русского воровского арга // Язык и литература. – Т. 7. – Л., 1931. – С. 113–130.
44. *Бондалетов В.Д.* Иноязычная лексика в русских арга: учеб. пособие к спецкурсу. – Куйбышев, 1990. – 112 с.
45. *Грачев М.А.* Русское арга. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 1997. – 345 с.
46. *Грачев М., Мокиенко В.* Русский жаргон: историко-этимологический словарь / Программа «Словари XXI века». – М.: Аст-Пресс, 2008. – 336 с.
47. *Отин Е.* «Все менты – мои кенты...»: (Как образуются жаргонные слова и выражения). – М.: Элпис, 2006. – 384 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

УДК 811.161.1'28 (571.1)+ 81'374(571.1)

Н.А. Лукьянова

НОВОСИБИРСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

В статье представлены результаты лексикографической работы кафедр общего и русского языкознания и древних языков Новосибирского государственного университета и сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН за прошедшие 50 лет (60-е гг. XX в. – начало XXI в.). Освещаются некоторые теоретические концепции, на основе которых созданы диалектные словари, дается характеристика словарей с точки зрения их значимости как источников изучения материальной и духовной культуры русского населения Сибири.

Ключевые слова: русские говоры Сибири, диалектная основа сибирского говора, диалектоносители, смешанные говоры, диалектная лексикография Сибири, диалектный дифференциальный словарь, сводный словарь.

Новосибирскую школу русской лексикографии Сибири представляют научные сотрудники сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН, преподаватели, аспиранты и студенты кафедр общего и русского языкознания и древних языков Новосибирского государственного университета (далее – НГУ), в составлении словарей принимают участие бывшие аспиранты кафедры общего и русского языкознания, работающие на лингвистических кафедрах Новосибирского педагогического университета и Бурятского государственного университета. Новосибирская школа не представляет такого монолита, как, например, томская лексикографическая школа кафедры русского языка Томского государственного университета, ориентированная на решение единой масштабной задачи – создание системы диалектных словарей говоров одного типа (*монодиалектного*) и одного региона (*монорегионального*) – русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (среднеобских), включающего Томскую и частично Кемеровскую и Новосибирскую области. В новосибирской школе несколько направлений, главная ее задача – лексикографическое описание русских говоров отдельного села, отдельной области (преимущественно Новосибирской), отдельного региона, а также и

Сибири в целом, что и позволяет назвать их школой. Кроме общей задачи, есть и другие признаки, объединяющие эти направления в единую школу.

Новосибирский госуниверситет относительно молодой по сравнению с Томским и Иркутским, первыми университетами в Сибири. Он открылся в 1959 г., а кафедра общего языкознания начала свое существование в 1962 г. одновременно с организацией гуманитарного факультета. С 1994 г. существуют две кафедры: общего и русского языкознания и древних языков. Они разрабатывают общую тему – *семантика и системные отношения в словообразовании, лексике, фразеологии в синхронном и историческом аспектах на материале литературного языка и русских говоров Сибири*. По мере сбора материала и его изучения определилось и *лексикографическое направление*. Лексикографическое описание лексики и фразеологии в синхронном и историческом аспектах осуществляется совместно с научными сотрудниками сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН.

Диалектологические исследования в НГУ начались в 1963 г., когда была открыта аспирантура и появились первые аспиранты. Тогда же обсуждалась проблема, которую в будущем должен был разрабатывать сектор русистики Института филологии (в то время как такового сектора еще не было), – *русский язык в Сибири*, а это значит, что основное направление исследования должно было быть связано с изучением русских говоров Сибири – в далекой перспективе, а в ближайшей – изучение русских говоров Новосибирской области. Эта тема и была предложена мне. Мои первые публикации и кандидатская диссертация ограничивались изучением лексики говоров Новосибирской области, а впоследствии, когда к исследованию подключились мои аспиранты, мы привлекли к изучению лексики другие говоры Сибири, появились и обобщающие работы по отдельным проблемам, например по системным отношениям в лексике говоров Сибири, экспрессивной лексике и др.

Территория Новосибирской области (далее – НСО) не представляет единства в лингвогеографическом отношении. На ней функционируют генетически разнородные русские говоры позднего, вторичного, образования, сформировавшиеся в разные исторические периоды заселения, хозяйственного и культурного освоения русскими Сибири на диалектной (материнской) основе говоров европей-

ской части России или на базе конкретного говора-основы. По определению О.И. Блиновой, «диалектная основа вторичного говора – это совокупность структурных признаков (языковых единиц, явлений на уровне фонетики, морфологии, лексики, синтаксиса и т. д.) некоторого говора или группы говоров, характерных для данного вторичного говора» [1. С. 4]. На территории НСО функционируют:

- ♦ окающие старожильческие говоры, возникшие в первый период колонизации Сибири, в начале XVI – середине XVIII в., на диалектной основе севернорусских или среднерусских окающих говоров европейской части России;

- ♦ акающие южнорусские говоры новоселов, возникшие во второй период колонизации Сибири, в середине XVIII – начале XX в., как правило, на базе конкретного южнорусского говора-основы европейской части России (курского, орловского, рязанского, тамбовского и т.п.), а также украинского и белорусского языка;

- ♦ говоры старообрядцев, сосланных правительством в Сибирь из южных губерний России или пришедших сюда самостоятельно после раскола в Русской православной церкви в XVII в., – так называемые *кержаки*, *поляки* в Западной Сибири, *семейские* в Забайкалье;

- ♦ смешанные говоры, возникшие во второй период освоения Сибири, объединившие в своей структуре элементы общерусские, городского просторечия, севернорусских и южнорусских говоров.

В структуре говоров любой разновидности присутствуют заимствования из языков коренных народов Сибири, с которыми переселенцы из России находились в тесном контакте.

Объектом нашего изучения стали смешанные говоры, самые распространенные на территории НСО.

Сбор диалектного материала осуществляли студенты кафедры общего языкознания НГУ во время летних диалектологических экспедиций в районы НСО. Картотека словарных материалов формировалась в секторе русского языка в Сибири (он уже существовал как самостоятельная структура) Института филологии СО РАН, поскольку публикация словарей могла быть осуществлена в недрах Академии, так как полиграфическая база НГУ в то время была еще очень слабой. По существу, составлялись две словарные картотеки: одна – для словаря говоров НСО, вторая представляла собой выборку материалов из уже опубликованных сибирских диалектных словарей, т. е. общесибирскую, потому что в перспективе предполага-

лось создание сводного диалектного словаря всего сибирского региона, от Урала до Дальнего Востока включительно. Составителями картотеки говоров НСО были научные сотрудники Института филологии А.И. Федоров, Н.Т. Бухарева, Л.В. Петропавловская, А.И. Постнова, руководителем проекта – А.И. Федоров, известный в России фразеолог и лексикограф, получивший прекрасный лексикографический опыт в Ленинграде, будучи одним из составителей 17-томного академического «Словаря современного русского литературного языка» и «Словаря русских народных говоров», работая под руководством таких крупных ученых, как Л.В. Щерба, С.П. Обнорский, В.М. Жирмунский, В.В. Виноградов, С.И. Ожегов, Ф.П. Филин и др. Главным составителем и хранителем картотек была Наталья Тимофеевна Бухарева, отдавшая лексикографической работе в Ленинграде и Новосибирске всю свою жизнь. Экспедиционные материалы, собранные студентами и аспирантами НГУ, поступали в Институт филологии обработанными, проверенными, готовыми к включению в словарь – в виде карточек, на которых записывалась вся необходимая для словарной статьи информация: слово (вокабула), его грамматические особенности, толкование его значения (значений), иллюстрирующие значения контексты, эмоционально-оценочные и территориальные (район, село, область) пометы, фразеологические словосочетания, устойчивые словосочетания нефразеологического типа.

«Словарь русских говоров Новосибирской области» (далее – СРГНО) был опубликован в издательстве «Наука» в 1979 г. «В словаре помещена, истолкована и проиллюстрирована диалектная лексика и фразеология сибирских говоров смешанного типа. Словарь составлен на материалах, собранных во время диалектологических экспедиций 1964–1976 гг. в районы Новосибирской области» [2. Предисловие. С. 2]. В небольшом количестве в словник СРГНО была включена также диалектная лексика, выбранная из некоторых опубликованных источников, например: *Ядринцев Н.М.* Поездка по Западной Сибири и в Горно-Алтайский округ // Записки Зап.-Сиб. отделения ИРГО. Омск, 1880; *Филимонов Е.С.* Экономический быт государственных крестьян и инородцев Северо-Западной Барабы. СПб., 1892; *Воробьева И.А.* О названии лесов Западной Сибири (без вых. дан.); *Куликов А.* Перволедье. Новосибирск, 1973 и др.; Словарь русских народных говоров / под ред Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. М.; Л., 1965–1975. Вып. 1–10.

СРГНО представляет собой традиционный диалектный монорегиональный монодиалектный алфавитно-толковый словарь дифференциального типа. Он пополнил серию диалектных дифференциальных словарей, которые с середины 60-х гг. прошлого века стали активно издаваться в различных регионах Советского Союза, в том числе и в Сибири. Созданием таких словарей решалась масштабная проблема лексикографического описания диалектного лексического состава русских говоров, функционирующих на всей территории нашей страны, поставленная в середине 50-х гг. прошлого века в словарном секторе Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. Теоретическая концепция сводного, полидиалектного и полирегионального, словаря была разработана Ф.П. Филиным и изложена им в «Проекте Словаря русских народных говоров» [3]. Он явился теоретической базой для создания монорегиональных диалектных словарей, а эта работа была сосредоточена преимущественно на филологических кафедрах российских вузов и осуществлялась преподавателями, аспирантами и студентами.

СРГНО демонстрирует интеграционные процессы в сфере лексики и фразеологии, которые обусловили своеобразие лексической системы смешанных говоров на данной территории: богатство синонимических рядов, словообразовательных гнезд, экспрессивных слов, фразеологизмов; многочисленные видовые названия в границах единого тематического и лексико-семантического поля; сохранение номинаций, вышедших из употребления в литературном языке; многочисленные новообразования, заимствования из языков аборигенов. Как любой диалектный словарь, СРГНО является ценным источником для изучения концептов русской материальной и духовной культуры, ментальности русского народа, фрагментов исторического прошлого села, района, области, Сибири и России в целом.

В Институте филологии СО РАН подготовлен еще один диалектный словарь: монорегиональный монодиалектный толковый словарь дифференциального типа – «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» (СГСЗ) [4]. Во время составления словаря в коллектив его авторов входили: канд. филол. наук, доцент, ст. науч. сотр. сектора русского языка в Сибири Т.Б. Юмсунова (она же редактор словаря), аспиранты кафедр общего и русского языкознания и древних языков НГУ Н.А. Дарбанова, И.Ж. Степанова и М.Б. Матанцева (сейчас они канд. филол. наук, доценты Бурятского

госуниверситета), канд. филол. наук, доценты Бурятского госуниверситета А.П. Майоров, Е.И. Тынтуева, канд. филол. наук, науч. сотр. отдела языкознания монголоведения, тибетологии и буддологии Бурятского научного центра СО РАН О.М. Козина. Идейным вдохновителем коллектива, много сделавшим для организации работы над словарем и его издания, был чл.-корр. РАН, директор Института филологии СО РАН А.Б. Соктоев. СГСЗ является итогом многолетней (1977–1998 гг.) систематической экспедиционной работы в селах Забайкалья, с привлечением студентов Бурятского госуниверситета, и первым опытом дифференциального лексикографического описания лексики и фразеологии однородных говоров потомков русских старообрядцев, которые сохранили в неприкосновенности свою веру, свою речь (говор), обычаи, образ жизни, традиции, привычки.

Словарь представляет собой и первый опыт лексикографирования старообрядческих говоров Сибири. Историко-культурная и научная ценность СГСЗ заключается в том, что в нем нашли отражение уникальные и забытые древнейшие пласты русской лексики, а также результаты ее трансформации в процессе почти двухсотпятдесятилетнего междиалектного и межъязыкового контакта говоров семейских с русскими сибирскими старожильческими и бурятскими говорами на новой территории их функционирования. Словарные статьи разработаны по традиционной схеме алфавитно-толкового диалектного словаря. В приложении к СГСЗ даны этнографические зарисовки и фотоиллюстрации, запечатлевшие культурно-бытовые и культовые реалии забайкальских старообрядцев: фрагменты интерьера жилого помещения, предметы быта, одежды и ее детали, орудия труда, средства передвижения, предметы культа (коностасы, лестовка), а также фотографии самих семейских в традиционной одежде и украшениях. Как и материалы словаря, эта информация имеет большую научную ценность как источник сохранения и изучения этнокультурных ценностей русского народа.

В комплекс диалектных дифференциальных словарей новосибирской школы входят два фразеологических словаря: «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири» (СФ) [5], подготовленный А.И. Федоровым в соавторстве с Н.Т. Бухаревой и изданный под ред. Ф.П. Филина, и «Фразеологический словарь русских говоров Сибири» (ФСРГС) [6], составителями которого, кроме названных авторов, были также Л.Г. Панин

и Л.В. Петропавловская, редактором – А.И. Федоров, один из составителей первого «Фразеологического словаря русского языка» 1967 г. (переиздавался несколько раз), а также автор и редактор ряда фразеологических словарей русского литературного языка XVIII–XX вв., изданных позднее в Новосибирске и Москве. СФ был первым опытом диалектного фразеологического словаря дифференциального типа, созданного на ограниченном фактическом материале рукописных и печатных источников. По признаку охвата лексикографируемой территории оба словаря относятся к типу полирегионального полидиалектного (сводного), они фиксируют диалектные фразеологические единицы (далее – ФЕ) всех русских говоров Сибири и Дальнего Востока (насколько позволяет имеющийся у составителей материал), отличаясь друг от друга объемом словников: в первом из них – 4 тыс. единиц, во втором – 7 тыс. К *иным устойчивым словосочетаниям* авторы отнесли словосочетания нефразеологического типа: это в основном отдельные номенклатурно-терминологические номинации предметов, орудий труда и производственных процессов, народные названия растений, животных, болезней, временных отрезков.

Отбор единиц во ФСРГС был более строгим. В нем фиксировались только ФЕ, и это не случайно, так как к этому времени (конец 70-х – начало 80-х гг. прошлого века) успешно развивалась русская фразеология. Углубление теоретического осмысления природы и сущности ФЕ, границ и объема фразеологии, семантики и структуры ФЕ и других проблем способствовало более четкому определению фразеологизма в его противопоставлении устойчивым словосочетаниям нефразеологического типа и границ фразеологического корпуса словаря диалектоносителей. Принцип подачи ФЕ в ФСРГС – структурно-семантический, разработанный в свое время А.И. Молотковым и апробированный в «Фразеологическом словаре русского языка». ФЕ располагаются по алфавиту опорного (или главного) слова ФЕ. Это позволяет в одной словарной статье представить все ФЕ с таким компонентом и тем самым выделить группу близких по семантике и структуре ФЕ. Зафиксированные в словаре ФЕ отражают образное видение картины мира диалектоносителями, их эмоции, чувства, тонкое чутьё языка, народную мудрость, иронию, насмешку – всю гамму экспрессивных оттенков, которыми богата народная речь.

Важным событием не только сибирской, но и общероссийской диалектографии явилось издание пятитомного (в 6 книгах) «Словаря русских говоров Сибири» (СРГС), подготовленного в секторе русского языка в Сибири Института филологии СО РАН А.И. Федоровым и Н.Т. Бухаревой, изданного под ред. А.И. Федорова [7]. Основную часть словника словаря составили лексические и фразеологические материалы картотек «Словаря русских говоров Новосибирской области» и «Фразеологического словаря русских говоров Сибири». Эти картотечные материалы были дополнены выборками из выходящих в свет региональных словарей русских говоров Сибири. Материалы основной части словника СРГС дополнены материалами отдельных уже изданных к тому времени словарей говоров различных сибирских регионов. В их числе словари, изданные в Томском государственном университете: дифференциальный «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» под ред. В.В. Палагиной (1964–1967) и Дополнение к нему в 2 частях под ред. О.И. Блиновой и В.В. Палагиной (1975), «Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья», сост. О.И. Блинова, В.В. Палагина, С.В. Сыпченко, ред. В.В. Палагина (1977), «Полный словарь сибирского говора» (с. Вершинино Томского района Томской области) в 4 томах, гл. ред. О.И. Блинова (1992–1995); словари русских говоров Кузбасса (1976), южных и северных районов Красноярского края (1968 и 1992), «Иркутский областной словарь» в 3 выпусках под ред. Н.А. Бобрякова (1973–1979), словари Прибайкалья в 3 выпусках (1986–1988) и Забайкалья (авт.-сост. П.Е. Элиасов, 1980), «Словарь русских говоров Индигирки» (Якутия), авт.-сост. А.Г. Чикачев (1990), «Словарь русских говоров Среднего Урала», т. 1–7, ред. А.К. Матвеев и др. (1964–1988); диалектная лексика говоров Алтайского края представлена небольшим «Галицким словарем» В.И. Богданова (1982). Всего указано 14 таких источников во введении первого тома СРГС.

Авторы СРГС ограничили свою задачу включением в состав его словника современной диалектной лексики и фразеологии, начиная с 1964 г., времени первых диалектологических экспедиций в районы НСО. Поэтому в него не вошли богатейшие материалы, сосредоточенные в дореволюционных работах этнографов, историков, географов, экономистов, которые публиковались в изданиях Русского географического общества, журналах «Живая старина», «Библиотека

для чтения». Во многих из них в качестве приложений приведены списки (от десяти до нескольких сотен) местных, сибирских, слов, по мнению авторов, неизвестных на территории европейской части России. В СРГС не включены также материалы диалектных словарей: «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля (1863–1867), в котором отражено огромное количество слов, записанных в различных регионах Сибири, В.Г. Тана-Богораза «Областной словарь Колымского русского наречия» (1901).

СРГС относится к типам алфавитно-толкового (объяснительного), полирегионального и полидиалектного (сводного), дифференциального словаря. Словарная статья построена в соответствии с традиционными принципами лексикографического описания диалектного слова в сводных словарях. Подобные словари реально могут создаваться не более одного раза в столетие. XIX в. оставил нам два таких словаря: «Опыт областного великорусского наречия» под ред. И.И. Срезневского (1852) и «Дополнение» к нему (1858); к их числу можно отнести и словарь В. Даля, который, не являясь собственно диалектным, в огромнейшем количестве сохранил на века диалектные слова, фразеологизмы, устойчивые словосочетания народной номенклатуры, пословицы и поговорки с диалектными словами, записанные его автором в различных регионах России. XX в. ознаменовался грандиозным изданием «Словаря русских народных говоров» под ред. Ф.П. Филина, затем Ф.П. Сороколетова, которое началось в 1965 г., продолжается сейчас и будет продолжаться до тех пор, пока не иссякнут хранилища диалектной речи и словарные материалы словаря, сосредоточенные в огромнейшей картотеке словарного сектора Ленинградского отделения Института русского языка РАН. Работа рассчитана еще на многие годы. СРГС пока замыкает этот немногочисленный ряд сводных (полидиалектных) словарей. В отличие от остальных словарей этого типа, СРГС фиксирует диалектную лексику и фразеологию русских говоров не всей территории России, а только одну ее довольно обширную часть, на которой располагаются русские говоры позднего образования, разнотипные по своей структуре, сформировавшиеся в разное время на диалектных основах различных материнских говоров европейской части России, с включением большого количества заимствованных слов из языков аборигенов Сибири. Уникальность словарного состава русских говоров Сибири в полной мере демонстрирует СРГС.

Материалы СРГС дают возможность ставить и решать новые задачи, связанные с изучением лексики в аспектах традиционных (системно-семантическом, словообразовательном, мотивационном, этимологическом и др.) и новых, в частности когнитивном, ориентированном на изучение соотношения языка диалектоносителей и их мышления, языка и сознания, мироощущения, мировосприятия сибиряков, языковой личности диалектоносителя, лингвокультурологическом, направленном на выявление фрагментов материальной и духовной культуры сибирского населения в семантике диалектных лексических и фразеологических единиц, на установление когнитивных источников образных слов и т.д.

Дополняя диалектным материалом концептуальные исследования, проводимые сейчас на материале литературного языка (чаще всего на материале НКРЯ), можно строить многослойные, объемные структуры русских концептов, которые с полным правом можно определить как *русские национальные концепты*. В таких ментальных структурах будут «сочетаться» представления русских об определенном предмете, явлении действительности, не ограниченные какой-либо одной социальной средой или функциональным стилем: разговорно-литературным языком, просторечием, говором, диалектом, языком художественной литературы и т.д. Поэтому СРГС является бесценным источником данных о концептуальной картине мира русских. Любой диалектный словарь говоров Сибири, особенно сводный, является языковым памятником материальной и духовной культуры русского населения Сибири, источником, из которого лингвисты черпают информацию о простом русском человеке, человеке труда, его мироощущениях, миропонимании, его представлениях о нравственности, о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Сводные словари дают также богатейший материал для сопоставительных исследований лексики в разных аспектах.

В течение многих лет (60-е гг. XX – начало XXI в.) кафедра общего и русского языкознания НГУ ведет большую работу по сбору, изучению и лексикографическому описанию экспрессивной лексики разговорного употребления. Определение *разговорное употребление* мы относим к той части лексики (а также и фразеологии), которая функционирует в повседневно-бытовом общении носителей литературно-разговорной речи, в просторечии и говорах (общие признаки экспрессивных слов каждой из этих страт и признаки различия из-

ложены в статье [8. С. 5–6]). Главное место в этих исследованиях занимает диалектная лексика говоров Новосибирской области и в целом Сибири. На кафедре разработана концепция экспрессивности как функционально-семантической макрокатегории (родовой), объединяющей ряд микрокатегорий (видовых), в каждой из которых обобщается определенный компонент лексического значения реального экспрессивного слова (а также и фразеологизма): *эмотивность*, *эмотивная оценка*, *интенсивность* (представление о гиперболизированном признаке предмета, действия, состояния, другого признака), *образность*, в различных «сочетаниях» представленные в значениях реальных экспрессивных лексических единиц (далее – ЭЛЕ). Совокупности этих компонентов обуславливают экспрессивную (прагматическую) функцию ЭЛЕ. Эта функция не равна выразительной функции, как нередко она определяется лингвистами. Она комплексная, поэтому ее можно назвать макрофункцией. Она включает ряд взаимосвязанных микрофункций: эмотивную, эмотивно-оценочную, ассоциативно-образную, функцию поэтизации предмета речи, эстетическую, интенсификации, функции характеристики предмета речи и характеристики коммуникантов речевого акта и авторизации, выделительную, усилительно-выделительную, воздействия на адресата речи, побудительную, описательную, изобразительную, жанрообразующую, стилеобразующую, стилистическую (приемы, тропы и фигуры речи), интерпретационную (о функциях ЭЛЕ см. [9]). Определенный комплекс микрофункций реализуется в конкретных ситуациях общения, в большей или меньшей степени характерных для определенных социальных страт (литературно-разговорной, просторечия, говоров) и стилей (стиля художественной литературы, публицистического, рекламного и др.).

Толковые словари литературного языка и диалектные недостаточно полно и адекватно описывают ЭЛЕ, непоследовательно используют имеющуюся систему эмоционально-оценочных помет. Поэтому целесообразно рассматривать ЭЛЕ как специфический объект лексикографического описания, отличный от экспрессивно нейтральной лексической единицы.

На основании теоретической концепции экспрессивности как семантической и функциональной категории определены принципы лексикографического описания экспрессивных слов и составления словарей экспрессивной лексики, употребляющейся в речи носите-

лей литературно-разговорной и диалектной страт [10, 11]. Преподаватели, аспиранты и студенты кафедры общего и русского языкознания НГУ подготовили немало макетов и рукописей словарей экспрессивной лексики литературно-разговорного употребления (Т.И. Мироненко – 1979 г.; Т.А. Трипольская – 1984 г.; Л.Н. Реснянская – 1989 г.; Е.Ю. Булыгина – 1990 г.) и диалектных, описывающих ЭЛЕ всех частей речи, отдельной части речи, отдельного говора, говоров Новосибирской области, говоров Сибири в целом, от Урала до Дальнего Востока включительно. Назову диалектные словари в хронологической последовательности: «Словарь экспрессивно-выразительной глагольной лексики говоров Новосибирской области» Н.Б. Лаврентьевой (1980); «Словарь экспрессивных существительных со значением лица в говорах Новосибирской области» О.А. Сивко (1982) и «Словарь оценочных прилагательных в русских говорах Сибири» О.А. Новоселовой (Сивко) (1992); «Словарь глагольных повторов в говорах Новосибирской области» Н.Н. Доброправовой (1988); «Словарь экспрессивных существительных со значением лица в говорах Среднего Урала, Сибири и Дальнего Востока» Н.В. Лукашиной (1989); «Словарь экспрессивной лексики говоров Новосибирской области» Н.Б. Лаврентьевой, О.А. Новоселовой, Л.Н. Храмцовой (1998) [12]; «Словарь экспрессивных глаголов говора с. Камень-на-Оби Ордынского района Новосибирской области» М.Г. Куркиной (1992); «Словарь экспрессивных глаголов с архисемой 'работать / не работать' в говорах Урала, Сибири и Дальнего Востока» Л.Н. Храмцовой (1996); «Словарь экспрессивной лексики говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» Н.А. Дарбановой (1996). Каждый такой словарь имеет объем от 5 до 15–20 авторских листов. К сожалению, материалы словарей лишь частично опубликованы, например, в межвузовских сборниках научных трудов кафедры «Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах» [13, 14] и др., а в полном объеме существуют в рукописях, хранящихся на кафедре. В свое время они были представлены в качестве приложений к дипломным работам, рукописи которых хранятся на кафедре (Т.И. Мироненко, М.Г. Куркиной, Н.В. Лукашиной), и в основном к кандидатским диссертациям (остальных авторов). Единственный опубликованный словарь, разработанный на основе данной концепции, – Н.А. Дарбановой [15], описывающий экспрессивную лексику и фразеологию говоров старообрядцев (се-

мейских) Забайкалья. Он представляет собой дополненный вариант словаря-приложения к ее кандидатской диссертации (2000).

Этот перечень демонстрирует различные виды диалектных толковых словарей экспрессивной лексики: *монорегиональный* и *монодиалектный* – словарь ЭЛЕ одного говора (М.Г. Куркиной) и одного диалекта – говоров старожилов (семейских) Забайкалья (Н.А. Дарбановой), словари ЭЛЕ говоров Новосибирской области, смешанных по образованию с преобладанием севернорусских языковых особенностей (О.А. Сивко, Н.Н. Добронравовой и др.); *полирегиональный* и *полидиалектный (сводный)* (О.А. Новоселовой (1992), Н.В. Лукашиной, Л.Н. Храмцовой); *общие толковые словари*, описывающие ЭЛЕ всех частей речи, и *системные*, среди последних «частеречные» (условное название), интерпретирующие ЭЛЕ одной части речи в их парадигматических отношениях (глаголов, существительных, прилагательных), и *идеографические*, описывающие ЭЛЕ одной лексико-семантической группы. Так, в словаре Л.Н. Храмцовой дается описание одной лексико-семантической группы, в которой объединены ЭЛЕ двух оценочных полюсов: с положительной эмотивной оценкой ‘работать хорошо (добросовестно, умело, в полную силу, с азартом)’ и негативной эмотивной оценкой ‘работать плохо (недобросовестно, отлынивать от работы, не желая работать, празднично проводить время, бесцельно слоняться без дела)’; в таких образных характеристиках людей, их поведения, поступков воплощаются представления носителей говоров о традициях труда, социальных нормах, стереотипах поведения, о нарушении этих норм, о том, «что такое хорошо и что такое плохо»; выделяются междиалектные синонимы в границах говоров Сибири в целом (насколько позволяет имеющийся в распоряжении автора материал). Такой словарь относится к разновидности *системных идеографических словарей*.

На кафедре общего и русского языкознания разработана также концепция еще одного диалектного системного словаря – «Словаря синонимов говоров Новосибирской области». Первый вариант такого словаря, включающего 250 синонимических рядов, был представлен в качестве отдельного приложения (объемом 110 страниц текста) в моей кандидатской диссертации «Системные отношения в лексике говоров Сузунского и Ордынского районов Новосибирской области» (Новосибирск, 1966). По мере накопления материала я не раз возвращалась к этому словарю в течение 70–90-х гг. прошлого века,

дополняла его новыми синонимическими рядами (далее – СР), новыми контекстами, иллюстрирующими синонимию слов, а в 2004 г. опубликовала проект словаря и отдельные словарные статьи [16]. К этому времени уже были опубликованы три выпуска «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» (далее – НОССРЯ) под рук. и ред. Ю.Д. Апресяна [17], демонстрирующих высочайший уровень современной системной (аспектной) практической лексикографии. В них дается многоаспектное, глубокое, детальное научное описание, или, по А.К. Жолковскому и Ю.Д. Апресяну, «портретирование» слова, входящего в СР. Лексикографический «портрет» лексики – ее словарная статья, выполненная в рамках единого, интегрального, описания языка. В НОССРЯ последовательно описываются семантические, референционные, прагматические, коннотативные, коммуникативные, синтаксические, сочетаемостные, морфологические и просодические сходства и различия между синонимами, а также условия нейтрализации этих различий, кроме того, приводятся единицы, с которыми данное слово связано парадигматическими отношениями: фразеологизмы, аналоги, точные и неточные конверсивы, антонимы, словообразовательные дериваты; приведены многочисленные контексты, иллюстрирующие самые тонкие семантические и стилистические различия между членами СР.

Разумеется, описать синонимические ряды диалектного дискурса с таким же размахом, как это сделано в НОССРЯ, невозможно по разным причинам, в первую очередь у составителя словаря отсутствует доступ к источнику материала – актуальной речи носителей говоров – при необходимости проверить имеющиеся у диалектолога языковые факты, дополнить иллюстративный материал и т. д.

В моем проекте была сделана попытка разноаспектной интерпретации СР, зарегистрированных в диалектном дискурсе: семантической (денотативной и коннотативной), функциональной, парадигматической, этимологической, территориальной, культурологической. Соответствующий иллюстративный материал (высказывания) отражает фрагменты наивной картины мира диалектоносителей, представителей традиционной деревенской культуры, аналогично тому, как зафиксированный в лингвистических словарях разных типов, видов и разновидностей материал литературного языка отражает фрагменты наивной картины мира его носителей, представителей городской культуры.

Проект «Словаря синонимов говоров Новосибирской области» включает теоретические положения о синонимии применительно к диалектной лексической системе и разработку (макет) словарной статьи синонимического ряда. К теоретическим положениям относятся: определения синонимии, синонимов, синонимического ряда, доминанты синонимического ряда и критерии ее выделения; характеристика членов СР с точки зрения их отношения к социальным стратам русского языка (объединение в составе одного ряда двух или более слов общерусских, общерусского и просторечного, общерусского и диалектного, двух или более диалектных слов, диалектного и просторечного слов, диалектного, общерусского и профессионального слов и т. п.), в аспекте их активности / пассивности в речи современных носителей говоров НСО; описание социально-исторических и собственно лингвистических факторов, обуславливающих широкую синонимию в диалектной системе. Авторский текст-интерпретацию различных свойств членов конкретного СР я называю *объяснительным текстом*. В структуре словарной статьи выделен ряд зон, в каждой из которых описывается определенное свойство членов СР. В полной словарной статье можно выделить не менее 13 зон.

В комплекс диалектных словарей Сибири, подготовленных в секторе русского языка в Сибири Института филологии СО РАН, входят исторический и этимологические словари.

В небогатой по количеству изданных словарей исторической лексикографии Сибири в целом достойное место занимает «Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.» (СРНДРС), составленный Л.Г. Паниным [18] по материалам деловой письменности Сибири того времени. Это первый опыт сводного лексикографического описания лексики русских говоров Сибири в начальный период их формирования и функционирования. Это труд обобщающего характера: в нем описываются лексические и фразеологические единицы русской народно-разговорной речи того времени, собранные автором из многочисленных источников – опубликованных (словарей и материалов к словарям, памятников сибирской письменности, монографий, научных исследований и т.д.) и неопубликованных (архивных).

Словник СРНДРС и иллюстрирующие вокабулы контексты отражают живую стихию народно-диалектной речи той эпохи, они да-

ют возможность исследователям воссоздать более или менее объективную картину лексической системы русского языка в Сибири XVII – первой половины XVIII в., а также фрагменты концептуальной картины мира сибиряков того времени. Словарь демонстрирует довольно широкий диапазон тематического (понятийного) разнообразия лексики: мир природы, концептуальные сферы «человек (внешние и внутренние характеристики), отношения между людьми», «семья, родственные отношения», «аборигены Сибири», «средства передвижения», «быт», «обычай», «производство, занятия людей», «война», «защита сибирских границ», «пространство», «время» и др. Словарь является ценным источником изучения истории края, истории формирования словарного состава современных русских говоров Сибири. Последние унаследовали из языка XVII–XVIII вв., а через него и более ранних эпох и сохранили в своем активном или пассивном запасе огромный массив слов, вышедших впоследствии из общерусского речевого обихода. Многие из зафиксированных в СРНДПС номинаций имеют общесибирский (шире – общерусский) ареал в современных говорах. Словарь содержит большое количество экспрессивных номинаций. В языковой картине мира наших предков экспрессивные номинации, антропоцентрические по своей семантике, служили средством образного обозначения и выражения негативной оценки таких качеств человека, как непостоянство, хитрость, коварство, плутовство, лукавство, ложь, обман (*перелестивый* и *перепадчивый*, *лукавство*, *плутовство*, *наговорить напрасну*, *взлыгаться* и *влыгаться*, *затевать ложные заводы*), нечестность, воровство, грабеж, взяточничество (*корыстоваться*, *грабежом грабить*, *наглоимец*, *посул* ‘взятка’), лень (*огурник* ‘уклоняющийся от работы’, *огуряться*), пристрастие к спиртному (*питух*, *бражник*, *бражничать*, *охлестывать*) и др.

Материалы СРНДПС позволяют воссоздать образ сибиряка эпохи формирования русского устного языка (русских говоров) в Сибири в XVII – первой половине XVIII в., его ментальность, нравственные устои и заповеди. Главными человеческими ценностями, которым следовал русский человек, были труд, прочность семейного уклада, продолжение рода (*обкорениться*, *построиться дворами*, *завестись лошадьми* и *рогатым скотом*, *пораспространить пашню*), родственные узы (*род*, *племя*, *род-племя*, *племенство*, *родимцы*, *сродники*, *сродичи*), соборность, взаимопомощь и дружественные

отношения (*соопча, а не порозну, вскопе, всем скопом, соединачить-ся, братья, товарищи, подмога, помочь, пособь, помогательство, пособлять*), а *одинакий человек, бездетный* 'не имеющий семьи' считался *сиротой, убогим, увечным*, к землепашеству не пригодным (*Одинакому человеку в пашне быть нельзя*). Важными нравственными ориентирами жизни наших предков были честность, постоянство: живи не во лжи, не воруи, не бери взятку, веди достойный образ жизни, не прелюбодействуй, не потакай плохому. Государственный крестьянин четко осознавал социально-иерархические отношения современного ему общества: он был *подданцем* государя, его *холопом*, поэтому мерилом его жизни было выполнять исправно все повинности, платить вовремя *подать*, оброк (это была обязанность государственных пашенных крестьян), служить верно государю, защищать от неприятелей свой «малый дом» – *острог, слободу*, город и «большой дом» – государя, отечество (это была обязанность *служилых людей*). Репрезентанты концептов «война» и «защита» (отдельные слова, устойчивые словосочетания, контексты) довольно многочисленны и частотны в материалах СРНДРС: *теснота* 'притеснение, угнетение' (которое испытывали русские люди от кочевников), *война, быть войною* 'совершать нападения', *итить войною, воинские люди, служилые люди, государевы ратные люди, оборечь* 'оберечь', *оборонить, оборонять, оборониться, оборонь* 'защита', *неприятели*, посягавшие на независимость русских в Сибири, – *калмыцкие люди, киргисские люди, монгольские люди, татарские люди, поганые* и т. д. В войнах с кочевыми сибирскими племенами вырабатывался, закалялся стойкий, мужественный характер сибиряков, о которых даже неприятели говорили, что русские – *крепкие люди*. Эти черты демонстрируют проявление русского национального характера.

Создание этимологических словарей – одно из приоритетных направлений диалектной лексикографии в Институте филологии СО РАН. Эта сфера многолетней научной деятельности зав. сектором русского языка в Сибири, доктора филологических наук, чл.-корр. РАН А.Е. Аникина. В последнее десятилетие А.Е. Аникин стал одним из ведущих этимологов современности. Он автор нескольких этимологических словарей [19, 20, 21, 22, 23]. Все они получили заслуженное признание специалистов самого высокого уровня. Они существенно обогатили наши знания об этимологии диалектных

слов говоров Сибири и других языков, о взаимоотношениях русского языка с языками аборигенов Сибири.

Значительная часть исследуемого в диалектных этимологических словарях А.Е. Аникина материала не попала ранее в поле зрения отечественных и зарубежных этимологов. Основная цель этих словарей состоит в том, чтобы по возможности дать более полное описание заимствованного фонда преимущественно апеллятивной лексики старожильческих говоров Сибири, носителями которых были или являются потомки русских первопроходцев или первопоселенцев Сибири. Территориальный охват говоров огромный – от Зауралья до берегов Тихого океана и, соответственно этому, огромный охват языков, из которых были заимствованы слова в русско-сибирские говоры, как сибирских (селькупский, кетский, эвенкийский, эвенский, нанайский, юкагирский, чукотский, корякский, ительменский, а также хакасский, якутский, тувинский, алтайский, бурятский, монгольский, ненецкий, хантыйский, мансийский), так и несибирских – уральских и алтайских, из которых были заимствованы слова в говоры, локализованные к западу от Сибири, и затем были перенесены предками сибирских старожилков на восток, – из прибалтийско-финских, саамского, пермских, татарского, турецкого, крымско-татарского и других языков. Таким образом, заимствования представляют два слоя: собственно сибирский и досибирский. Этимологические словари А.Е. Аникина демонстрируют масштабы влияния лексики аборигенных языков Сибири на лексическую систему русско-сибирских говоров. В своих этимологических исследованиях А.Е. Аникин использует широкий круг отечественных и зарубежных источников (различных словарей и исследований). Их перечень занимает почти 30 страниц.

Этимологические словари А.Е. Аникина написаны в лучших традициях русской этимологии, а сам он достойно продолжает дело своего учителя О.Н. Трубачева.

Итак, за 50 лет новосибирские лингвисты Института филологии СО РАН и лингвистических кафедр НГУ внесли немалый вклад в теорию и практику не только русско-сибирской диалектографии, но и российской диалектной лексикографии в целом. В теоретическом плане – разработаны общая типология диалектных словарей [24], концепции толковых монорегиональных и монодиалектных общих словарей и системного словаря синонимов, полирегионального и

полидиалектного (сводного) толково-исторического словаря, диалектных этимологических словарей. Кроме того, разработана концепция экспрессивности как функционально-семантической категории [25], на основании которой обоснованы принципы лексикографического описания экспрессивной лексики, концепции монорегионального и монодиалектного словаря на материале говора одного села, одного диалекта, группы генетических родственных говоров и полирегионального и полидиалектного словаря экспрессивной лексики говоров Сибири в целом. В практическом плане – изданы общие толковые монорегиональные и монодиалектные словари дифференциального типа русских говоров Новосибирской области и говоров забайкальских старообрядцев (семейских) и идеографический словарь экспрессивной лексики говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Впервые в российской лексикографической практике опубликованы два сводных дифференциальных фразеологических словаря – «Фразеологические и иные устойчивые словосочетания русских говоров Сибири» и «Фразеологический словарь русских говоров Сибири». Впервые изданы пятитомный дифференциальный «Словарь русских говоров Сибири» – второй после «Словаря русских народных говоров» сводный словарь, созданный в XX – начале XXI в., и сводный толково-исторический «Словарь русской народнодиалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.». Особое место не только в общей сибирской диалектографии, но и в российской диалектной и исторической лексикографии занимают этимологические словари, созданные А.Е. Аникиным на огромной языковой базе, включающей все русские говоры Сибири, Урала, Дальнего Востока, все языки аборигенов, с которыми находились и сейчас находятся в контакте сибирские диалектоносители. В арсенал диалектных словарей, разработанных новосибирскими лингвистами, входят не только опубликованные, но и рукописные словари и макеты словарей, например словарей экспрессивной лексики, макет «Словаря синонимов говоров Новосибирской области» и др.

Литература

1. Блинова О.И. О диалектной основе говоров Среднего Приобья: (К вопросу об одном лингвистическом термине) // *Вопр. сиб. диалектологии*. – Омск, 1975. – Вып. 1. – С. 3–5.

2. *Словарь русских говоров Новосибирской области* / под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 1979. – 605 с.
3. *Филин Ф.П.* Проект «Словаря русских народных говоров». – М.: Наука, 1961. – 198 с.
4. *Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья* / под ред. Т.Б. Юмсуновой. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, Научно-издательский центр ОИГГМ, 1999. – 540 с.
5. *Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири* / сост. Н.Т. Бухарева, А.И. Федоров; под ред. Ф.П. Филина. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1972. – 207 с.
6. *Фразеологический словарь русских говоров Сибири* / отв. ред. А.И. Федоров. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. – 232 с.
7. *Словарь русских говоров Сибири: в 5 т., 6 кн.* / под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 1999–2006. – Т. 1–5.
8. *Лукьянова Н.А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления в парадигмах современной русистики // *Acta philologica: Рассуждения о языке и тексте: межвуз. сб. науч. тр.* – Новосибирск, 2008. – С. 5–33.
9. *Лукьянова Н.А.* Функции экспрессивных лексических единиц // *Труды по когнитивной лингвистике: сб. науч. ст.* / под ред. М.В. Пименовой. – Кемерово, 2008. – С. 55–66.
10. *Лукьянова Н.А.* Словарь экспрессивной лексики говоров Новосибирской области (принципы составления словаря) // *Лексика и фразеология языков народов Сибири: сб. науч. тр.* – Новосибирск, 1984. – С. 48–58.
11. *Лукьянова Н.А., Трипольская Т.А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления как специфический объект лексикологии и лексикографии // *Экспрессивность на разных уровнях языка: межвуз. сб. науч. тр.* – Новосибирск, 1984. – С. 114–130.
12. *Лаврентьева Н.Б., Новоселова О.А., Храмунова Л.Н.* Материалы к словарю экспрессивной лексики говоров Новосибирской области // *Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах: межвуз. сб. науч. тр.* / под ред. Н.А. Лукьяновой. – Новосибирск, 1998. – Вып. 2. – С. 119–137.
13. *Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах: межвуз. сб. науч. тр.* / под ред. Н.А. Лукьяновой. – Новосибирск, 1996. – Вып. 1. – 167 с.
14. *Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах: межвуз. сб. науч. тр.* / под ред. Н.А. Лукьяновой. – Новосибирск, 1998. – Вып. 2. – 166 с.
15. *Дарбанова Н.А.* Лексикографическое описание экспрессивной лексики говоров старообрядцев Забайкалья: словарь / под ред. Н.А. Лукьяновой. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. – 223 с.
16. *Лукьянова Н.А.* Материалы к «Словарию синонимов говоров Новосибирской области» // *Téxun grammatiké (Искусство грамматики)* / межвуз. сб. науч. тр., посвящ. 90-летию д-ра филол. наук проф. Новосибир. гос. ун-та К.А. Тимофеева. – Новосибирск, 2004. – С. 261–311.
17. *Апресян Ю.Д.* и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон и др.; под общ. рук. и ред. Ю.Д. Апресяна. – Вып. 1. М., 1997; 2-е изд. – М., 1999; Вып. 2. – М., 2000; Вып. 3. – М., 2003.

18. *Словарь* русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / сост. Л.Г. Панин; под ред. В.В. Палагиной, К.А. Тимофеева. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 181 с.
19. *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – 2-е изд., доп. – Москва; Новосибирск: Наука, 2000. – 772 с.
20. *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. – Новосибирск: Наука, 2003. – 788 с.
21. *Аникин А.Е.* Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке. – Новосибирск: Наука, 2005. – 396 с.
22. *Аникин А.Е., Хелимский Е.А.* Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 256 с.
23. *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. – М., 2007–2011. – Вып. 1–5.
24. *Лукьянова Н.А.* Современная диалектная лексикография Урала, Сибири и Дальнего Востока: типология и краткая характеристика словарей // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 1998. – Вып. 2. – С. 49–94.
25. *Лукьянова Н.А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики / под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. – 230 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВЛАВАЦКАЯ Марина Витальевна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Новосибирского государственного технического университета.

E-mail: vlavatskaya@list.ru

ГАЛУЗА Ольга Юрьевна – канд. филол. наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Благовещенского государственного педагогического университета.

E-mail: vladimirgaluza@rambler.ru

ГОЛЕВ Николай Данилович – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Кемеровского государственного университета.

E-mail: ngolevd@mail.ru / ngolevd@yandex.ru

ИВАНЦОВА Екатерина Вадимовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: ekivancova@yandex.ru

ЛУКЪЯНОВА Нина Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета.

E-mail: lukjanova@bk.ru

МОКИЕНКО Валерий Михайлович – д-р филол. наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского университета.

E-mail: mokienco40@mail.ru

НЕФЕДОВА Елена Алексеевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: eanefedova@gmail.com

САМОТИК Людмила Григорьевна – канд. филол. наук, профессор кафедры общего языкознания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева.

E-mail: samotiklg@mail.ru

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH

THEORY OF LEXICOGRAPHY

P. 5. *Ivantsova Yekaterina V.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). LEXICOGRAPHICAL REPRESENTATION OF AN INDIVIDUAL'S SPEECH: TYPE OF DICTIONARY AND ITS USE IN DICTIONARY PRACTICE. The rapid development of dictionary compiling and the increase of lexicographical sources reflecting speeches of certain individuals raises the issue of naming this type of dictionaries, its essential features, and place in the typology of dictionaries and other similar works.

The most suitable name for the given dictionary type may be the "idiolect dictionary": it has the broadest semantics; it satisfies the requirements for the term of brevity and consistency; it has a transparent inner form; it has long been used when classifying dialect dictionaries; recently it has entered the general typology of the Russian linguistic dictionaries. The sub-types of the idiolect dictionary are author's dictionaries (those representing the written speech of certain artists), writer's language dictionaries (a kind of author's dictionaries), and dictionaries of common speakers.

The main typological feature distinguishing the idiolect dictionary from other types is the object of description — the speech of a certain individual.

The features of idiolect dictionaries result from such parameters as the object and the subject of lexicographical description, as well as the scope of individual discourse analysis.

By the parameter of the object of description all idiolect dictionaries represent the microsystem of individual speech, not the common language system. The possible types depend on the object of lexicographical description, which simultaneously is the speech producer. So far the dictionaries based on artists' speech (mostly writers, sometimes politicians and scholars) prevail. The number of dialect speaker dictionaries increases. There are dictionaries of language personalities of the past and of the present.

By the scope of individual discourse analysis there are complete dictionaries describing all kinds of individual's speech, and incomplete — describing particular speech types and / or genres. Most of the existing dictionaries analyse the written literary speech of a particular person (the whole or parts of it); still, there are dictionaries of oral speech in its dialect form.

The subjects of description can be diverse: there are general and aspect explanatory, figurative means, author's neologisms and idioms, frequency, ideographic, and other dictionaries.

Classification of idiolect dictionaries according to other criteria (units of description, their arrangement, material selection, number of languages, target reader, etc.) is similar to the general typology of linguistic dictionaries. Further development of this field is in compiling new idiolect dictionaries, and creating their new types.

Keywords: dictionary typology, idiolect dictionary, author's dictionary, writer's language dictionary, language personality, idiolect.

P. 19. *Samotik Ludmila G.*, V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia). **DICTIONARIES OF EXTRALITERARY VOCABULARY AS A TYPE OF AUTHOR'S DICTIONARIES (PROBLEMS AND SOLUTIONS)**. In the paper the task of creating a dictionary of extraliterary vocabulary used in literary texts to create an image of a foreign speech environment is solved. The objects are translated texts, works of the Russian national literature and Russian authors that reflect the life of the peoples of Russia. The author proves that such dictionaries can be classified as the author's ones. Their basic units are exoticisms, barbarisms, natiolectisms, dialectisms, and historicisms functioning as exoticisms. Dictionaries of extraliterary vocabulary can be based on the examples of various kinds of texts and individually author's. In the preparation of the former the representativeness of the corpus of the selected texts is essential. This new project is defined as "Materials for the Dictionary", since the author doubts the right to consider the proposed corpus a sufficient and closed structure.

This paper only discusses some aspects of the dictionary: introduction, classification and properties of the material at the whole text level. The author singles out such things as the instability of the graphic image of the word – exoticism in fiction, the variability of the nominations of similar phenomena, which is connected with the representation of words in the dictionary. The solution of the problem is to give all the options as headwords of dictionary reference entries, the main entry should describe the most common word. Another problem of introducing words in the dictionary is that the authors use the so-called "spelling archaisms" (authentic and pseudo-units); they are stylistically marked and have a separate entry. In the work these phenomena are associated with the law of complicated reading by Yakubinsky and Shklovsky and defamiliarisation (V.B. Shklovsky).

Classification concerns the problem of texts. The author considers the possibility of giving lacunarity in the text as a means of expressiveness and allusion. "In function" mark is of particular importance for it denotes cases of using Russian dialectisms and historicisms in the function of exoticisms. Also the dictionary should mark cases of in-text opposition of exoticisms denoting similar phenomena in the culture of different peoples that are significant for the idea, pathos, and motives of the text.

Keywords: differential dictionary, image of foreign speech environment, zones of entry, cross-cultural communication, extraliterary vocabulary.

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

P. 32. *Vlavatskaya Marina V.*, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia). **"USER'S NEEDS" AS A REQUIREMENT TO COMPILING THE ENGLISH-RUSSIAN COMBINATORY DICTIONARY FOR LEARNERS**. In the paper "user's needs" are considered separately to each component of the English-Russian Combinatory Learner's Dictionary of an active type: firstly, to the bilingual dictionary, secondly, to the combinatory dictionary, and, thirdly, to the bilingual combinatory dictionary for the learner. The entries are worked out according to the requirements for compiling a dictionary of this type. In the recent decades the dictionary branch often employs the term "user's needs". "User's needs" is the information about a language unit (linguistic and extralinguistic), which the user of the reference book must learn. They are a means of compiling

any dictionary and their implementation is the primary task of the lexicographer. From numerous user's needs of particular relevance are those possessing a certain methodological value. At the same time a set of user's needs is a tool of a learner's dictionary defining its composition, the choice of interpretation of language units, guidelines for working with the dictionary, and its use in the educational process. In this regard for compiling the English-Russian combinatory learner's dictionary it is necessary for the lexicographer to find out the user's needs in this dictionary as a semi-bilingual dictionary; a learner's combinatory dictionary; and a semi-bilingual learner's combinatory dictionary. In the offered English-Russian combinatory learner's dictionary there is an attempt of scientifically reasonable description of English and Russian collocations according to the modern collocation doctrine, the educational lexicography concept, and the methodological demand of the choice of the dictionary's megastructure (composition), macrostructure (list of words), and microstructure (entry). Thus, user's needs define the content of any learner's dictionary in general and semi-bilingual combinatory learner's dictionary in particular. The needs of users stated in this paper serve as the instructions to the lexicographer for a reasonable description of collocations in the semi-bilingual combinatory learner's dictionary, to which an adequate lexicographical reaction has to be presented. The account of all "user's needs" for this type of the dictionary has allowed us to work out an original model of the English-Russian combinatory learner's dictionary of an active type.

Keywords: user's needs, classroom bilingualism, collocability, combinatory dictionary.

P. 41. *Galuzha Olga Yu.*, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk, Russia). DIALECT LEXICOGRAPHY OF THE AMUR REGION: FORMATION AND PRESENT CONDITION. The paper deals with the stages of study of the Amur dialects: 1) the first decade of the 20th century; 2) 1926-1934; 3) the 1960s – present.

The data about Amur dialects referring to the first half of the 20th century were presented occasionally. Professor Georgievsky from the Far Eastern University was the first to make an attempt of detailed scientific research of Amur dialects in his paper "The Russians in the Far East. Amur dialects" (Vladivostok, 1930).

Dialect research conducted by Khabarovsk and Blagoveshchensk Pedagogical Universities receives particular attention. The emphasis is on the latest period, which brought systematic and planned collection of lexical data, and, as a result of this work, the Dictionary of Amur Russian Dialects was compiled. "Nauka" ("Science") Publishing House published this dictionary in 1983. It included 7000 items and became the first significant lexicographical work. The dialect lexicon and phraseology of the Amur dialect group are presented in the dictionary. The main dialect representatives are descendants of the first Amur migrants from Transbaikalia, the majority of which were Trans-Baikal Cossacks. The dictionary data were collected during dialectology expeditions (1964-1981) to the Amur Region and Khabarovsk Krai villages situated in the upstream and middle course of the Amur River. These are mainly former Cossack villages; and northern Russian features dominate in their dialects.

The dictionary was republished in Blagoveshchensk in 2007. The latest version, corrected and supplemented, gives a more detailed description of the sociocultural peculiarities of the Far East people's life and the ethnic-cultural aspect of lexeme

assessment. This dictionary includes 11000 items. Some of the entries are supplemented with examples, some lexeme meanings and their extension limits are specified. The territory of the language study is expanded.

This dictionary became the base for other dialect dictionaries and mass lexicographic research of Amur dialects.

The Albazin Dictionary, compiled by Olga Galuza (Blagoveshchensk, 2010), includes lexicon and phraseology of the dialect of two former Cossack villages – Albazino and Jalinda. This dialect preserved the main features and colour of the Amur Cossack dialect. This dictionary contains language data, typical for one language microsystem, reflecting main social life spheres, peculiarities of Cossack life and traditions. System relations of lexemes (different types of word form modifications in particular) are presented in the dictionary.

Aspect and topical dictionaries receive particular attention in present lexicography, for example, the Phraseological Dictionary of the Amur Russian Dialects (Blagoveshchensk, 2009), the Amur Hunters and Fishermen Dictionary (Blagoveshchensk, 2009), compiled by Lidia Kirpikova and Nina Shenkevets.

The Phraseological Dictionary includes phraseology of the Amur Russian dialects, reflecting significant components of language mentality of the Amur village people in idioms.

The Amur Hunters and Fishermen Dictionary includes dialect words for ancient people's crafts. Words are united thematically there: 1) connected with hunting; 2) connected with fishing. The study of this lexicon is urgent, because it reflects essential aspects of human activity, emphasizes the unity with nature and peculiarities of world perception.

These dictionaries are not only scientifically important, but they are the basis for the study of regional ethnography in schools and universities, too. Unfortunately, they are not always available for teachers and students, therefore the School Phraseological Amur Russian Dialects Dictionary is being compiled now.

Keywords: dialects, lexicography, dialect dictionary, lexeme, language system, microsystem.

P. 48. *Golev Nikolai D.*, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). THE DICTIONARY OF THE COMMON INTERPRETATION OF RUSSIAN WORDS: THE CONCEPTION AND THE EXPERIENCE OF ITS IMPLEMENTING. The paper introduces a new form of explanatory dictionaries and its specific embodiment "The Dictionary of the Common Interpretation of Russian Words", the first volume of which was published by the Publishing House of Kemerovo State University, the story of its creation, theoretical and lexicographical conception and the principles its implementation. The dictionary summarizes the results of the mass experiment, which involved ordinary native speakers who were to solve the task of the representation of the Russian bionyms semantics (such as bison, flea, bean, beaver, beaver-cub, greyhound). It is a multi-faceted dictionary, which reflects the different layers of the word semantics which can appear in different communicative situations.

The dictionary actualises two types of semantics (lexical and motivational) and three forms of its representation (definitional, associative and nominative-associative). Thus, the dictionary entry has six parts. The stimulus words were selected by the solid sampling from the Dictionary of the Russian Language by S.I. Ozhegov. Their total number was 980.

About four thousand tessees of different social groups and ages took part in the experiment. Each participant received a questionnaire with the stimulus words, and was to fill it by answering six questions within 10-15 minutes. The dictionary entry, which contains the informants' replies, has the head stimulus word followed by the responses arranged in the order of their use frequency decreasing. The paper describes the technical parameters of the dictionary (principles of material collection, methods of its processing, the structure of the dictionary entry), it also contains a sample of a dictionary entry "Blackberry".

The paper describes the conceptual features of the Dictionary of the Common Interpretation of Russian Words. Its purpose is to describe the communicative and cognitive experience of ordinary native speakers of Russian and the experience of metalinguistic reflections related to the explication of the ordinary native speakers in the form of naive lexicography. The dictionary answers the question about the kind of information a Russian word contains, the type of content associated with it for the ordinary native speakers of Russian. It makes it possible to look into the communicative memory of Russian speakers and answers the question about the real psychological meaning of the word, which is to some extent countered by its normative value.

The dictionary has a linguistic and cultural character, as mass reactions reflect national and other group peculiar features of language community culture. The concluding part of the paper contains the program of the dictionary use in research practices and outlines the prospects of such type of dictionaries development.

Keywords: dictionary, lexicography, Russian nature vocabulary, bionyms, common meaning of word, motivational meaning, semantics representation, common lexicography, definition, association.

P. 65. *Nefedova Yelena A.*, Moscow State University (Moscow, Russia). ARKHANGELSK REGIONAL DICTIONARY: TRADITIONS AND INNOVATION. "Arkhangelsk Regional Dictionary" is among the principal subjects of the studies of the Department of the Russian Language of the Philology Faculty, MSU. So far, 14 issues of Arkhangelsk Regional Dictionary were published, letters 'A' to 'Ж'. The total volume of publication is over 300 quires. The first 12 issues were edited by O.G. Getsova, issues No. 13-14 were edited by O.G. Getsova and Ye.A. Nefedova. The Card Index (including the electronic version) totals to about 6 million items. Its glossary contains over 180 thousand words. The difference from the neutral words of the literary language is the criterion for selection of lexis for the Dictionary. Along with the dialects, the dictionary describes colloquial and vernacular vocabulary, outdated in the literary language and not having stylistic colouring in the dialects. Any difference between the word of a dialect and the literary word (excluding regular phonetic and grammatical differences) is the reason for inclusion in the Dictionary of free and semi-free combinations of words, as full as possible. This is supported by sufficient illustrative material – usually eight to twenty or more examples for each meaning. This material does not only demonstrate connotations, but also reveals the factual and cultural information about the reality behind the word. A Dictionary entry contains information about synonymy and variance of the word. A full range of synonyms and variants is given with a dominant word, marked by 'Cп' ('Sr', compare). All other synonyms refer to the dominant with the mark 'То же, что' ('To zhe, chto', same as). Issue No. 14 of the Dictionary introduces the marks 'С синон.' ('S synon.', with synonym) and 'С антон.' ('S anton.', with antonym), which represent functioning of synonyms and antonyms in a single statement. Geographical marks indicate the nature of the territorial

spread of a word. Arkhangelsk Regional Dictionary pays particular attention to the all-Russian word in the totality of its meanings, including the meanings that coincide with the literary language. All-Russian words have the most advanced semantic structure in comparison with dialects. Dialects better preserve the archaic meanings of a word already lost in the literary language, and more freely disclose its semantic potency in derivatives that do not exist in literary language. Meanings, common to the literary language, usually show differences in lexical and semantic compatibility in dialects. Lexicographical description of the all-Russian words in their full semantics volume approximate Arkhangelsk Regional Dictionary to the dictionaries of general type.

Keywords: dialectal dictionary, all-Russian word, compatibility.

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

P. 76. *Mokienko Valeriy M.*, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia). SOCIOLECTS IN THE MIRROR OF LEXICOGRAPHY. The paper reviews the jargon dictionaries of the Russian language within the typology the author suggested. The dictionaries are divided into small (fewer than 500 items), medium (500-3000 items), and large (over 3000 items)

Small sociolect dictionaries of the beginning of the 20th century describe Russian thieves argot ("Босяцкий словарь" ("Bosyatsky Slovar", The Vagabond Dictionary), 1903; pocket dictionaries for the militia in the 1950s-1970s). Dictionaries of the end of the 1980s describe youth jargon (A.S. Zapesotsky, A.P. Fay, F.I. Rozhansky, V. Lurie, etc.). Post-perestroika dictionaries show the tendency to filiation of jargonism semantics, to recording idioms, and to providing contexts illustrating the meaning of words and expressions.

An example of a medium dictionary is V.F. Trakhtenberg's "Блатная музыка" ("Blatnaya Muzyka", the Music of the Criminal World) reflecting the argot of the late 19th — early 20th century. Modern dictionaries are published both in Russia and abroad. They are dictionaries of lingo (A. Skachinsky; V. Bykov; M.A. Grachev), of the argot of criminals and prisoners (A. Piriev), of the argot of the GULAG (B. Ben-Jacob), of city jargon (M.M. and B.P. Krestinsky), of regional youth jargon (Voronezh, Pskov, Magnitogorsk), of social group jargon (drug addicts, military people, footballers, schoolchildren and students).

Large dictionaries are collections of the argot of broad space and time limits. They can be collections of regional or social group materials. These are the dictionaries of the Russian thieves' jargon (D.S. Baldaev, O.B. Khomenko), the Dictionary of the Thousand-Year-Old Russian Argot (M.A. Grachev), the Dictionary of Moscow Argot and the Dictionary of Russian Argot (V.S. Yelistratov), the Dictionary of Russian Youth Slang (T.G. Nikitina), the Dictionary of Magnitogorsk Youth Jargon (B.B. Maksimov), the Unabridged Dictionary of Russian Jargon (V.M. Mokienko, T.G. Nikitina), and other. There are also bilingual slang dictionaries.

Argot, slang and jargon words become parts of dictionaries of other types, e.g., modern dictionaries of Russian invective and colloquial words.

The study and lexicographical description of Russian sociolects show that for 150 years they were steadily developing from secret languages and argots of closed social groups to youth jargon — the main source of modern speech and literary language innovation. Still, some problems in this field are still unsolved, such as compiling of dictionaries that represent material in the form of synonymic groups or ideographic fields.

They will further help create the onomasiological picture of the world reflected in the Russian sub-standard. A crucial task is to compile a fundamental etymological dictionary of the Russian sub-standard. Such a resource will allow to learn the connections of Russian jargon with other languages, and the routes of traditional European jargons in Russia and out of it. The comparison will help to see the relations between "Mine" and "Other" in the system of Russian sociolects, describe their spacial and chronological hierarchy, and predict their further development.

Keywords: sociolect, jargon, argot, slang, lexicography, jargonography.

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит 2 раза в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 41276 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2227-4200).

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/lex>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/lex>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Факс 8(382-2)52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал
ВОПРОСЫ
ЛЕКСИКОГРАФИИ
JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2013. № 2(4)

Редактор *Т.В. Зелева*
Редактор-переводчик *В.В. Каишур*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 23.10.2013 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Печ. л. 7,75; усл. печ. л. 7,4; уч.-изд. л. 7,20.

Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Учебно-производственная типография ТГУ, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 66